

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ОКТАБРЬ
2000**

**ТИШРЕЙ
5761**

N 10 (102)

И ВОЗДАСТСЯ ...

Вопросы жизни и смерти волновали людей на протяжении всей истории. Известна попытка Бориса Пастернака поговорить об этом со Сталиным. Диктатор тогда уклонился от обсуждения, а проблема осталась – наше общество до сих пор не выработало единого мнения, единого подхода, например, к смертной казни.

Высшая мера наказания в виде смертной казни имеется во многих странах. Формально она существует и в еврейском государстве, но только для виновных в Холокосте и для предателей во время военных действий. По мнению ведущих раввинов, смертная казнь противоречит еврейскому праву, и ее осуществление является религиозным преступлением. За всю историю Израиля были исполнены лишь два смертных приговора.

Согласно Торе каждый человек может раскаяться, встать на праведный путь, измениться в лучшую сторону. А законодательство не всегда и не всюду дает ему такой шанс.

Этому можно найти два объяснения.

Все можно изменить, всегда можно вернуться обратно, но нельзя оживить умершего, погибшего. Убийство – тот грех, который невозможно искупить, вернуть отца или мать детям, родителям их ребенка. А без этого трудно проверить искренность раскаяния.

Отсутствие строгого наказания для некоторых людей может казаться разрешительным сигналом к преступлению, когда не осознается весь его страшный характер. Однако часто только возможность законного применения чрезвычайных мер может остановить потенциального преступника, и тут мы должны различать собственно закон и способ его применения. Еще живы те, кто помнит, что в хейдере одно лишь наличие у учителя (меламеда) палки для наказания было достаточным для примерного поведения – палку и не надо было использовать.

Во времена Храма, если Сангедрин (Верховный суд) принимал единогласное решение о виновности подсудимого, то приговор по такому решению не исполнялся. Считалось, что у каждого человека имеются достоинства, у самого ничтожного – хоть чуточку положительных качеств. Если суд не нашел их, возможно, он был предрасположен к обвинительному решению. Среди членов суда должны были присутствовать люди, готовые и умеющие найти то, что характеризует обвиняемого с хорошей стороны. Если же обвинительный приговор принимался большинством, но, когда имелся хоть один не согласный с ним, когда становилось ясным, что судьи старались найти оправдательные моменты, но не смогли, и приговор входил в силу. Сложившееся в тот момент общество осуждало Сангедрин уже в том случае, если он чаще, чем раз в семь лет, выносил смертный приговор – такой Сангедрин прозывался кровожадным. Иные считали Сангедрин таковым, если решение о смертной казни выносилось чаще, чем раз в семьдесят лет. Рабби Тарфон и рабби Акива призывали вообще никогда не выносить смертные приговоры. С другой стороны, общественное мнение осуждало даже тех людей, кто просто вызывался в суд. Сам этот факт считался постыдным.

Таким образом общество само охраняло себя, и каждый его член был озабочен тем, как он выглядит в глазах соседей. Никому не приходило в голову, что проступок, тем более преступление, могут быть забыты, как это часто происходит сегодня.

Наш закон, методы его реализации — лишь отражение жизни и тогда и только тогда, когда изменимся мы, будет найдено достойное развитого общества решение проблемы смертной казни.

Мне остается пожелать, чтобы в новом году все последовательно выполняли обязательства, принятые перед Всевышним и людьми, и поводов для раскаяния в следующий Йом Кипур у нас было меньше.

Áěàáí úé ðààèí Ðîñèè Áàðé Èàçàð

УРОКИ ТОРЫ

Мы начинаем публикацию очередной серии бесед Любавичского Ребе. Редакция с удовлетворением констатирует, что материалы этой рубрики пользуются неизменным интересом читателей.

На этот раз предполагается в течение года представить вашему вниманию беседы Ребе по недельным главам Торы. Беседы адаптированы главным раввином Великобритании лордом Джонатаном Саксом.

ВВЕДЕНИЕ

Работа над переводом всегда сопряжена с определенными трудностями. Начиная со времен Вавилонского столпотворения, в многообразии языков заключалось нечто большее, чем возможность по-разному сказать одно и то же. В каждом языке, даже в каждом диалекте, отражается культура народа. При переводе эти особенности необходимо учитывать и лишь приблизительно следовать оригиналу.

Это общее правило в полной мере применимо при переводе трудов по хасидизму. Любавичский Ребе, чьи работы легли в основу данной книги, дал классическое определение хасидизма. Его нельзя воспринимать лишь как один из разделов еврейской философии. Хасидизм исследует эзотерический аспект Торы, он обращен к душе и затрагивает основы самого существования. Хасидизм высвечивает и другие разделы иудаизма – Галаху и Агаду – и за многообразием форм выражения находит между ними внутреннюю связь.

Другими словами, хасидизм связан с глубинным уровнем Торы, ее уникальностью, и в этом смысле он почти не поддается переводу. Постоянно бросая вызов светскому мировосприятию, он почти неподвластен воспроизведению на современном европейском языке. Хасидизм дает нам возможность преодолеть границы человеческого познания, открыть для себя доселе загадочный мир. Это испытание особенно значимо в наш век – век, подвергнувший сомнению Б-жественные основы мира, сделавший человеческий разум мерой всего – и ставший свидетелем трагических последствий отказа от религиозной духовности в формировании нравственных принципов.

В чем же тогда заключается работа переводчика? Почти восемьсот лет назад Маймонид, подняв эту проблему, сам же и предложил ее решение. В письме своему переводчику, Шмуэлю ибн Тиббону, он писал: «У того, кто дословно пытается переводить текст с одного языка на другой, придерживаясь того же порядка слов и предложений, что и в оригинале, часто возникает много трудностей и не получается хорошего перевода».

«Переводчику сначала следует самому понять, о чем идет речь, и на другом языке просто раскрыть свое понимание предмета. Это сложно сделать, не изменив порядка слов. Ведь иногда достаточно одного слова, чтобы раскрыть смысл всей фразы, а, бывает, не хватает и предложения, чтобы перевести одно слово. Дословный перевод не всегда обеспечивает ясность изложения».

Именно таким образом был сделан перевод, предлагаемый вам.

И если эта книга вдохновит читателя на дальнейшие поиски, пробудит интерес к глубокому изучению предмета, переводчик может считать свою задачу выполненной.

Слушание или чтение трудов Любавичского Ребе можно сравнить с путешествием. Его слова заставляют нас двигаться вперед, и к концу пути мы уже не те, что были в начале. Порой «сиха» (беседа) начинается с, казалось бы, микроскопической проблемы, очень медленно мы будем продвигаться вперед почти незаметными шагами: например, с вопроса к одному из комментариев Раши или с попытки объяснения какого-то положения Галохи – заповедей иудаизма, предназначенных для практического исполнения. Поиски ответов будут раскрывать другие аспекты проблемы, приведут к частичным решениям и возникновению новых вопросов. Шаг за шагом мы доберемся до верных ответов. Рассмотрение проблемы с более широких позиций приводит не только к ответу на поставленный вопрос, но и к тому, что сам вопрос превращается в предмет серьезных духовных поисков. Становится ясно, что и изначально он возник лишь потому, что мы искали на поверхности, не пытаясь постичь внутренний смысл Торы.

Так, проблемы в законах о разводе заставляют нас задуматься о самой идее союза и разрыва и по-новому объяснить сущность изгнания. Отрывок, связанный с законом о плодах деревьев на пятый год их жизни, приводит к размышлениям об уровнях духовности, к урокам из жизни Баал-Шем-Това и к переоценке обычного понимания святости. Размышления о названии сидры (недельного раздела Торы) пересекаются с темами болезней, раскаяния и самоидентификации человека. Каждая беседа ведет нас от частного к общему, от конечного к бесконечности и вновь возвращает назад, меняет наши представления о мире и о самих себе. Возвратившись к вопросу, поднятому в начале сихи, мы уже по-другому оцениваем ситуацию.

Если говорить коротко, каждая беседа – это хасидский путь, полный спусков и восхождений, продвижения вперед и возвращений, путь, пролегающий и по Торе и по Вселенной, по нашей душе. В этих беседах вновь и вновь повторяются темы неразрывности души и Б-га, постоянного желания и возможности тшувы, единства еврейского народа, ошибочности отчаяния, тема света, постоянно пробивающегося сквозь тьму истории. Эти основные темы хасидизма красной нитью проходят через всё учение Ребе. Сама конструкция беседы, построенной в форме вопросов и ответов, выдвижения аргументов и утверждения аксиом, отражает сущность Хабада: работа мозга определяет наши чувства, эмоции и действия. Истина, схваченная разумом, затем проникает в сердце. Постигая действительность, мы становимся самими собой.

Эти беседы обращены прежде всего к современной еврейской общине. Под началом пути здесь подразумевается темный мир, в котором после Холокоста духовность, моральные убеждения и Б-жественное предназначение оказались почти преданными забвению. Но жива тайная надежда, что вслед за периодом всеобщего заблуждения наступит вечное понимание духовной мудрости Торы, что тучи рассеются и откроют для нас Бесконечный Свет.

В работе над переводом и составлением этих бесед неоценимую помощь и поддержку мне оказали раввины Файвиш Фогель и Шмуэл Лью. Им я выражаю глубокую признательность, а ответственность за ошибки и промахи беру на себя. Их дружбе и вдохновляющей идее и посвящается эта книга.

БРЕЙШИС

В библейском описании сотворения мира поражает своей загадочностью одна деталь – свет, созданный раньше всего остального, созданный тогда, когда не существовало еще ни единого творения, способного им воспользоваться. Объяснение, данное нашими мудрецами, лишь добавляет таинственности, ибо они говорят, что первозданный свет был сразу же сокрыт и предназначен «для праведников в грядущем мире». Беседа Ребе разрешает это противоречие и объясняет, какое значение имеет рассказ о сотворении мира для каждого отдельного человека и для выбора им своего жизненного пути.

НАЧАЛО ТВОРЕНИЯ

«И сказал Всесильный: “Да будет свет”; и стал свет» (Брейшис, 1:3). Таково было первое из речений Б-га, посредством которых Он творил мир, и свет был самым первым из Его творений.

Но почему именно так? Ведь свет не имеет ценности сам по себе; его ценность обусловлена существованием других творений – как одушевленных, так и неодушевленных, которые он освещает или которые им пользуются. Итак, зачем создавать свет, когда нет еще абсолютно ничего?

Мы не можем сказать, что это было лишь подготовкой для появления последующих творений (подобно тому как Талмуд объясняет, что человек был сотворен последним, когда все уже было готово для него). Ведь если бы это было так, то свет должен был быть сотворен непосредственно перед созданием животных, способных отличить свет от тьмы, или, по крайней мере, растений, для роста которых он необходим, то есть на третий день творения.

СОКРЫТЫЙ СВЕТ

Мудрецы в Талмуде объясняют, что первозданный свет был сразу же сокрыт и предназначен «для праведников в грядущем мире». Но это объяснение выглядит парадоксом: ведь если вся цель света состоит в том, чтобы освещать, то зачем же понадобилось его спрятать немедленно после сотворения, отрицая тем самым его *raison d'être* (причину для существования)? И хотя мудрецы говорят, почему свет следовало спрятать, нам все же необходимо понять, для чего Б-г, безусловно предвидя это, все-таки сотворил свет в самом начале.

Следующий комментарий, также требующий разъяснений, взят из книги Зогар. Там указывается, что гематрии (численные значения) ивритских слов «ор» (свет) и «раз» (тайна) совпадают. Это является признаком существования связи между обозначаемыми этими словами понятиями (все сущее было сотворено посредством перестановки букв, содержащихся в Б-жественных речениях, следовательно, два понятия, названия которых составлены из букв с одинаковым суммарным значением, должны иметь некую общую суть). Но и здесь мы имеем дело с парадоксом: ведь свет, по самой сути своей, есть нечто явное, в то время как тайна есть нечто по определению сокрытое. Как же могут два столь противоположных понятия иметь внутреннюю связь?

АРХИТЕКТУРА ВСЕЛЕННОЙ

Для разрешения этих противоречий рассмотрим замечание, приведенное в Мидраше (Брейшис Раба): «Как король, желающий построить дворец, не делает этого беспорядочно, а сверяется с планами архитектора, так и Б-г смотрел в Тору и творил мир».

Иными словами, рассматривая порядок создания человеком чего бы то ни было, требующего предварительного планирования и обдумывания, мы можем лучше понять порядок создания Б-гом мира.

Сначала человек концентрируется на мысленном определении конечной цели работы и лишь после этого приступает к труду. В некотором смысле этому можно уподобить и сотворение мира Б-гом. Целью творения мира (системы, в которой Б-жественный свет сокрыт за плотной завесой материальности) было его очищение с последующим восстановлением первоначального Б-жественного света. Таким образом, конечной целью Всевышнего было построение «Его обиталища в нижних мирах». Это означает, что состояние Его сокрытия (тьма) должно впоследствии трансформироваться в состояние Его явного присутствия (свет).

Поскольку свет был конечной целью творения и, следовательно, первым по порядку замысла, он и был сотворен в первый день. Цель всего последующего творения отражена в первом из речений Всевышнего: «Да будет свет!».

СВЕТ, КОТОРЫЙ ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ

Тем не менее намек на свет содержится и в описании каждого из последующих дней творения, ибо все они завершаются фразой: «И увидел Всесильный, что это хорошо». Само слово «хорошо» намекает на свет, как сказано: «И увидел Всесильный свет, что он хорош» (Брейшис, 1:4). Следовательно, свет присутствовал в каждом из дней творения. Но как это возможно, если свет есть конечная цель творения и как таковой присутствует в явном виде лишь в самом начале?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что цель может проявлять себя двояко:

а. в явном виде на начальном этапе;

б. в неявном виде на всех этапах работы, направляя и корректируя каждый шаг в соответствии с исходным замыслом.

Отсюда следует, что первоначальный свет существовал как бы в двух измерениях. Сначала – в первый день творения, то есть до появления чего бы то ни было другого – в открытой форме как цель мироздания, затем – в последующие дни – в неявной форме (поэтому о нем говорится лишь намеком), направляя дальнейшие этапы творения и приводя их в соответствие с генеральным планом.

РАСКРЫТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Теперь мы можем понять, почему Зогар указывает на связь между понятиями «свет» и «тайна» и почему мудрецы говорят, что свет был сокрыт и предназначен для праведников в грядущем мире.

Когда здание еще строится, его окончательная форма не видна и существует лишь в планах архитектора. Она становится очевидной для всех лишь по завершении работы.

Так и наш мир: только когда наша работа на протяжении шести тысячелетий, предшествующих приходу Мошиаха (и соответствующих шести дням творения), приведет его к завершённому состоянию, тогда раскроется конечная цель его создания («свет»).

Этот свет сейчас сокрыт, но в грядущем мире (когда наше служение в этом мире завершится) он снова будет сиять, как в первый день творения.

Но все сокрытое где-то находится. Где же сокрыт первоизданный свет? Мудрецы отвечают: в Торе. Ибо как чертежи и планы направляют руку строителя, так Тора направляет нас (через ее изучение и выполнение ее заповедей) к приведению мира в совершенное состояние.

ОТ МИРА К ЧЕЛОВЕКУ

Каждый человек является своего рода микрокосмом, миром в миниатюре, и судьба мира является его судьбой. Таким образом рассмотренный выше порядок творения мира применим и к отдельной личности.

«Свет» есть конечная цель существования каждого еврея, то есть каждый еврей призван преобразовать окружающую его действительность в «свет». И не только удаляя тьму (зло), что достигается путем воздержания от греха, но и активно трансформируя саму тьму в свет путем совершения добра.

Порядок действий человека в ходе реализации этой программы должен быть таким же, как и порядок Б-жественного творения: вначале следует сформулировать цель. Это немедленно ведет к пробуждению души от спячки. Человек ощущает себя «новым творением». И в этом состоянии – ибо, как учит философия хасидизма, весь мир непрерывно создается заново, – человек должен осознать, что задача его существования выражена в словах «Да будет свет!».

А затем, сделав первый шаг, он должен отразить эту цель во всех своих последующих действиях – сверяя их с Торой – генеральным планом мироздания.

ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ

Если свет является целью всего сотворенного, то и сама тьма имеет своей целью свет. Ибо цель существования тьмы не в том, чтобы ее избегать (иными словами, не в том, чтобы предоставить человеку возможность выбора между добром и злом), но в том, чтобы ее самое трансформировать в свет.

И если даже человек порой впадает в отчаяние, тщетно пытаясь в гнетущей тьме потерявшего ориентиры мира добиться победы света, не говоря уже о превращении зла в добро, то именно для этого и сказано о начале творения: «Вначале (другой перевод – ради начала) сотворил Всесильный...». И мудрецы толкуют это так: «Ради народа Израиля, названного “началом творений Всевышнего”, и ради Торы, названной “началом пути Всевышнего”».

Мир был создан для того, чтобы еврейский народ с помощью Торы преобразовал его в вечный свет явного Б-жественного присутствия, в соответствии с мессианским пророчеством Ишайягу (60:19): «Не солнце будет тебе более светом дня, и не блеск луны будет давать тебе свет, но Г-сподь будет тебе светом вечным».

НОАХ

Беседа объединяет два урока, которые можно извлечь из этой главы Торы. Один – добродетель Шема и Яфета, проявившаяся в том, что они прикрыли наготу своего отца и при этом не смотрели на него, второй – использование в тексте длинного эвфемизма вместо слова «нечистый», из чего мы учимся необходимости говорить деликатно. Затем беседа разрешает парадокс – с одной стороны, мы не должны замечать недостатки в других людях, а с другой – должны стремиться исправить их ошибки.

ЧИСТОТА РЕЧИ И ВЗОРА

Стих из недельной главы (Брейшис, 7:8) «...из скота чистого и из скота, который не является чистым» (о животных, которые парами входили в ковчег) Талмуд (Псохим, 3а) комментирует так: «Неделикатное слово никогда не должно сходиться с уст человека, ибо сама Тора изменяет своим обычным правилам и использует восемь дополнительных букв только ради того, чтобы избежать употребления некрасивого слова». Комментарий Раши поясняет, что использование термина «тамэй» («ритуально нечистый») вместо приведенного в Торе выражения «который не является чистым» сэкономило бы в оригинальном тексте восемь букв. А поскольку Тора всегда использует максимально сжатый язык, то урок этого изысканного оборота Писания как раз и состоит в том, что речь человека должна быть всегда свободна от неподобающих выражений.

Эта недельная глава, помимо указаний о речи, содержит еще и урок, касающийся взгляда. Шем и Яфет настолько сильно заботились о том, чтобы не увидеть наготы своего отца Ноаха, что «...взяли одежду и положили ее оба на плечи свои и пошли задом, и покрыли наготу отца своего, лицами назад, и не видели они наготы отца своего» (Брейшис, 9:23). И обещанная им награда подчеркивает их добродетель: «...Благословен Б-г, Всесильный Шема, Кнаан же да будет им рабом! Даст Всесильный простор Яфету и да обитает Он в шатрах Шема...» (Брейшис, 9:26,27).

Но эта история несколько озадачивает. Ведь из того факта, что Шем и Яфет шли задом, совершенно понятно, что они не видели состояния, в котором находился их отец. Зачем же Тора добавляет, казалось бы, лишние слова «и не видели они наготы отца своего»?

ЗЕРКАЛО, ОТРАЖАЮЩЕЕ НЕДОСТАТКИ

Баал-Шем-Тов говорил, что если человек видит какой-либо недостаток в ближнем, то это указывает на наличие подобного недостатка в нем самом. Человек видит себя как бы в зеркале – если лицо, которое он там видит, запачкано, значит, в грязи его собственное.

Возникает вопрос, почему же человек в ближнем может увидеть только собственные недостатки?

Причина в том, что Б-жественное Провидение присутствует во всем происходящем. Если мы видим плохое в других, то в этом тоже заключена высшая цель, а именно – указать нам на наши несовершенства, подлежащие исправлению. Представлять их нам именно косвенным путем необходимо потому, что «...любовь покрывает все ошибки» (Притчи, 10:12), а любовь к самому себе всегда сильна. Человек слеп к собственным недостаткам. Он должен увидеть их в ком-то другом, заставить себя спроецировать увиденное на собственную персону и найти нечто подобное в себе самом.

Но задача еврея заключается не только в самосовершенствовании, но и в том, чтобы помочь ближнему стать лучше. Как сказано в Талмуде (Бава Мециа, 31а): «Ты, конечно, должен упрекать друга своего, даже и сто раз».

Очевидно, когда человек видит недостатки своего ближнего, Провидение возлагает на него также задачу помочь тому исправиться, а не только исследовать собственные слабости.

Говоря прямо, каждый еврей имеет цель и смысл своего собственного существования, а не является лишь средством для использования другими. Как же тогда можно от нас требовать использовать друга в наших собственных интересах и к тому же без всякой выгоды для него самого?

ЗАМЕТИТЬ И ИСПРАВИТЬ

Чтобы понять это противоречие, вернемся к приведенной в начале беседы цитаты из Талмуда: «Неделикатное слово никогда не должно сходить с уст человека...». Решив попутно довольно частную проблему, имеющую отношение к теме, Талмуд задает вопрос: «А разве мы не находим нигде в Торе слова «тамэй», то есть того самого термина, который нас учили избегать?»

Но вот это как раз и странно! Слово «тамэй» встречается в Торе более ста раз! Противоречие настолько очевидное, что вопрос должен был быть задан сразу, а не после обсуждения частных. Да и форма вопроса не вяжется со столь прямым и лежащим на поверхности возражением.

Ответ заключается в том, что для галахических (относящихся к еврейскому Закону) текстов требования абсолютной точности и недвусмысленности перевешивают соображения приличия, и в таких местах используется термин «тамэй». В повествовательном же контексте забота о деликатности выражений заставляет прибегать к эвфемизмам, даже если это вынуждает удлинить фразу.

Таким образом, использование в других местах Торы термина «тамэй» не противоречит принципу, согласно которому мы должны использовать наиболее деликатные выражения. А Талмуд выдвигает здесь возражения потому, что термин «тамэй» крайне редко используется в повествовательных частях Торы. В действительности, даже в тех галахических местах текста, где закон не относится собственно к нечистоте, но лишь упоминает ее мимоходом, Тора предпочитает эвфемизмы.

Все вышесказанное относится не только к речи, но и ко взгляду. Когда мы видим, как еврей делает что-то неправильно, нашей первой заботой должна быть Галаха (то есть закон, относящийся к его действиям) – мы обязаны сделать ему замечание и попытаться с должным тактом и деликатностью исправить его поведение.

Но если мы почувствуем, что видим нечто дурное не как сигнал для нас (что мы обязаны исправить), а как недостаток другого человека (критика, не предлагающая путей исправления), – тогда следует понять: «Осторожно, зеркало!». Иными словами, ищи недостаток в себе самом!

ДОБРОДЕТЕЛЬ ШЕМА И ЯФЕТА

Вот теперь мы получили ответ на вопрос, почему Тора, сказав, что Шем и Яфет отвернули лица свои от Ноаха, добавляет: «и не видели они наготы отца своего». Этим подчеркивается, что они не просто не видели его, но что они не были озабочены его виной как таковой, их волновало лишь, что следует сделать для ее исправления (в данном случае накрыть его одеянием). Третий из братьев, Хам, видел своего отца, и тем самым обнажил собственные недостатки.

Рассказ Торы учит не только тому, что не следует обсуждать недостатки ближних (как поступил Хам, рассказав братьям об отце). Мы не должны даже думать о них, если не в состоянии их исправить. Следующий этому правилу получает обещанную награду: «Благословен Г-сподь, Б-г Шема» и «Да расширит Б-г Яфета». Такой человек вносит вклад в братскую любовь и единство народа Израиля, что приведет в мир Мошиаха!

ЛЕХ ЛЕХА

На первый взгляд кажется, что существует противоречие между названием недельной главы и ее содержанием. Ибо название главы, Лех Леха, означает, как разъясняется ниже, «иди к себе» и подразумевает продвижение Авраама к выполнению своей цели в жизни. Глава же повествует о целом ряде событий, произошедших с Авраамом, которые, казалось бы, отвлекали его от этой важной миссии. Беседа разрешает это противоречие путем глубокого анализа понятия «самореализация», или «подъем», применительно к еврею.

ЧТО В ИМЕНИ МОЕМ?

Имена и названия в Торе не случайны. Во многих случаях мы видим, как имя человека говорит о его характере. То же относится и к названиям недельных разделов. В них – ключи к содержанию, хотя на первый взгляд кажется, что они просто взяты из начальных слов раздела и оказались в роли названия как бы по воле случая. Нет такого понятия, как «чистая случайность», поскольку все свершается по воле Б-жественного Провидения. Это верно как в общем случае, так, конечно же, и в вопросах Торы.

Можно подумать, что названия недельных разделов являются относительным нововведением, поскольку мы не можем утверждать определенно, что они упоминаются в Талмуде, в то время как названия книг Пятикнижия и разделов Мишны приводятся там. Но существует закон, касающийся юридических документов, по которому имя, упомянутое в таком документе, признается законом Торы, если оно не оспаривалось в течение тридцати дней. Тем более это относится к названиям разделов Торы, поскольку они не оспаривались в течение более тысячи лет и упоминаются в комментариях наших мудрецов (например, Раши).

Таким образом, мы можем кратко выразить внутреннее содержание рассматриваемого раздела Торы, если поймем все аспекты, содержащиеся в его названии - Лех Леха.

ЛЕХ ЛЕХА: ИДИ К САМОМУ СЕБЕ

Обычно эти слова переводятся как «Выйди из (из земли своей и из отечества твоего и из дома отца твоего...)». Но буквальное их значение – «Иди к себе». Слово «идти» в контексте Торы имеет значение двигаться по направлению к высшей цели человека – к служению Творцу. И на это намекает фраза «иди к себе», то есть к сути своей души и к той конечной цели, ради которой ты был сотворен.

Такая заповедь была дана Аврааму, и начало повествования передает ее смысл, ибо ему было приказано покинуть свое языческое прошлое и идти в Израиль. А в самой Земле Израиля он «двигался на юг», то есть по направлению к Иерусалиму, по направлению возрастания святости. Но затем мы неожиданно читаем: «и был голод в той стране, и Аврам спустился в Египет». Для чего этот неожиданный поворот в его духовном подъеме, в особенности если вся глава, как указывает ее название, должна, казалось бы, говорить о постоянном подъеме Авраама в направлении выполнения своего предназначения?

СПУСК ИЛИ ПОДЪЕМ?

То, что это было поворотом назад, очевидно. Путешествие в Египет означает духовную деградацию, как прямо говорит фраза из Писания: «и Аврам спустился в Египет». Причина этого путешествия («и был голод в той стране») также кажется явным сокрытием благословения Всевышнего. Тем более, что Б-г обещал Аврааму: «и я сделаю тебя народом великим, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое». Разве не странно, что едва он достиг земли, о которой говорил ему Б-г, голод заставляет Авраама покинуть ее?

Один из возможных ответов заключается в том, что таково было одно из испытаний, которые Авраам должен был выдержать и доказать, что он достоин возложенной на него миссии (и Мидраш сообщает, что столкнувшись с этим труднейшим испытанием, Авраам «не сердился и не жаловался»).

Но этого объяснения недостаточно. Ибо миссия Авраама не носила личного характера – на него была возложена задача распространять Имя Б-жье и собирать тех, кто поверит в Него. Мидраш сравнивает его многочисленные путешествия с тем, как встряхивают коробочку с благовониями, чтобы их аромат распространился по всей комнате. Поэтому объяснение его спуска личными проблемами не разрешает наших затруднений. Особенно если учесть, что результат этого испытания ставил под угрозу миссию Авраама. Тот факт, что непосредственно за появлением человека, говорящего о Б-ге, следует общенациональное бедствие в виде голода, служит плохую службу распространению веры в Б-га.

Хуже того, – когда Авраам пришел в Египет, его жена Сара была силой взята во дворец фараона. И хотя последний не дотронулся до нее, все это было явным спуском от того высокодуховного пути, который, казалось, был для них предначертан.

И даже еще раньше, когда они только подходили к Египту, Авраам сказал Саре: «Вот я знаю, что ты женщина красивая». Таким образом, он уже начал смотреть (хоть и

только относительно его собственного высочайшего уровня) «египетскими глазами»; ведь раньше он не замечал этого вследствие духовной природы их отношений.

Так как же, несмотря на все это, может история, рассказанная в этой главе, быть историей непрекращающегося духовного восхождения Авраама к реализации своего предназначения?

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ИСТОРИИ

Мы можем приблизиться к разрешению указанных противоречий, если поймем внутренний смысл известной фразы «деяния отцов служат знаком для детей их». Это не просто означает, что судьба детей отражает судьбу их праотцев. Смысл этой фразы более глубокий – то, что делают отцы, влечет за собой происходящее с их потомками. Заслуги отцов дают детям силу следовать их примеру. И в странствиях Авраама была разыграна и стала возможной последующая история сынов Израиля.

Спуск Авраама в Египет предвосхитил грядущее египетское изгнание. «И вышел Авраам из Египта» – освобождение еврейского народа. И как Авраам покинул Египет «с большим количеством скота, серебра и золота», так и евреи вышли из Египта «с большим богатством».

И своим спасением еврейский народ был обязан Саре – ибо, как Сара защищала себя от посягательств фараона, так и еврейские женщины хранили себя от связей с египтянами.

КОНЕЦ ЗАКЛЮЧЕН В НАЧАЛЕ

Следовательно, мы можем увидеть, что конец путешествия Авраама в Египет предсказан в самом его начале. Ибо целью путешествия был последующий выход «с большим количеством скота, серебра и золота», указывающий на способ, которым Авраам трансформировал наиболее мирские и даже языческие предметы и поставил их на служение Б-гу. В этом же заключалась и цель последующего пребывания евреев в египетском изгнании – присутствие Б-га должно ощущаться и в наиболее низком из мест. Финальный подъем уже заключен в первоначальном спуске.

В еврейской традиции есть пример, отражающий такой непрямой подход. Вавилонский Талмуд, в отличие от Иерусалимского, никогда не приходит к решению проблемы прямо. Решения достигаются путем дискуссий и диалектических рассуждений, которые, при кажущейся отвлеченности, проливают больше света на обсуждаемую проблему, чем мог бы дать прямой подход. Когда эти две книги расходятся во мнениях, всегда следуют решению Вавилонского Талмуда.

Точно так же кажущиеся отклонения в еврейской истории представляют собой не уход в сторону от предначертанного пути, а способ донести свет Б-га в ранее нетронутые уголки мира как подготовку к грядущему освобождению, как его часть.

Уход Авраама в Египет был не прерыванием, а неотъемлемой частью выполнения заповеди «иди к себе», то есть двигайся к выполнению своей миссии – служению Б-гу.

И поскольку судьба Авраама стала судьбой детей Израиля, то это и наша судьба. Наше изгнание, подобно его изгнанию, является подготовкой (и следовательно,

частью) Освобождения. И грядущее Освобождение выведет нас на более высокий уровень в сравнении с тем, которого мы могли бы достичь без изгнания. Как сказано у пророка: «Выше будет слава грядущего Дома (то есть Храма времен Мессии), нежели слава Дома бывшего (то есть Первого Храма)».

Изгнание, таким образом, есть неотъемлемая часть духовного прогресса; оно позволяет нам освятить нашими действиями весь мир, а не только его маленький уголок.

Могут спросить: «Где же этот прогресс? Что-то незаметно, чтобы мир становился более святым, скорее наоборот». Но такое суждение поверхностно. Мир развивается не по своей воле. Его формирует Б-жественное Провидение. То, что на поверхности выглядит как деградация, является, хотя и скрытой, частью непрерывного процесса трансформации, который мы совершаем в этом мире всякий раз, когда действуем в соответствии с Торой и волей Всевышнего. Иными

словами, мир становится все более возвышенным и утонченным. Ничто не иллюстрирует эту идею более ясно, чем рассказ о путешествиях Авраама, сначала прочитанный поверхностно, а затем представленный в его истинной сути.

В какой бы ситуации ни находился еврей, он пытается достичь самореализации с учетом смысла указания «Лех Леха», «иди к себе», и, тем самым, помещает свою жизнь и поступки в перспективу Торы и начинает играть предназначенную ему роль в приближении грядущего Освобождения.

ВАЕРА

В этой недельной главе мы узнаем о том, что Б-г открылся Аврааму после его обрезания. В чем же состоит значение этого события? На этот вопрос отвечает беседа Ребе, и его комментарий раскрывает особую связь между евреем и Б-гом, которая достигается при исполнении заповеди.

ИСТОРИЯ РЕБЕ РАШАБА

Предыдущий Ребе рассказал историю, которая произошла с его отцом, Ребе Рашабом, когда тому было пять лет. Суббота, в которую читали главу «Ваера», была ближайшей к его дню рождения. Чтобы отметить это событие, мать взяла его в гости к дедушке, Цемах-Цедеку (третьему Любавичскому Ребе), чтобы мальчик на свой день рождения получил благословение. Но как только Ребе вошел в комнату, мальчик разрыдался. Дедушка спросил, что произошло. Выяснилось, что на уроке ребенок узнал о том, что Б-г открылся Аврааму, и плачет, потому что Б-г не открывается нам.

Дедушка объяснил: когда еврей, которому исполнилось девяносто девять лет, решает сделать обрезание, он достоин того, чтобы Б-г открылся ему.

Есть и еще одна версия этой истории (Ребе Рашаб не помнил произошедшего с ним в глубоком детстве, но знал две версии этой истории от хасидов, которые при этом присутствовали). По другой версии, дедушка тогда сказал: когда праведный еврей, которому исполнилось девяносто девять лет, решает сделать обрезание, он достоин того, чтобы Б-г открылся ему.

ЗНАЧЕНИЕ ОБРЕЗАНИЯ

В чем заключается смысл поступка Авраама? Даже когда еврею уже исполнилось девяносто девять лет и не просто календарных, а лет, проведенных в непрерывном служении Б-гу (в Торе сказано, что Авраам был «престарелым»; Зогар объясняет – это значит, что каждый день он проводил в служении Б-гу), он все равно связан обязательством сделать обрезание в духовном смысле, обрезать «крайнюю плоть» мира, покрывало эгоистических желаний, скрывающее истинную природу его как Б-жественного творения. В Пиркей Авот написано: «Когда человеку исполняется сто лет, он уже словно умер и покинул этот мир». Другими словами, в этом возрасте (календарном или духовном), когда мир перестает скрывать Истину, человек понимает скрытое значение обрезания. До тех пор пока до этого остается хотя бы один год или один уровень святости, задача остается невыполненной.

ОБРЕЗАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВО АВРААМА

Между Авраамом и обрезанием существует особая связь. Сказано, что шесть заповедей были даны Адаму, седьмая – Ноаху, и еще одна, дополнительная, Аврааму – обрезание. Раз эта заповедь впервые была дана Аврааму, она должна иметь к нему особое отношение. Из этого следует, что обрезание не просто прибавляло что-то к 99 годам его совершенной службы, – до этого момента в его жизни недоставало главного. Это подтверждается и тем, что Б-г, давая заповедь обрезания, говорит Аврааму: «Стань совершенным», имея в виду, что пока у него есть этот изъян, его службу нельзя считать завершенной.

ДЕЯНИЯ ОТЦОВ

Обрезание Авраама имеет еще более глубокий смысл. С одной стороны, известно, что заповеди, которые мы соблюдаем, превосходят те, которые выполняли наши предки до Дарования Торы, настолько, что в Мидраше написано: «Все заповеди, которые праотцы соблюдали до вас, похожи на запах (хорошего масла) в то время, как наши – это и есть “настоящее масло”». Заповеди, выполняемые нашими отцами, можно сравнить с ароматом, а наши дела – с источником этого благоухания. Их дела – излучение, исходящее от концентрированной сущности наших дел.

Это объясняется тем, что наши праотцы поступали так в большей степени по своей воле, по душевному порыву (так Авраам установил утреннюю молитву, а Ицхак – десятину, отдаваемую на благотворительность), нежели по Б-жественному указу. Но в наше время, после Дарования Торы, мы, исполняя заповедь, исполняем волю Заповедавшего. И в этом заключается суть Б-га, так как Он дал нам Тору, открывающуюся словами: «Я – Б-г, Всесильный твой». Этот союз навсегда изменил наш мир, принес в него вечную святость. Добровольная праведность отцов не была исполнением заповедей. Она не связывала их с волей Б-га. А значит, святость, которую они принесли в мир, оказала на него лишь временное влияние.

Но несмотря на это, мы все равно соблюдаем правило: «Деяния отцов служат знаком для детей их», подразумевая, что духовные источники, помогающие нам выполнять заповеди, достались нам в наследство благодаря нашим предкам и их добрым делам, совершенным еще до Дарования Торы. Каким образом они были переданы нам, если между заповедями до Синая и после него, как нам кажется, не существует связи? Есть все-таки одна заповедь, сохранившая в себе эту связь, – это заповедь обрезания. Она единственная была заповедана Аврааму Б-гом (хотя ей и не предшествовали Его главные

слова: «Я – Б-г, Всесильный твой»). Таким образом, ее действие сохранилось до сих пор. Это нить, соединившая деяния отцов со способностью будущих детей Израиля исполнять волю Всевышнего: это остается заслугой обрезания, сделанного Авраамом.

ИСПРАВЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Теперь мы понимаем, что решение Авраама пройти через обрезание после девяноста девяти лет служения Б-гу не просто должно было сделать всю его последующую жизнь совершенной, но скорее перевернуть прошлое, ретроактивно исправив имевшийся в нем изъян.

Это относится ко всем, кто еще не достиг этого уровня «ста лет»: надо не просто прибавить себе заслугу, но суметь превратить свои прошлые недостатки в достоинства.

ДВЕ ВЕРСИИ ЭТОЙ ИСТОРИИ

Теперь мы понимаем смысл обеих версий ответа Цемах-Цедека Ребе Рашабу.

Второй вариант учит нас тому, что даже праведный человек должен пройти через обрезание (его духовный аналог); еще в большей степени это является обязанностью простого еврея.

Как же можно соотнести с этим первую версию этой истории? Разве она не полностью включена во вторую? И еще: Авраам был праведным евреем и до того, как сделал обрезание (ему просто недоставало подтверждения совершенства). Разве можно его называть «простым евреем»?

Ответ: обрезание Авраама было исполнением Б-жественной заповеди и относилось к труднодостижимым аспектам Б-жественности. Оно подняло лучшие способности его души на тот уровень, где исчезает граница между праведностью и ординарностью, где стираются индивидуальные черты человека, его определяющие.

Суть в том, что вторая версия представляет собой более поверхностную точку зрения: праведность выделяет и отличает (то есть акцент делается на обязанности праведного человека), в то время как первая рассматривает тот же вопрос на более высоком уровне, с точки зрения единого источника всех еврейских душ.

СОЮЗ, ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ ВРЕМЯ

Итак, заслуга Авраама, сделавшего обрезание, заключается в вечной ценности каждого момента служения Всевышнему: она объединяет Заповедававшего, того, кому заповедь предназначена, и саму заповедь в союзе, преодолевшем время. Но несмотря на то, что этот союз существует даже для грешников (так как «даже грешники Израиля полны заслуг в исполнении заповедей»), поступок Авраама напоминает нам, что даже праведник всегда может стать лучше, «обрезая крайнюю плоть мира»; и, если он поступает так, то его награда будет той же, что и для Авраама: пророческое знание о существовании Б-га.

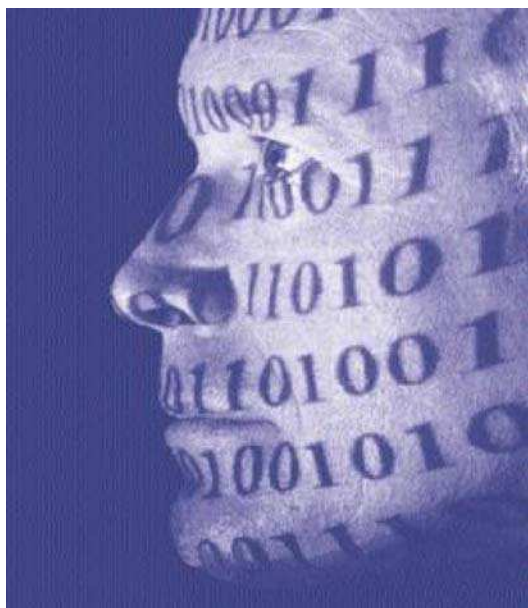
ОСТОРОЖНО:

СЛИШКОМ МНОГО НАУКИ ПРИВЕДЕТ К ТОМУ, ЧТО ВЫ СТАНЕТЕ РЕЛИГИОЗНЫМ!

Аיאאֵ אֵדֵי

Автор – профессор эпидемиологии и общественного здравоохранения в Университете им. Бен-Гуриона, руководитель Центра еврейской медицинской этики им. лорда Якововца, ученый, получавший стипендию им. Фулбрайта, участник программы эксобиологии НАСА.

«Будучи сотрудником Программы космических исследований НАСА, я занимался поиском жизни на Марсе. На эти исследования были израсходованы сотни миллионов долларов. В тот период моей жизни я спросил Любавичского Ребе: “Правильно ли это? Позволено ли это человеку?”»

До своего появления на свет человеческий плод живет в утробе матери, окруженный водой. Он не дышит, его легкие находятся в слипшемся состоянии, сложенные между двумя верхними камерами сердца.

В сердце имеется отверстие для циркуляции крови, трубка соединяет аорту с легочной артерией.

Вскоре, через 10 минут после появления на свет, легкие у младенца расправляются, отверстие в сердце зарастает, трубка герметически закрывается. Чтобы из создания, живущего в воде, плод мог стать существом, дышащим кислородом, должно произойти 67 последовательных изменений. И – о чудо! – все эти изменения действительно совершаются ежедневно и ежеминутно, как самое обычное явление.

Когда мы понимаем, что происходит, – это наука. И мы знаем, что ни один ученый, никто из людей не смог бы разработать и воплотить в жизнь эту последовательность событий. Даже если бы какая-нибудь компания задумала нечто подобное, у нее ничего бы не вышло.

Действительно, если бы мы знали, что происходит в нашей собственной жизни, если бы мы знали, что происходит при рождении ребенка, мы упали бы на колени и возблагодарили

Б-га. Обширные научные исследования истекшего столетия указывают на принцип порядка и последовательности, а это, по моему глубокому убеждению, свидетельствует о том, что есть Творец всего.

Как-то в мой кабинет зашел профессор математики, настоящий атеист, агностик. Он сказал мне: «Я подсчитал, что невозможно, чтобы человеческий глаз эволюционировал за те пять миллиардов лет, которые, как принято считать, существует земля». Он продолжал: «Человек, который верит в эволюцию, – это человек, допускающий скачок веры».

Наука не противоречит Торе. Наука учит – когда Тора гласит: “Я создал мир”, “Я позабочусь о вас”, “Я излечу вас”, и “Я дам вам все необходимое” Знаете что? Ведь Б-г был прав. В 1998 году впервые в истории человечества на планете было произведено столько продуктов питания, что его достаточно было бы, чтобы прокормить всех живущих на Земле людей. Теоретически никто не должен был бы голодать. И в Псалмах сказано: «Ты открываешь свои руки и даешь пищу всякой плоти». Б-г печется обо всех. И это подтверждается наукой. Когда рождается ребенок – знаете что? Он был прав. И это подтверждает наука. Когда врач излечивает больного – знаете что? Он был прав.

Б-г печется обо всем.

Никогда ни один раввин не говорил ученому: «Прекратите научный поиск». Ни один раввин не сказал ему: «Перестаньте доискиваться». Ибо ищущий истину – а вся Тора истина – в конце концов поймет, что всё в природе отражает славу Б-жью.

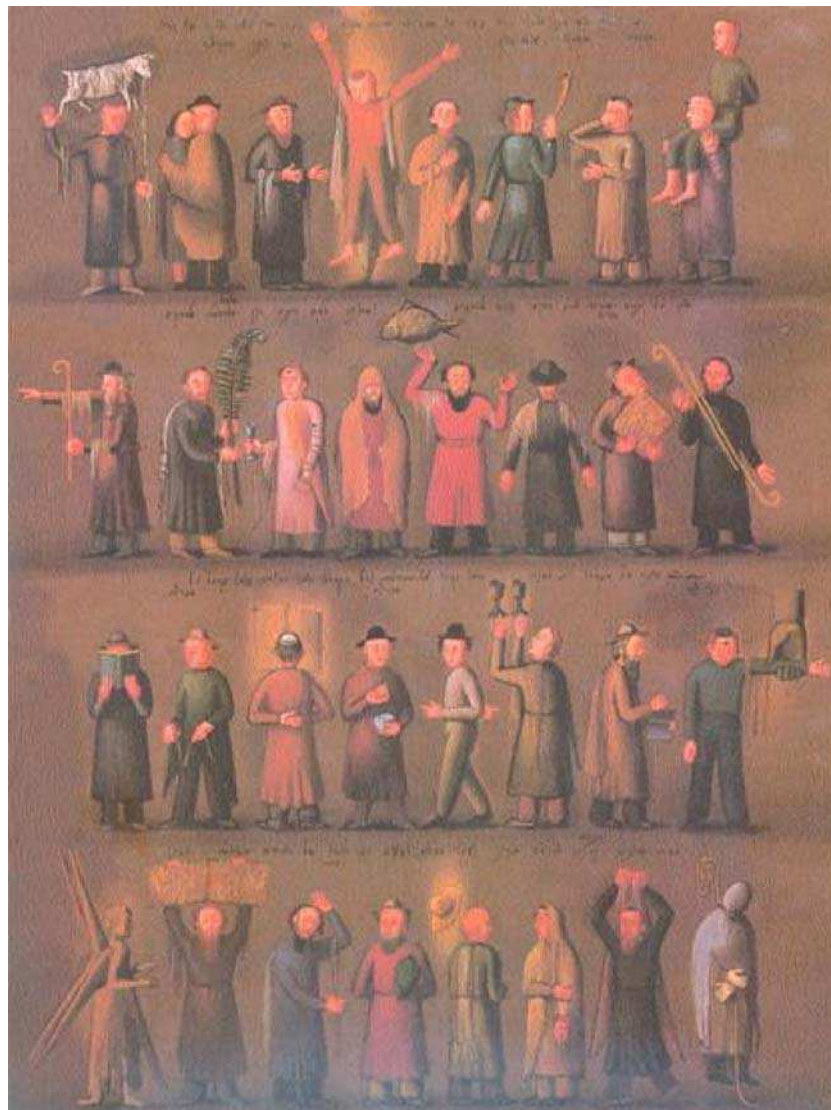
Будучи сотрудником Программы космических исследований НАСА, я занимался поиском жизни на Марсе. На эти исследования были израсходованы сотни миллионов долларов.

В тот период моей жизни я спросил Любавичского Ребе: «Правильно ли это? Позволено ли это человеку? Ведь другие религии запрещают доискиваться. Да и в Торе не сказано, что на Марсе есть жизнь».

Ребе ответил мне тогда: «Профессор Грин, вам следует искать жизнь на Марсе. А если вы ее не найдете там, надо искать ее где-то еще. Если вы будете сидеть здесь и утверждать, что Б-г не создал жизни нигде, кроме как на Земле, значит, вы ставите предел Его всемогуществу, а это не позволено никому».

УМОЛКНУВШИЙ ГОЛОС АЛФАВИТА

Àëëà Çë'áëí ãëàÿ

Гриша Брускин. «Алфавит №11».

Автор, Алла Борисовна Злобинская, – учитель иврита и методист. Многие преподаватели улыпанов пользуются ее разработками. Предлагаемая статья тоже выросла из учебного материала.

Кого должен благодарить весь мир за самый первый алфавит, мы не узнаем никогда. И даже как и из чего он создавался, узнать трудно.

Автор пытается «заглянуть за горизонт». Алла Борисовна считает, что ей удалось сделать открытие национального масштаба. Мы не пытаемся возражать. Пусть читатель судит сам.

*...ἀἰεὶ ἀέσθι ἐεἰῶνι πῶι ἀεῖα
ἡεῦρὸν ἄεὸἄεὸν. καὶ ἀδῶι αἰ
ἐ εεεα εἰ γῆ ὀάδε ἀεῖι ὀ ἰάδῶι ἐπὸι ἰεεὸ
ἡὲ ὀδῶι εεεὺα ὀαεί ὡὸ ῥῖ αἰεε,
ὀαἰ ἀεῖα ἡἰ ἰδῶι ὀαὸ ἰάδῶι ἰαἰ ἐ
ἂ ῥῖ ἀεὸ ἄεεἰ ἐ ῥῖ ἀεὸ ῥῖ αἰεῦ ἀδῶι εἰ
ἰ ἐπὸάδε ἀεῖι ὡὸ ἰἰπῶι αἰεε.
Ἐ. Ἐεεἰαῖ*

Алфавит привычен всем. Мы пишем, пользуемся словарями. Для нас алфавит – просто инструмент закрепления и передачи информации.

Параллельно с этим, как выясняется, алфавит может служить носителем некой эзотерической информации, записанной на языке астрологии.

Приведу цитату:

«...Воспринимая письмо как Б-жественное явление, для упорядочивания алфавитов ученые средневековья обращали свой взгляд на небо. Если написать все буквы по кругу, по две буквы на знак зодиака (дом), то гласные покажут, где в момент составления алфавита находились планеты: Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Альфа – это Солнце, первая буква. Решение такого гороскопа может быть только одно или не быть вовсе. Расчеты показали, что греческий алфавит приобрел современный вид в 1152 году ...» (С.Валянский и Д.Калужный. «О графе Гомере, крестоносце Батые и знаке зверя» из серии «Хронотрон, версии мировой истории», изд. «Крафт+леан», М., 1992 год.)

Проверить и подтвердить правильность приведенного примера не удалось. Кроме того, кажется маловероятным, что такой важный объект, как алфавит, кодирует столь несущественное событие.

Найти способ анализировать еврейский алфавит оказалось достаточно трудно, учитывая все его особенности. В еврейской каббалистической традиции уже есть принятые толкования букв, но к нашему анализу они отношения не имеют. Здесь мы рассмотрим самый простой прием. Сравним два ряда: знаки Зодиака и 12 букв еврейского алфавита, начиная с «**א**».

Вот они, знаки Зодиака в принятом в наше время порядке:

А вот попытка совместить их с буквами алфавита по принципу «один знак - одна буква». Между этими двумя рядами трудно найти что-то общее.

Схема 1.

Поиск знака Зодиака, с которого следует вести отсчет, стал некоторой проблемой. Согласования появляются только при условии смещения одного ряда относительно другого на один знак, как это показано на следующей схеме.

Схема 2

При этом число появляющихся согласований случайным быть не может.

Буквы еврейского алфавита носят имена, связанные с произношением и формой каждой буквы. Кроме того, среди них есть буквы, которые произносятся двойко. С учетом этого можно описать пары знаков из схемы 2 следующим образом.

1. Буква Алеф и знак Тельца (на иврите: Быка) – сам Алеф означает «Бык».
2. Буква Бет-Вет (знак означает «Дом» и одновременно цифру 2) и знак Близнецов (двойная буква и двойной знак).
3. Буква Гимель (двойная, и означает «Верблюд») и знак Рака (двойной, когда-то назывался «Ослики». А может и буква изображала Ослика?).
4. Буква Далет (двойная, «Дверь») и знак Льва (на первый взгляд не двойной, но если углубиться в предмет, то соответствующий месяц, Ав, разбивается на два периода, что ярко отражено в еврейской традиции двумя датами: 9 Ава – День Скорби и 15 Ава – Праздник Любви).
5. Буква Гей (как символ радости) и знак Девы (классическое изображение: Дева и рядом колос на длинном стебле, символ Хлеба. Вглядитесь в букву Гей).
6. Буква Вав (двойная, «Крюк») и знак Весов (двойной, в еврейском календаре Весы связаны с месяцем Тишрей, с Судным Днем, а Вав в каббалистическом смысле изображает связь Верхнего мира с Нижним).

7. Буква Зайин («Копье», «Оружие») и знак Скорпиона (пара!).

8. Буква Хет («Изгородь», на иврите с этой буквы начинается слово «Хец» — стрела) и знак Стрельца (на иврите Лук (боевой)).

9. Буква Тет («Мешок», «Мех», «Бурдюк») и знак Козерога (хозяйственные ассоциации).

10. Буква Йуд («Рука») и знак Водолея. На иврите этот знак называется «Ведро». Вода для географической родины это – основа жизни. В еврейской традиции буква Йуд – основа жизни. Эти два знака рядом можно прочесть как «Источник, дарующий жизнь».

11. Буква Каф (двойная, «Ладонь») и знак Рыб (двойной, они похожи, но не будем принимать это во внимание: вид Каф в древности был другим).

12. Буква Ламед («Шест погонщика») и знак Овна (на иврите – Ягненок), безусловно сочетаются друг с другом.

Можно заметить, что все двойные буквы (обладающие двумя произношениями) оказались в паре с двойными знаками Зодиака. Кроме этого, пары 1, 2, 3, 5, 6, 7, 10, 12 кажутся особенно логично согласованными.

Не нужно воспринимать коды в алфавите как некую тайну. Назначение алфавита – быть вызубренным, в нем могут быть заложены дидактические приемы для обучения. Имена букв (Бык, Дверь...), демонстрирующие звучание, – это прием. И порядок заучивания – это тоже прием. В чем же он заключается?

Рассмотрев алфавит в целом, мы увидим, что общее число знаков, 22, очень стройно раскладывается по четырем строкам на 12, 6, 3 и 1 знак:

ל כ י ט ח ז ו ה ד ג ב א
צ פ ע ס נ מ
ש ר ק
ת

Первую строку мы уже обсудили, она описывает небосвод.

Вторая описывает водную стихию (по названиям букв) – Вода, Рыба, Плавник, Глаз, Рот, Удочка.

В третьей строке нет такой гладкости в сюжете, но явно присутствуют дела земные: Игольное ушко, Голова, Гора. Если толковать набор букв как корень, то следует обратить внимание, что קרש означает что-то твердеющее, превращающееся в камень, либо доску. В Торе слово קרש означает брус для Мишкана.

И последний знак здесь означает – Печать Б-жья.

Здесь не просто прием для заучивания. Небо, вода, суша, завершение...
Символическим языком алфавит рассказывает о Творении!

Принимая во внимание, что современный порядок букв унаследован от протосемитского алфавита, который уже существовал в известном нам порядке в XII до н.э., как показали раскопки в Избат-Царта (Израиль), можно считать, что алфавит создавался **изначально** с дидактическими «ключами» для целей его дальнейшего преподавания. Приемы мастерства с более чем тридцативековым стажем!

Попутно заметим, что алфавит расслоился в согласии с двенадцатиричной системой счета, а евреи пользовались уже десятиричной системой, что можно увидеть из Торы (например, Брейшис, 23:1).

Ġādaò èi ñy é m̄ai á 2

Если буквы служат и цифрами: Алеф – 1, Бет – 2 и т.д, то из схемы 2 вытекает, что первым оказывается месяц, считающийся вторым по еврейскому календарю.

Первый месяц связан с Исходом из Египта, с главным праздником еврейского календаря - Пейсахом, с пасхальной жертвой – Овном, пасхальным Агнцем. Так почему же в нашей схеме первый – не он, а он и вовсе последний?

Как отличить первый месяц? Когда тот месяц, который мы теперь называем в еврейском календаре Нисаном, был первым, чем он выделялся? Скорее всего, положением точки весеннего равноденствия.

Сейчас часто можно услышать: «Мы вошли в эру Водолея, мы живем в эпоху Водолея». Может быть, в этом и есть какой-то таинственный смысл, но прямой — в том, что точка весеннего равноденствия теперь движется по знаку Водолея. А до того она двигалась по знаку Рыб, а до того – по знаку Овна, а до того – по знаку Тельца.

Точка равноденствия двигается по зодиакальному кругу со скоростью около 2000 лет от одного знака к другому. От знака к знаку, от Тельца к Водолею – около 6000 лет. В каком году по еврейскому календарю мы живем сегодня? В 5761-м. Значит, указывая на знак Тельца как на точку отсчета, **алфавит кодирует Самое Первое Событие в мировой истории - дату Сотворения Мира.**

Как в протосемитском алфавите возникла тема из еврейской философии?

Алфавит хранит еще не одну тайну.

О порядке букв мы уже говорили выше. С ним мы согласовали порядок знаков Зодиака и допустили, что он был именно таков в XX – XV вв. до н.э. (не вид неба, а именно астрологический порядок знаков Зодиака). Современные астрологи пользуются Зодиакальным кругом (или квадратом) с началом в Овне, что соответствует астрономически эпохе Исхода из Египта.

«И сказал Г-сподь Моше и Аарону в земле Египетской, говоря: Месяц сей для вас - начало месяцев, первый он для вас из месяцев года. Скажите всей общине Израильской...» (Шмойс, 12:1-3);

«...для вас - начало месяцев...» в месяце Овна, а для всего окружающего мира начало года оставалось в месяце Тельца. Новая эпоха для еврейского народа начиналась с отказа от прежних астрологических причинно-следственных связей, «отречения от старого мира», это была смена судьбы. Готовился Исход из конкретной страны, где евреи были в угнетении, и при этом готовился Переход в другое измерение, к новым законам! (А потом, испугавшись, толпа потребовала изваять Золотого Тельца.)

В Талмуде приведен подобный астрологический пример.

В трактате «Шаббат» (156 а,б) рассказывается, как Авраам говорил Г-споду: «...Я изучил мой гороскоп и у меня не может быть сына...». А Г-сподь отвечал: «...Сейчас твоя звезда, Юпитер, стоит на западе, и потому ты не можешь родить сына. Я же переведу ее на восток, и ты родишь».

У астрологии собственный язык, не связанный напрямую с конкретным видом неба. Можно предположить, что в XX – X вв. до н.э. начало в Тельце либо отражало бытовавшие мистические представления (Телец как Глас Б-жий, сияние Солнца, связь земного и небесного, материальное благополучие), либо было наследием предыдущей цивилизации, либо то и другое вместе.

Мы сравнивали алфавит с известными нам символами. А может, изначально было обратное сравнение? Или это было одно целое, и алфавит рос из астрологических представлений?

ЛУНАТИКИ

חַאדְדֵּץ עֵדָאָּוּ בַּאִי יֵאָד

Что заставило даже оптимистов прийти к выводу, что мирные договоренности в Осло оказались миражем? Расправа палестинской толпы над израильскими солдатами в Рамле, когда окровавленные тела были выброшены на улицу из окна на втором этаже?

Полмиллиона марокканцев, которые на протяжении 50 лет были самым дружелюбно настроенным арабским народом по отношению к евреям, вышедшие на улицы и поносившие Израиль, сжигавшие израильские флаги и размахивавшие палестинским и даже иракским флагами?

Палестинцы, оскверняющие, сжигающие и разрушающие до основания гробницу Иосефа?

Тот факт, что Ясир Арафат презрительно отвергал каждую настоятельную просьбу «расстроенного» президента Клинтона прекратить уличные беспорядки, стрельбу, бомбометание? И в самом деле, в дополнение к той «маленькой» войне, которую начал Арафат, полностью подконтрольные ему телевидение, радио и пресса подстрекали к еще больше кровавым безумствам.

Есть люди, которые сохранили лояльное отношение к Сталину и коммунистической идее несмотря на показательные суды 30-х, соглашение между Гитлером и Сталиным, события в Венгрии в 1956-м и события в Праге в 1968-м и даже несмотря на свидетельства Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Ничто не могло заставить этих людей изменить свое мнение. Они умерли такими же, какими были на протяжении всей жизни – нищими, убогими, с руками, обгагреными кровью.

Точно так же есть люди, которые направляют внешнюю политику США и Израйля и упорно не желают отказываться от своей мечты увидеть миролюбивых, признающих Израиль палестинцев. Они совершенно не воспринимают реальность.

«Официальные лица из администрации, которые признавали, что не совсем понимают г-на Арафата, заявили, что в последние несколько месяцев совсем разучились понимать его», – сообщает «Нью-Йорк Таймс».

Б-же милостивый, к чему все это нас приведет? В конце концов, каждый человек – это открытая книга. Через несколько месяцев после «исторического рукопожатия» в Белом доме в 1993 году, Арафат произнес речь в Южной Африке, обещая джихад в Иерусалиме. Вернувшись домой, он еще раз пригрозил начать военные действия. Палестинская пресса, полностью подконтрольная Арафату, не только отрицает легитимность государства Израиль, но и на протяжении уже семи лет проводит кампанию подстрекательства к развязыванию войны и очернению Израиля. В свое время премьер-министр Шимон Перес не счел нужным обратить внимание на эти недвусмысленные доказательства намерений Арафата, посчитав их не более чем словами.

Сейчас же слова превратились в действия – камни, пули и «коктейли Молотова». Это уже невозможно игнорировать.

К чему все это приведет? Во время переговоров в Кемп-Дэвиде Барак предлагал палестинцам более чем щедрые условия мира с признанием их государственности. Арафат не только отверг это предложение, но и отказался выдвинуть встречное. Он предпочел объехать весь мир, пытаясь заручиться международной поддержкой для одностороннего объявления государственности. Не добившись желаемого, он предпочел заявить о своем государстве по-другому – кровавым путем.

Президент Клинтон находит все это крайне запутанным. Кроме того, он вложил довольно большие суммы в Арафата. Арафат приглашался в Белый дом чаще, чем кто-либо.

Действия президента не только приводят в изумление, но просто шокируют. «В Париже Арафат рассердился, выбежал из зала, где проводилась встреча, что заставило г-жу Олбрайт бежать за ним», – сообщила «Нью-Йорк Таймс». Вид госсекретаря мировой державы № 1, неловко бегущей на каблуках за лидером нищего полицейского государства и умоляющей о мире, был бы более чем комичным, если бы не был столь потрясающе отталкивающим.

Некоторых мечтателей начало Арафатом войны, когда ему предлагался мир на столь выгодных условиях, заставило очнуться от грез. «Если они могут призывать своих детей к началу военных действий, то, видимо, не может быть мирного процесса, – говорит один разочаровавшийся радетель за мир. – Может быть, мы действительно находимся в состоянии войны, и только мы, глупцы, не знаем этого».

Ленин называл таких людей «полезными идиотами».

«Washington Post»

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН**«ГЛАЗА НАШИ ВИДЕЛИ ЧУДО...»**

19-21 сентября делегация руководителей Федерации еврейских общин СНГ совершила большое турне по еврейским общинам России и Украины. Во главе делегации стояли главный раввин России Берл Лазар и Президент Федерации еврейских общин СНГ Лев Леваев. Кроме них в делегацию вошли также главные раввины стран СНГ, Италии, а также Брюсселя, Парижа и руководители крупнейшего образовательного фонда «Центр по вопросам воспитания» из США, ближайшие сотрудники Берла Лазара и Леваева. Первым городом лежавшим на их пути был Нижний Новгород. По сообщению РИА Новости делегация Федерации еврейских общин СНГ посетила город 19 сентября. Делегация приняла участие в открытии общеобразовательного национального еврейского лицея, созданного на деньги фонда «Ор-Авнер». Воспитанники лицея будут изучать не только общеобразовательные предметы, но и иврит и еврейскую традицию. Обучение в лицее бесплатное и ориентировано на поступление выпускников в престижные вузы России, США и Израиля. А небольшой размер классов, 7–10 человек, обеспечит индивидуальный подход к каждому ученику. По окончании учебы лицеистам будет выдаваться аттестат государственного образца.

Кроме того, во время пребывания делегации в Нижнем Новгороде прошла церемония закладки «первого камня» в основание здания еврейского общинного центра, строительство которого спонсирует фонд «Хабад-Любавич – Нижний Новгород». Из Нижнего Новгорода делегаты переместились в Житомир. 20 сентября в этом городе была торжественно открыта еврейская школа-интернат для девочек. В ней будут одновременно учиться 150 еврейских девочек. В тот же день делегация посетила Днепропетровск, где приняла участие в церемонии открытия синагоги «Золотая роза». 21 сентября делегация руководителей ФЕОСНГ посетила Харьков. Главный раввин России Берл Лазар вместе с главным раввином города Моше Московичем посетил еврейскую школу, школу-интернат, детский сад и иешиву, а также принял участие в праздновании 10-летия со дня возрождения еврейской общины в городе. В тот же день члены делегации вылетели в Москву.

В ходе поездки по Украине Берл Лазар встретился с главами 100 еврейских общин. На встречах рассматривались вопросы двустороннего сотрудничества российских и украинских еврейских общин.

Трудно сказать, сколько ждали мы этого события. Может, два года, начиная с того момента, как на первом же своем заседании попечительский совет Днепропетровской еврейской общины принял решение о скорейшей реконструкции хоральной синагоги. Некоторые начинают отсчет со 2 декабря 1996 года, когда по решению президента Украины городские и областные власти передали здание еврейской общине города. Другие ждали этого события 10 лет, с того дня, когда молодой посланник Любавичского

Ребе р. Шмуэль Каминецкий начал возрождение еврейской общины Днепропетровска. Но мне кажется, прав тот пожилой прихожанин, который, не скрывая слез радости, стоя у входа в возрожденную синагогу, говорил, обращаясь к своим детям, внукам и правнукам, пришедшим вместе с ним на праздник: «Семьдесят один год я ждал! С того дня, как они забрали наш шул. Я дождался. Так кто победил?»

По состоянию здоровья не смог прилететь из Израиля почетный председатель еврейской религиозной общины города реб Герш Король. Долгие десятилетия возглавлял он общину. И в самые страшные годы, когда, казалось, единственной целью было не дать угаснуть огоньку идишкйт, не позволить закрыть единственную синагогу, он часто говорил немногочисленным молодым людям, которые тайком в пятницу вечером пробирались к нему домой, чтобы «по-настоящему» встретить Субботу: «Не знаю, доживу ли я, но вы, уверен, еще услышите, как будут трубить в Хоральной синагоге в шофар, и если не вам, то детям вашим поставят там хупу». Ему не возражали, только отводили глаза. Гости не верили в будущее здесь, и тостом было: «За успех нашего безнадежного дела». А реб Герш лишь мудро улыбался. И оказался прав! Человек, переживший ужасы Холокоста, репрессии коммунистов, он оказался прав, и, стоя под величественными сводами молитвенного зала Хоральной синагоги, когда лидеры общины, молодые люди под блицы фотоаппаратов и стрекот кинокамер вносят свиток Торы и, бережно передавая из рук в руки, помещают его в Арон Кодеш, многие не могут сдержать слез. Ведь то, что происходит здесь и сейчас, невозможно назвать иначе, чем чудом.

Это чудо предсказывал Любавичский Ребе, когда говорил о том, что именно в странах Советского Союза начнется мощное возрождение еврейской жизни, что надо быть готовым к чудесам. Но чудо не происходит внезапно. Чтобы оно совершилось, необходима тяжелая, кропотливая работа. Когда десять лет назад в Днепропетровск приехал раввин Шмуэль Каминецкий, евреи в городе в большинстве своем ничего не знали о еврейской традиции, кроме вкуса мацы и танца «Семь сорок». Через десять лет (а это были десять лет, на которые выпали и большая алия, и тяжелейший экономический кризис) более пяти тысяч евреев пришли к Хоральной синагоге в день ее открытия. Свыше 700 детей учатся в еврейской школе. Сотни тысяч днепрпетровцев каждую неделю смотрят еврейскую телепрограмму и слушают «Радио-Штейтл». Разве это – не чудо? А как назвать, если не чудом, то что более ста бизнесменов, предпринимателей собрались, чтобы объединить усилия по возрождению еврейской жизни? Два года назад, создав попечительский совет общины, решили, что надо как можно быстрее восстановить Хоральную синагогу. Лев Леваев, один из крупнейших филантропов в мире, на открытии «Золотой Розы» вспоминал: «Когда два года назад президент общины Геннадий Боголюбов привел меня сюда и сказал: “Через два года праздник Рош а-Шона мы встретим в новой, возрожденной синагоге!”», я лишь улыбнулся и покачал головой. И вот

сбылись те слова Геннадия. Накануне Рош-а-Шона 5761 года мы стоим в великолепном зале, в одной из самых красивых синагог в мире!»

Этот день уже отмечен в еврейской истории. Ровно 60 лет назад была открыта знаменитая синагога в Нью-Йорке, синагога Ребе. Через 60 лет мы благодарим Ребе за чудо – открытие Хоральной синагоги в его городе, городе его детства и юности.

В этот великий день не было недостатка в поздравлениях. Множество теплых слов в адрес Днепропетровской общины и ее попечительского совета сказал и главный раввин России Берл Лазар, и представитель семьи Рор, одного из основных спонсоров возрождения синагог в СНГ, рав Моше Котлярский, и лидеры еврейских общин многих городов Украины и мира, и посол Израиля в Украине Анна Азари, и наши почетные гости – хор «Хасидская капелла» и народный артист СССР Иосиф Кобзон. Невозможно перечислить всех, кто принял участие в реконструкции синагоги «Золотая Роза». Их десятки, а может быть, сотни тысяч. Сколько пожилых людей приходили в общину и приносили гривну–две на восстановление синагоги. Сколько учителей и рабочих, врачей и студентов, причем не только евреев, старались помочь, чем могли. Тем же, кто внес наибольший вклад, на церемонии открытия были вручены именные молитвенники, а самым значительным спонсорам – памятные доски. Имена щедрых жертвователей увековечены в фойе синагоги, рядом с великолепной золотой розой работы великого мастера Френка Мейзлера. Она, как и двери хранилища Торы с выгравированными на них десятью заповедями, – дар народного депутата Украины Виктора Пинчука.

В Хоральной синагоге зазвучали голоса детей и наших ветеранов. Хор «Бейт Барух» и хор мальчиков еврейской школы – звенья одной цепи. Той цепи, которую мы старательно выковываем, чтоб осуществилась самая главная мечта нашего народа – восстановление Храма и освобождение – Геула.

Аעאעראי אד י' עי תעאד

ЕВРЕЙСКАЯ ПРЕССА ДОНБАССА

Еврейская жизнь в Донецком регионе за последние несколько лет стала настолько насыщенной событиями значительными и не очень, что рядовому еврею даже сложновато стало ориентироваться. Если раньше все концентрировалось вокруг городской синагоги и все новости передавались из уст в уста, то сегодня их стало столько, что всего не только не упомнишь, – за всем не уследишь!

Для начала в почтовый ящик к каждому еврею начала приходить еженедельная газета Донецкой еврейской общины «Барух Ашем». Субботняя глава Торы и ее краткое содержание, обращение главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого и разъяснение интересующих читателей вопросов, хасидские истории и, конечно, информационная страничка. Из нее можно узнать время зажигания субботних свечей и расписание праздников, где и когда собирается в этот раз клуб и какой фильм на еврейскую тему можно посмотреть в кинотеатре, поздравления. Благодаря газете стало намного проще ориентироваться в полнокровной и бурной еврейской жизни.

Однако вскоре небольшого еженедельника стало мало. Появилось желание высказаться на страницах прессы, поднять более серьезные темы. Разве все это вместишь в две небольшие странички? И в одно прекрасное утро вместе с привычным еженедельным гостем мы вытащили из почтового ящика настоящую большую 16–страничную газету «Наша жизнь в диаспоре и дома». Это было ханукальным подарком евреям. Чего там только не было! Многие читатели узнали себя на ханукальных фотографиях, прочитали, как веселый праздник прошел в школе, весьма интересной была информация о еврейских общинах малых городов региона.

Сегодня «Нашу жизнь» ждут с нетерпением. Газета стала главным источником региональных новостей. Немало материалов посвящено жизни донецкой общины, семинарам и детскому отдыху, новостям Сохнута, Хеседа и Джойнта. Компетентные люди дают интервью, отвечая на вопросы читателей. Регулярная страничка об истории евреев региона открывает немало новых имен и событий даже старожилам Донбасса, а интервью с интересными людьми лишней раз демонстрируют немалый вклад евреев в науку, культуру, искусство, медицину, промышленность нашего края. Есть в газете и еврейские новости со всего света, и юмористическая страничка, и рецепты праздничных блюд. Всего и не перечислишь.

А в этом году полку еврейской прессы Донбасса прибыло. При поддержке фонда «Ор-Авнер-Хабат» начала выходить еженедельная газета Донецкой еврейской школы «Ор-Менахем» – «Шабат Шалом». По названию нетрудно догадаться, что школьное издание призвано нести свет субботних свечей в семью каждого школьника. Именно перед каждой субботой этого учебного года вместе с учебниками и тетрадками ребята приносят домой школьную газету. Пересказ для детей и толкование субботней главы Торы, субботние рассказы, песни (с нотами для особо одаренных!) инструкции по накрытию субботнего стола, рецепты выпечки хал и вышивки для них салфеток помогли многим родителям возродить в своих семьях священную еврейскую традицию празднования Субботы.

В общем, в Донбассе есть что почитать «девчонкам и мальчишкам, а также их родителям».

Ёаӱ Аёӱс

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО ГОДА

Еще один Новый год пришел в общину Донбасса – с медом и яблоками, с рыбьей головой и гранатовыми зернами, с трубным призывом шофара, с песнями и играми.

Для детей школы «Ор-Менахем» и детского сада «Ган-Менахем», конечно, с песнями и играми, с веселыми конкурсами и призами, со сладким угощением и радостными надеждами.

Основное же пришлось на второй день праздника. Место действия – донецкая синагога, действующие лица – евреи. Кто постарше – в молельном зале, юные – в детском клубе «Цивос Ашем». Правда, звук шофара собрал вместе и взрослых, и ребят – еще бы, самая главная заповедь! Не обошлось, конечно, и без праздничного угощения для взрослых и для детворы, сладкого, каким и должен быть год наступивший.

А к вечеру все двинулись к городскому пруду – освободиться от всех прошлогодних грехов во время обряда «Ташлих».

Ёаӱ Аёӱ

ГОСТИ В РИЖСКОЙ ШКОЛЕ

Уже шестой год открывает свои двери рижская еврейская школа «Хабад-Любавич». Недавно школа принимала гостей из Израиля, депутатов кнесета раввина Меира Поруша, Моше Аренса и Иосифа Порицкого, а также генерального директора Еврейского агентства «Сохнут» Арона Абрамовича, главу представительства агентства в странах Балтии Эфраима Мейдана, первого секретаря посольства Израиля в странах Балтии Нахума Галя. Гости посетили классы и были приятно удивлены условиями, которые созданы в школе для учащихся. Иосиф Порицкий даже пожелал Израилю таких же школ. Особенно гостям понравился кабинет химии и физики. Здесь недавно закончен ремонт, и Моше Аренс, бывший министр безопасности Израиля, прибил мезузу в этом кабинете. Он задал учащимся вопросы по химии. Зайдя в спортивный зал на урок физкультуры в четвертый класс, гости с удовольствием приняли участие в баскетбольной игре.

За обедом, проходившим в благотворительной столовой «Хабад-Любавич», раввин Мордехай Глазман рассказал о той благотворительной деятельности, которую организация оказывает евреям Риги.

Депутат Порицкий отметил, что здесь, где в годы войны было гетто и юденрат, сейчас идет нормальная еврейская жизнь, звучит детский смех... И это дает нам уверенность в будущем...

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В ТАТАРСТАНЕ И СИТУАЦИЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ОБСУДИЛ МИНТИМЕР ШАЙМИЕВ И ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ БЕРЛ ЛАЗАР

16 октября в Казанском Кремле встретились президент Татарстана Минтимер Шаймиев и главный раввин России Берл Лазар.

Как передает корреспондент РИА «Новости», в ходе встречи главный раввин России отметил, что Татарстан «может служить примером для многих республик и областей России добрых межэтнических и межконфессиональных отношений».

Президент Татарстана, в свою очередь, выразил благодарность главному раввину России за «огромную работу по консолидации еврейских общин, проводимую им на этом посту».

Шаймиев отметил, что, как и раньше, будет прилагать все усилия, чтобы «евреям не надо было уезжать из Татарстана в поисках лучшей жизни».

Касаясь ситуации на Ближнем Востоке и, в частности, палестино-израильского конфликта, главный раввин России сказал, что, по его мнению, «переговоры, которые длились 7 лет, так ни к чему не привели, потому что одна сторона постоянно выставляет другой все новые и новые требования».

Во встрече также приняли участие главный раввин Татарстана Ицхок Горелик и председатель иудейской общины республики Леонид Сонц.

Главный раввин России также встретился с архиепископом Казанским и Татарстана Анастасием, первым заместителем председателя духовного управления мусульман республики Валлюлой Хазратом Якубовым и председателем республиканского комитета по делам религий Ринатом Набиевым.

В ходе визита Берл Лазар посетил главную синагогу Татарстана, а также школу и детский сад.

«ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ» ДЛЯ ЛИДЕРОВ ОБЩИН ЮГА РОССИИ»

С 8 по 10 сентября в Волгоградской области в санатории «Качалинский», проводился семинар лидеров еврейских общин Юга России.

В самом начале семинара была предложена занимательная форма знакомства – всем были розданы листочки бумаги с написанным именем, в соответствии с которым следовало нарисовать ассоциативный портрет человека. Участники семинара вкратце рассказывали о себе и своей общине. Всех увлекла игра по созданию проволочных моделей своих общин. На этих игровых занятиях царила раскованная, веселая атмосфера.

Раввин Волгоградской еврейской общины Залман Иоффе открыл семинар вводной лекцией.

Завершился первый день семинара зажиганием свечей, первой субботней молитвой, вечерней трапезой, сопровождаемой еврейскими песнями.

Следующий день начался с утренней субботней молитвы. Леонид Коган, координатор религиозных программ «Джойнта», очень интересно, с многочисленными примерами и красивыми притчами рассказал о месяце Элул.

Лекция раввина Залмана Иоффе «Десять дней раскаяния. От Рош а-Шона до Йом Кипура» была прочитана в такой доступной форме, что позволила аудитории усвоить большой исторический период как единое целое и понять философское значение событий.

Завершили учебную программу в этот день лекция «Законы и обычаи Десяти дней раскаяния. Шабат Шува».

Каждая субботняя трапеза неизменно превращалась в дискуссию, которая порой достигала высокого эмоционального накала. Члены малых общин имели возможность поднимать немаловажные, насущные проблемы.

В конце была организована игра «Крокодильчики», направленная на закрепление прослушанного материала. В этом занятном игровом процессе особенно

одаренно проявили себя Т. Ройзен, Л. Коган, Д. Сасин, В. Антонова, которые изображали «Неила», «Стену плача», «морковь» и др.

Последний день семинара был полностью посвящен праздникам Суккос и Симхас Тойра, их законам и обычаям.

Все три дня семинара стояла безоблачная, теплая погода. На свежем воздухе, под зеленью деревьев участники с трепетом вслушивались в трубный глас шофара. Каждый имел возможность испытать себя в умении трубить, но не всем это занятие оказалось по силам. Расставаться не хотелось, радость общения друг с другом, общность интересов, возможность утвердить и расширить свои знания сделали эти три дня немаловажным событием в жизни каждого участника семинара.

В подарок от Волгоградской общины каждый гость получил коробку «Цдока» и русское издание трактата «Авот».

Приехав из санатория в Волгоград, делегаты посетили комплекс «Мамаев Курган» и панораму Сталинградской битвы.

Òàì àdà Dīéçáí,

Í àdèy' Óèèèíííáà

ВИЗИТ В СМОЛЕНСК

В Смоленской области будет воссоздан мемориальный комплекс «Любавичи» – место паломничества десятков тысяч евреев из многих стран мира. Совместное коммюнике о концепции воссоздания и обустройства мемориального комплекса подписали 28 сентября главный раввин России Берл Лазар и глава областной администрации Александр Прохоров. Документ был подписан в ходе поездки Берл Лазара в Смоленскую область по приглашению главы областной администрации.

Во время визита главный раввин России посетил комплекс захоронений любавичских ребе в поселке Любавичи. В местечке Любавичи в Смоленской области более 100 лет находилась резиденция руководителей авторитетного хасидского направления иудаизма.

Там до сих пор сохранилось старинное еврейское кладбище и захоронения двух руководителей хасидского движения. Во время Первой мировой войны руководители движения и большая часть их последователей покинули Любавичи. Оставшаяся часть любавичского еврейского населения была расстреляна фашистами во время Великой отечественной войны.

В начале 90-х годов в Любавичи стали приезжать евреи из различных стран мира, чтобы почтить память предков. Инициатором проекта воссоздания мемориала является Федерация клубов ЮНЕСКО России. Берл Лазар также встретился с руководителями еврейских организаций и общин Смоленской области.

DEÀ «Í íáíñòè»

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

СВЕТЛОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Итак, открытие еврейского общинного центра в Москве, в Марьиной роще, состоялось. Совсем недавно это казалось фантазией, в осуществление которой не верили даже самые большие оптимисты. Еще за несколько дней до открытия невозможно было представить, что оно будет таким величественным, достойным, значимым и запоминающимся. Это не только самый большой еврейский общинный центр в России и в странах СНГ – он первый в истории нашей страны, где евреи живут уже больше десяти веков.

18 июля 2000 года (18 Элула 5760 года), войдет в историю русского и мирового еврейства как праздник радостный, исторический. Жизнь не так уж часто баловала евреев такими событиями. Торжество, которое своим присутствием почтили президент страны Владимир Путин, послы великих держав в России, видные политические и общественные деятели, открыл главный раввин России Берл Лазар.

ОСТАВАТЬСЯ ЕВРЕЯМИ

(Беседа с Мордехаем Вайсбергом, директором Московского еврейского общинного центра)

– Можете ли вы определить идею создания этого центра?

– У многих уже появилось, даже закрепилось мнение, что у евреев в России будущего нет. Одни уезжают, эмигрируют. Другие – ассимилируются. И то и другое имеет место, но я убежден, что еврейская община в России будет не только существовать, но и развиваться. Для сохранения евреев как нации прежде всего важна Вера в Б-га. То, что есть государство Израиль, духовный центр евреев, это замечательно. Но диаспора, рассеяние имели место еще до разрушения первого храма и будут всегда. Поэтому в каждой стране, где есть много или мало евреев, они должны иметь свой Дом, который объединял бы их. Постепенно в других городах возникнут общинные еврейские центры, к которым протянутся духовные ниточки нашего центра. Так говорит наш раввин Берл Лазар, так считаю и я. Я вам правильно объяснил идею? Цель этого проекта – объединение всех евреев Москвы, России, СНГ. Мы хотим, чтобы евреи, пожилые, молодые, юные и даже совсем маленькие, придя к нам, увидели, прочувствовали еврейскую жизнь, еврейские традиции. Чтобы они вернулись к своим корням.

– Наверное, при проектировании здания эти идеи учитывались, обыгрывались?

– Вы правильно ставите вопрос. Мы решили в одном здании объединить возможность исполнения трех фундаментальных принципов еврейской жизни. Прежде всего, в центре будет синагога, то есть молитвенный дом. Второе – образовательный комплекс. В нем будут помещения для обучения детей разного возраста и взрослых людей: библиотека и читальный зал, учебные аудитории и компьютерные классы. Третье – это культурно-спортивный отдел, в котором расположатся помещения для занятий спортом, балетный зал, кинозалы, комнаты для работы клубов, кружков.

– Что побудило вас, молодого человека, израильтянина, приехать в Россию и отдать столько сил для возрождения еврейства, дела, еще недавно казавшегося безнадежным?

– Это результат воспитания и образования, которые мы получали с детства. Любавичский Ребе учил, что каждый его последователь должен распространять идеи еврейства. Раввин Берл Лазар приехал сюда тринадцать лет назад, когда еще были очень тяжелые времена. Учение Ребе, его энергия, его вера – вот, что дает нам силы. Мы, как и наш Учитель, считаем, что еврей может жить в любой стране, где ему нравится, и оставаться евреем. Быть евреем, как вы знаете, не очень легко. Мы помогаем в этом нашим прихожанам.

Сегодня бесспорно одно – посланцам Любавичского Ребе уже сегодня удалось сделать не просто многое, а невозможное для возрождения еврейской жизни в России. Это лучший памятник Любавичскому Ребе.

ОБЩНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ СУДЕБ

Кантор из Израиля Менахем Флейшман в Москве

По приглашению Московской синагоги в Марьиной роще в самый святой для евреев день, «День искупления», в Йом-Кипур 5761 года в синагоге недавно открытого Еврейского общинного центра службу вел кантор Менахем Флейшман

В этот десятый день месяца Тишрей, когда на небесах решается судьба каждого еврея – будет ли на будущий год его имя записано в «Книгу жизни» – произносить молитвы от имени верующих дозволено не каждому: «Ибо в этот день искупит вас ... от всех ваших грехов, пред Г-сподом будете чисты...»

Менахем Флейшман достоин этой чести. Сын узников самых жестоких гитлеровских концлагерей – его отец прошел ад Освенцима, а мать чудом осталась жива после мук Берген-Бельзена, – он вправе в этот день произнести поминальную молитву Изкор о шести миллионах погибших.

Кантор ответил на вопросы нашего корреспондента.

– В праздники евреи диаспоры желают друг другу встретить следующий праздник в Иерусалиме. Но могут ли все евреи жить в Израиле?

– Всевышний, решив рассеять детей Израиля по всему миру, совершил тем самым благодеяние для своего народа. Рассеяние оказалось для евреев не только наказанием, но и спасением. Представляете себе, что бы случилось с нашим народом, если бы ко времени прихода Гитлера к власти все евреи оставались бы в Европе. Холокост был бы еще страшнее. Не было бы государство Израиль таким, каким оно является сегодня.

– Уж раз мы заговорили о современном Израиле, позвольте вам задать следующий вопрос. Каково ваше отношение к правительству Барака?

– Я могу высказать только свое мнение. Наши руководители не такие плохие, как неразумные. наших нынешних правителей гораздо больше волнует мнение о них Клинтона, Ширака, чем будущее страны. Наши правительства, начиная с договоренностей в Осло, втягивают народ и страну в большую опасность. Становится очевидным, что чем больше правительство Израиля идет на уступки в обмен на мир, тем этот мир менее возможен. Чем страна сильнее, тем больше уверенности в мире.

И с этой точки зрения я снова повторяю, что не обязательно всем евреям быть в Израиле. Я верю, что Всевышний убережет и сохранит Израиль, нашу страну, а евреи в странах рассеяния будут гарантией, что народ наш, имея Тору, навсегда останется на земле.

Невозможно, чтобы Израиль все время находился в состоянии войны, но пока нам она угрожает, мы можем победить, только если сильны. Посмотрите на Россию, Соединенные Штаты... Они сильны и никого не боятся. Нельзя же быть, как лист на ветру, и шараться в разные стороны от любого дуновения ветра. Вот такими слабыми листьями кажутся мне наши правители. Они ведут себя в зависимости от направления ветра. Из Вашингтона дует один ветер, из Парижа – другой... А мы отдаем наши города и земли. Если быть уверенным, что у арабов нет мысли сделать нам зло, можно было бы идти на определенные уступки. Но они всегда, говоря о мире, держат нож за спиной. Слово «мир» стало главным, когда к власти пришли левые. За словом «мир» должна стоять сила. Я слышал русскую поговорку, что добро должно быть с кулаками. Слабость не может породить мир.

– Расскажите немного о себе. Откуда у вас такой идиш?

– Я родился в Иерусалиме. Сегодня живу в Реховоте. Мой идиш из Иерусалима. В ешивах говорят на идише. Сегодняшняя молодежь уже не знает этот язык. Вот мой сын, ему 19 лет, на идише не понимает ни слова. Наше поколение, боюсь, последнее, для которого идиш – родной язык. В Иерусалиме в ешивах, в хедерах пока говорят еще на идише.

Мои родители из Венгрии. Встретившись вскоре после освобождения, будучи еще совсем молодыми, они решили пожениться. Сейчас у них уже есть правнуки, а у меня не только дети, но и внуки.

– Мы беседуем с вами в праздничные дни. Что бы вы хотели пожелать читателям «Лехаима»?

– Прежде всего хорошей записи в «Книгу жизни». Йом-Кипур – это вершина Десяти дней покаяния. А покаяние – это вершина мудрости. Пусть с этого дня мудрость не покидает молящихся.

– Вы прежде бывали в Москве?

– Только проездом. Этот мой приезд по существу первый. Меня привела сюда радость создания нового еврейского общинного центра в Москве. Под его влиянием, уверен, возникнут с Б-жьей помощью и подобные центры в других городах необъятной России.

Я вижу здесь пожилых людей, которые возвращаются к еврейским истокам. Я вижу молодежь, которая тянется к еврейству. Я наблюдаю за детьми, распеваящими еврейские песни. А это значит, что руководители общины сумели найти тот еврейский огонек, который тлеет в душе каждого еврея. Они раздули его, и теперь он уже будет гореть всегда. И это главное, что сделал Московский еврейский общинный центр. Московская еврейская община в Марьиной роще сделала настоящую «еврейскую революцию» в России. Я уверен, что теперь это будет уже одна из самых интересных и больших общин в мире.

Мне хочется пожелать молодым читателям «Лехаима», чтобы они узнали настоящую правду о еврействе, правду, исходящую от нашего Учения, чтобы журнал освещал самые хорошие стороны еврейской жизни, еврейского характера.

Ī àdē Èèò àéã òĩ àĩèé

Блиц-интервью с очевидцами открытия Еврейского общинного центра

в Марьиной роще

Натан Щаранский (Израиль)

Я полагаю, что этот день по-хорошему запомнится и всем нам, кто сегодня здесь присутствует, и тем, кто узнает о нем по радио или увидит по телевизору. Это не рождение еврейской общины в России – она здесь была всегда. Это свежий ветер в жизни одной из самых больших и значительных еврейских общин в мире, и, конечно же, этот праздник достоин уважения.

Иосиф Бегун, общественный деятель, бывший узник Сиона (Израиль)

Поверьте, в тюрьмах, в ссылках я мечтал о возрождении еврейской жизни в СССР. Я думал, что когда вернусь в Москву, приду в маленькую уютную синагогу в Марьиной роще, где буду беседовать с Б-гом. Но то, что увидел сегодня здесь – тысячи людей вокруг синагоги, – это превосходит любые мечты. Я счастлив, что дожил до этого дня.

Юрий Миронов, фотожурналист (Москва)

Оформление праздника заслуживает наивысшей похвалы. Я не знаю, кто художник этого действия, но это – настоящий мастер. То, что праздник удостоил не только своим присутствием, но и яркой речью президент В. Путин, красноречиво говорит о том, как изменилось положение еврейской общины в Москве и в России, а также является свидетельством уважительного отношения Владимира Владимировича к еврейскому народу.

Леонид Сонц, заслуженный артист Татарстана (Казань)

Глядя на этот величественный праздник, я со слезами на глазах вспоминаю своего деда, житомирского раввина, которому приходилось справлять молитвы тайно от властей. Я думаю, что молитвы его и таких, как он, приблизили этот праздник. К этому дню мы выпустили свой новый диск, на котором записано много хасидской музыки – хасидские марши, хасидские напевы, попури на хасидские темы. Это наш подарок к открытию Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще.

Моисей Аронович из Красноярска

Еврейская община в Марьиной роще не только оживила, но, по существу, возродила еврейскую жизнь в нашем далеком сибирском городе. Раввин Берл Лазар и его соратники так энергичны, что их энергия передается через тайгу за тысячи километров к нам в Красноярск.

Евгений Вал, член президиума Московского еврейского культурно-просветительского общества

Это потрясающе! Скажу лишь о сценической площадке, подготовленной для концерта по случаю открытия. Как инженер, отмечу – она сделана по высшему классу. И неудивительно, что свое согласие выступить на этой сцене дали Михаил Грушевский, Максим Леонидов, Ефим Александров, Михаил Шуфутинский, Иосиф Кобзон. Завершился концерт получасовым выступлением Филиппа Киркорова, исполнившего несколько песен, рожденных на Земле Обетованной. Концерт продлился до поздней ночи – зрители не отпускали любимых артистов. Такого, мне кажется, в еврейской жизни Москвы еще не бывало.

Михаил Глуз, народный артист России (Москва)

Открытие Еврейского общинного центра в Марьиной роще проходило накануне Международного фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса. Символично, что эти два события совпали и по времени и по сути своей – это свидетельствуют об истинном возрождении еврейской культуры, еврейской жизни в России. Тот факт, что общинный центр открыли президент России Владимир Путин и главный раввин Берл Лазар, придает

этому событию историческую значимость. Я счастлив, что являюсь участником и свидетелем этих событий.

«ХАСИДСКАЯ КАПЕЛЛА» – ЧУДО НАШИХ ДНЕЙ

На открытии центра перед собравшимися выступил еврейский мужской хор под управлением Александра Цалюка.

Об этом коллективе мы хотим рассказать подробнее

Знакомьтесь – маэстро

Александр Борисович Цалюк – дирижер московского мужского еврейского хора «Хасидская капелла», коллектива, получившего мировое признание. Хотя хор еще молод, ему немногим более десяти лет, но представить еврейскую жизнь в России без этого ансамбля уже невозможно. К моменту создания хора Александру Цалюку было 19 с небольшим. Начинать он как хормейстер. Музыкай начал заниматься в пятилетнем возрасте. Музыкальную школу закончил по классу виолончели. Одновременно пел в детском хоре Попова, а потом пошел в музыкальное училище. Позже закончил Московскую консерваторию – по классу дирижирования, две аспирантуры, по классу хорового дирижирования и по классу симфонического дирижирования. Его учителями были Галина Борисовна Збаронок, профессор Станислав Семенович Калинин и бывший ректор Московской консерватории Борис Иванович Куликов. Сегодня Цалюк именит, уважаем, опытен, хотя маэстро всего 30 лет.

В синагогу, в зарождающийся хор Александра Цалюка привел его дедушка, Лейб Вульфович Рояк, почетный член правления Московской хоральной синагоги. Всю свою жизнь он был активным прихожанином этой синагоги. Он закончил хедер, учился на помощника раввина. Сейчас ему 93 года, к сожалению, он ослеп. Лейб Вульфович помнит всех раввинов хоральной синагоги, начиная с Якова Исаевича Мазе, и прекрасно ориентируется во всех светских и религиозных аспектах еврейской жизни.

Музыкант вырос в интеллигентной семье. Его мама, Анна Львовна Цалюк, – профессиональный переводчик с английского, отец – инженер, сейчас работает в еврейской благотворительной организации «Яд Эзра».

«Мы дарим людям давно забытый еврейский праздник – еврейскую религиозную музыку, которая сопровождала евреев в странах рассеяния с конца XVIII века до наших дней. В России, в Московской хоральной синагоге был мужской хор, состоявший из более чем 100 участников, но он прекратил свое существование вскоре после Октябрьской революции. С этим хором работали выдающиеся канторы, среди них Моше Кусевицкий, Луи Левандовский. Мы надеемся, что наша “Хасидская капелла” явится шагом к возрождению того хора, с которым пели лучшие канторы начала XX века», – говорит Цалюк.

Об истории возникновения хора

В 1989 году, уже в горбачевские времена, в хоральной синагоге было решено воссоздать хор.

Вначале собралось несколько любителей хорового пения и профессиональных музыкантов. Это была небольшая группа пожилых прихожан. Они приступили к репетициям. Их поддержали благотворительный фонд «Джойнт» и великий кантор современности Иосеф Маловани, один из лучших специалистов в области еврейской литургической музыки. Он «забросал» энтузиастов нотным материалом. Подарки эти попали на благодатную почву. Вскоре в хор пришли молодые люди с хорошим профессиональным музыкальным образованием. Они стали изучать репертуар и довольно быстро подготовили большую программу. Начались гастролы. Руководителем хора был назначен кантор Московской хоральной синагоги Владимир Плисс, опытный и умелый организатор музыкальных коллективов. Иосеф Маловани открыл в Москве филиал канторской школы. Александр Цалюк был тогда совсем молодым хормейстером, имел опыт работы с детским хором. Плисс был прекрасно образован, но не имел дирижерской практики, и он стал искать еще одного дирижера. В 1990 году в качестве дирижера в хор пришел Михаил Турецкий, яркий и талантливый музыкант. Вскоре хор уехал в США, и Турецкий, подписав контракт, остался там с частью хора. Именовался он хором Московской хоральной синагоги. А часть хора вернулась в Москву. Так возникло второе крыло хора под руководством Плисса, которое называлось хором Московской академии

канторского искусства. Этот коллектив стал путешествовать по европейским странам и внутри страны, петь на больших службах в Московской хоральной синагоге.

Из рассказа Александра Цалюка: «Мы объездили всю Европу. Условия во время гастролей были ужасными – ночевки и обеды в автобусах, переодевания перед концертами тоже в автобусах. Многие в этих поездках подорвали свое здоровье. Но ездили много. В одной Польше побывали раз пятнадцать, в Германии больше двадцати, во Франции пять раз. На наши концерты ходили и евреи и неевреи. В Польше в залах были, в основном, поляки. Причем наши концерты были там полным откровением. Люди тянутся к этому виду искусства. В Европе им интересуются маститые музыканты, профессора из разных академий музыки. Мы выступали в Мюнхене в консерватории академии музыки, в Париже, и везде находили благодарного слушателя. Везде наши выступления производили большое впечатление, потому что записей этой музыки не существует. Нет компакт-дисков, где хор поет с кантором. В Израиле существуют записи старых мастеров. Великие канторы пели в сопровождении фисгармонии или рояля, иногда с маленькими ансамблями, квартетами. Позднее канторы выступали с большими симфоническими оркестрами, но не с хором.

Этот вид искусства после революции практически умер. Зародился он в местах оседлости на территории России, Белоруссии, Литвы. После революции ушла черта оседлости, а вместе с ней и традиция канторского пения. Возрождение хора – это чудо конца XX века. Произойти оно могло только у нас. Музыка в России, образование музыкальное были на очень высоком уровне. Российская школа оставила заметный след в развитии мировой музыкальной культуры.

Вообще в мире насчитывается только 3-4 хора, исполняющих музыку на профессиональном уровне. Лучшими из них признаны два московских коллектива. Это хор Турецкого, который сейчас почти перестал заниматься литургической музыкой, и наш хор, который продолжает исполнять еврейскую литургическую музыку и народные песни на идише. Мы поем не только еврейские песни, мы поем даже русские, грузинские народные песни, классическую музыку, произведения израильских авторов. Наш хор достаточно академичен. В состав хора входят профессиональные музыканты. Я, как дирижер, предпочитаю стиль академический и поэтому именно в этом направлении мы работаем...»

Хор под управлением Александра Цалюка работал в Московской хоральной синагоге до 1997 года. В состав хора входили профессора и преподаватели консерватории и гнесинского института, студенты, аспиранты, просто любители музыки, но с музыкальным образованием, то есть люди, которые хорошо разбираются в нотном печатном материале. Зарплату его участники практически не получали. Они ездили по миру в тяжелейших условиях. Не раз попадали в различные переделки. Были в Дании, Швеции, Норвегии, Германии, Франции, Польше, Англии, Швейцарии, Люксембурге, Израиле.

И снова слово А.Б. Цалюку: «К сожалению, ни в России, ни за рубежом материальных источников для достойного существования музыканты найти не могли. Конечно, мы зарабатывали какие-то деньги на этих концертах, но все-таки работали больше из альтруистических соображений, ведь мы видели на своих концертах тысячи благодарных слушателей, которые не могли сдержать слез. Мы сделали огромное количество записей, и ребята, которые пели в хоре, почти 80% того состава, остались до сих пор. Люди не уходят, за исключением тех, кто уехал, то есть что-то держит исполнителей в этом коллективе. Я сам удивляюсь некоторым вещам. Мы уже несколько

лет поем одно произведение Ройтмана-Румшинского. И каждый раз звучит оно по-новому и с такой силой, что у меня даже мурашки бегут по телу. Оно сочетает в себе и канторскую импровизацию, такую статическую мощь, и очень земной, строгий, трагический характер классического хорового звучания в европейской традиции. Этот контраст обычно производит такое впечатление и на слушателей, и на самих исполнителей, что после окончания произведения всегда секунд на 15-20 в зале устанавливается гробовая тишина, а потом обрушивается шквал аплодисментов. Таких произведений в нашем репертуаре достаточно много.

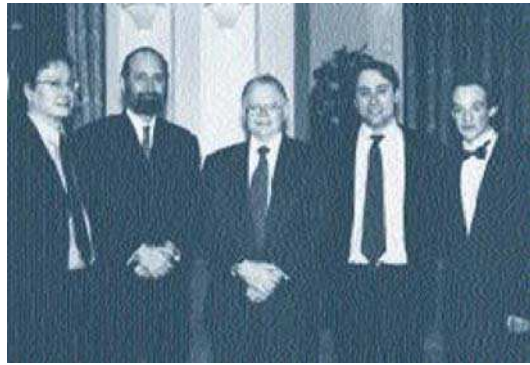
Уезжать – не уезжаем, хотя много лет “сидим на чемоданах”, что-то мешает сделать последний шаг: то нужно закончить учебу, то найти работу, то поправить здоровье и т.д. Побывав во многих европейских странах, я перегорел мыслью, что нужно уехать. Для меня это уже более глубокий вопрос. Убежать от самого себя невозможно. Мы родились в этой стране, выросли здесь, получили образование. Так что все это достаточно сложно».

А.Цалюк, И. Маловани и А.Кац.

Большие перемены

В 1997 году хор под управлением М.Турецкого вернулся в Москву. В синагоге оказалось два хора под одной крышей и под одним именем. Тогда руководство синагоги решило отказаться от группы под управлением М. Турецкого, но спонсоры И. Кобзон и В. Гусинский сказали свое веское слово, и так получилось, что произошла некая «рокировка», в результате которой Цалюк пришел к раввину в синагоге в Марьиной роще Берлу Лазару. Рассказал ему вкратце всю ситуацию. О том, что погибает семилетний коллектив, у которого уже сложились свои традиции, накоплен немалый репертуар, и попросил помощи. Раввин Берл Лазар откликнулся на рассказ дирижера. Он соблюдал все этические нормы, и хор не начал действовать на новом месте, пока полностью не прекратил работу на прежнем. После беседы с Берлом Лазаром Цалюк изложил хору всю ситуацию, и хор в полном составе перешел в синагогу в Марьиной роще. Никто не предал Александра Цалюка, никто не ушел.

Директор европейского отделения Universal Music (Polygram) г-н Хэнстрем, И. Маловани, посол США в России г-н Коллинз, директор российского отделения Universal Music (Polygram) г-н Д. Джанк, А. Цалюк.

Культурный атташе посольства США г-н Браун, А. Цалюк и главный раввин России Лазар.

«Работая здесь, мы имеем более достойное существование», – рассказывает Александр Цалюк.

Недавно в Москве отмечал свое 80-летие великий кантор Михаил Александрович. Он пожелал, чтобы на его юбилее выступил коллектив «Хасидская капелла». Такой чести удостоиваются только воистину талантливые коллективы.

Сказано в древнем предании: «Там, вверху, расположены храмы, двери в которые открываются только с помощью песни». Если это так, то ворота в эти храмы распахнуты для участников хасидской капеллы и для их слушателей, ибо песни, исполняемые коллективом под руководством А. Цалюка, объединяют Б-жественное и земное.

Для читателей, которым захочется подробнее познакомиться с коллективом «Хасидская капелла», мы сообщаем его адрес в мировой электронной сети:

<http://www.hasidic-cappella.com/>

Ааеі à Еаеі едіаі

СЕГОДНЯ РОЖДАЕТСЯ ИЗ ВЧЕРА

עִתְּנוֹ אֲנִי

К истории еврейской общины в Москве

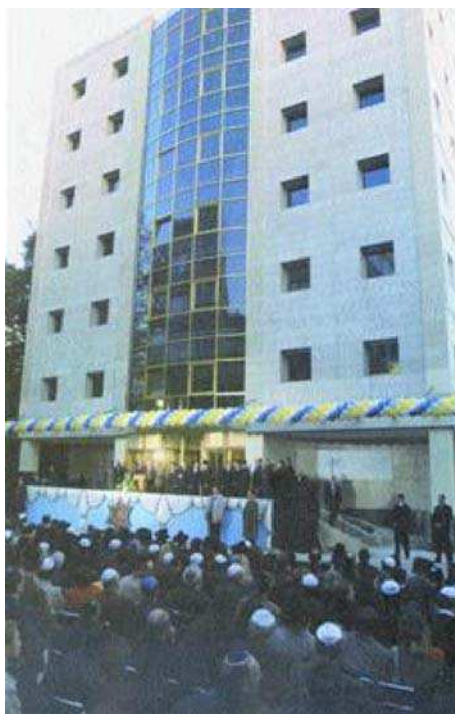
אֲנִי עִתְּנוֹ סְמֵטָה (р. 1932, Москва), общественный деятель. Окончил МЭИ (1957). Кандидат технических наук (1967). С конца 60-х до конца 80-х годов – участник еврейского национального движения в СССР. Один из активнейших распространителей еврейского самиздата. Трижды (1977, 1978, 1982) арестовывался советскими властями. С 1988 года – в Израиле.

(РЕЭ, т1)

אִי־צְדָאִוִּאיִ עַל אֲאִדְוֵי־נֹאִי יִדְוֵוֹ אִי־וֹ אִי־וֹ

אִי־צְדָאִוִּאיִ עַל אֲאִדְוֵי־נֹוֹר נֹוֹ דְוִי־וֹ

וֹ. אִי־וֵוִי

Община в еврейской диаспоре – это та основа, на которой покоится все здание национального бытия. Поэтому трудно переоценить значение открытия Еврейского общинного центра в Москве, которое прошло недавно в торжественной обстановке при участии Президента России. Думается, что многие из тех, кто присутствовал на грандиозной церемонии открытия общинного центра в Марьиной роще в сентябре этого года, вспомнили и «те времена и те дни», не столь уж далекие доперестроечные годы, когда евреям в СССР приходилось в трудной борьбе отстаивать само право быть евреями.

В огромной стране, где тогда проживало несколько миллионов евреев, не существовало ни метра территории, где евреям была бы предоставлена возможность для национального существования, где представители народа, старый и малый, могли бы встречаться как евреи, учиться иудаизму. Как бледная тень прошлой жизни существовали еще кое-где обветшалые, безлюдные почти синагоги. Официальная пропаганда называла иудаизм пособником «сионистских агрессоров», Книга Книг была объявлена идеологически вредной. Евреи, оставшиеся в живых после трагедии Холокоста, были обречены на национальное вымирание.

Национальное возрождение евреев в СССР на протяжении двух последних десятилетий советского режима в 1960-е–1980-е годы заставляет вспомнить библейского пророка: мертвые кости начали оживать и обрастать плотью... С начала 70-х годов еврейские активисты, наряду с борьбой за выезд, проводили большую культурную и социальную работу – обучение ивриту, проведение еврейских праздников, организация еврейского образования (религиозного и светского), материальная помощь семьям отказников и многое другое. Широкими масштабами и фактической открытостью они отличались от той активности разрозненных небольших подпольных и полуподпольных групп в предыдущее время. Многофункциональная национальная деятельность, в которую были вовлечены тысячи людей в течение многих лет, позволяет считать, что это была жизнь независимой еврейской общины. Началась она на 20–25 лет раньше перестройки. (Как известно, официальное провозглашение еврейской общины в СССР было ознаменовано открытием культурного центра имени Михоэlsa в Москве в феврале 1989 года.)

Возрождение еврейства в СССР начиналось в отказе. Лишенный работы и трудового коллектива, отказник оказывался вне общества, по другую сторону оставалось все то, чем человек жил раньше. Массовая антиссионистская пропаганда клеймила отказника как «отщепенца» и «антисоветчика». И вот, именно отказник, тот, кого власть превращала в изгоя, обретал счастливый шанс войти в запретный мир еврейства. Путь к своему народу, в еврейскую культуру проходил не через школы или университеты, а через ОВИР (!). Возникали группы изучения иврита, традиции, Торы, законов еврейской жизни. Все больше семей отказников начинали придерживаться национальных обычаев, отмечать еврейские праздники. В кружках и на семинарах по еврейской культуре проводились лекции по истории, философии, о стране Израиля...

Изгоняя с работы специалистов-отказников, лишая семьи средств к существованию, власти рассчитывали терроризировать, запугать... И тут на помощь приходила община. Организованным порядком проводилась традиционная для любой общины работа по оказанию моральной и материальной поддержки нуждающимся. К счастью, в это время и мировое еврейство пришло на помощь отказникам-евреям.

Необходимость взаимоподдержки и спонтанно возникавшие формы национальной жизни и еврейского образования способствовали объединению отказников

в сплоченный коллектив. В этой весьма неординарной еврейской общине не было ни президента, ни директора... Неформальных лидеров было много, ими становились те, кто мог предложить важную идею и оказывался способным сплотить вокруг нее людей. Эта массовая и деятельная еврейская община, насчитывавшая тысячи членов, не имела ни офисов, ни секретарей, ни официального статуса... Возможно, это было ее преимуществом, явный руководящий центр сразу бы попал под контроль КГБ.

С начала 1970-х особо широкое распространение получило преподавание иврита. К этому времени десятки учителей, уже вели занятия с сотнями учеников. Ульпаны в большинстве случаев были конспиративными, так как власти отказывали в официальном признании «общественной полезности» их работы. (В 1976 году автор этой статьи, до подачи заявления о выезде – научный сотрудник, уволенный с профессиональной работы и зарабатывавший на жизнь частными уроками иврита, был осужден уголовным судом за «паразитическое существование».) Вместе с выездным бумом расширялось и преподавание иврита. К концу 70-х в 45 городах СССР действовали ульпаны, а в 1979 году в Москве и Ленинграде была проведена «неделя иврита», посвященная 100-летию юбилею начала возрождения современного иврита. В том же году в курортном поселке Коктебель в Крыму собрались десятки учителей из разных городов. Они ходили на прогулки в горы, купались в море, проводили лекции, дискуссии, ... все на иврите. Это был один из семинаров усовершенствования учителей иврита. Власти очень нервно реагировали на растущую популярность среди евреев языка Библии и еврейского государства, и, когда в первой половине 80-х началась кампания репрессий против активистов, несколько ведущих преподавателей иврита были арестованы и осуждены на различные сроки заключения.

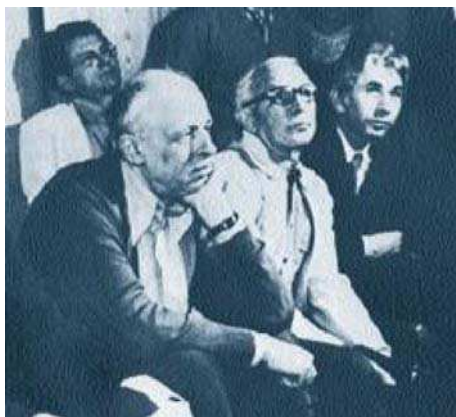
Ленинградские отказники с «рекламой» курсов иврита.

Распространение еврейского самиздата занимало важное место в деятельности общины, ведь самые элементарные сведения о евреях и еврейской стране можно было получить лишь нелегальным путем. Наиболее сильное влияние на рост национального самосознания, оказали роман «Эксодус» («Исход») Леона Юриса, «Фельетоны» Зеэва Жаботинского (изданные в начале века, когда в России прокатилась волна еврейских погромов), «Это мой Б-г» Германа Вука, «Евреи, Б-г и история» Макса Даймонда. За книгами такого рода охотился КГБ, и на судебных процессах еврейских активистов они инкриминировались как «вещественные доказательства» преступления. Нелишним, видимо, будет напомнить, что распространение еврейского самиздата было непростым делом. В то время копировали книги на пишущих машинках. Надо было найти доверенных машинисток, раздобыть для них дефицитную бумагу... Затем с оглядкой и

опаской, чтобы не навести на след гебистов и их агентов, разносить копии еврейских книг по разным адресам.

В отказе было немало талантливых и инициативных людей, и этот большой творческий потенциал требовал своего выхода. В 1972 году начал издаваться «толстый» журнал «Евреи в СССР», в котором публиковались оригинальные и переводные статьи по разнообразной еврейской тематике, литературные произведения. Обыски, конфискации, допросы редакторов и авторов – таков был ответ КГБ на независимую еврейскую издательскую деятельность. Основателем и первым редактором журнала был ученый-физик и публицист Александр Воронель (ныне профессор университета в Тель-Авиве). Последним его редактором стал математик Виктор Браиловский (ныне депутат кнессета в Израиле.) В начале 1981 года Браиловский был арестован и осужден на 5 лет ссылки за «распространение заведомо ложных измышлений». Это была месть властей за издание в течение 10 лет 20 номеров неподцензурного еврейского «Нового мира». В разное время, наряду с «Евреями в СССР», выходили журналы «Магид», «Тарбут», «Наш иврит». Известность в конце 70–80-х имел «ЛЕА» – «Ленинградский Еврейский Альманах».

В отказе было много ученых, среди которых и признанные звезды науки. Разумеется, их решительно изгоняли из институтов, невзирая на ранги и заслуги. Ученых лишали, быть может, самого важного – научной среды, творческих дискуссий. Но здесь на помощь пришла община, ученые организовали свой собственный «Семинар ученых-отказников». Его инициатором и первым руководителем стал все тот же энергичный талантливый физик Александр Воронель. Хотя заседания семинара проходили на частных квартирах, его доклады и сообщения публиковались в мировой периодике, а на научные сессии приезжали выдающиеся ученые со всего мира. В «высоких» кабинетах, однако, по-другому относились к творчеству ученых, и летом 1974 года, во время визита в Москву президента США Р. Никсона, целую группу участников семинара подвергли превентивному тюремному заключению. Но скандальная акция властей получила столь большое освещение в мировой прессе, что «преступников» пришлось выпустить.

Пресс-конференция, посвященная симпозиуму «Еврейская культура в СССР», организованная отказниками в 1976 году. Слева академик Андрей Сахаров, крайний справа Вениамин Файн

Апофеозом деятельности общины отказников в сфере культуры стал симпозиум по еврейской культуре в 1976 году. Идея симпозиума по теме «Еврейская культура в СССР. Состояние и перспективы» была разработана группой ведущих активистов возрождения еврейской культуры тех лет, во главе которой стоял ученый-физик Вениамин Файн (ныне профессор университета в Тель-Авиве). И хотя проведение симпозиума на завершающей стадии было сорвано КГБ, он привлек к себе большое внимание как внутри страны, так и зарубежной общественности. Подготовка к симпозиуму, намеченному на

конец декабря 1976 года, шла совершенно открыто, были объявлены программа, время и место проведения, разосланы приглашения советским и зарубежным деятелям культуры. Десятки активистов в разных городах страны занимались его подготовкой, было представлено более 40 докладов по всем аспектам проблемы. С самого начала КГБ предпринял активные шаги, чтобы не допустить симпозиума. На квартирах активистов проводились обыски, конфисковывались все материалы, имевшие отношение к нему, а заодно и все, что было связано с иудаизмом и еврейской культурой (книги, журналы, словари, магнитофонные записи уроков иврита и т. п.). Завершающему срыву симпозиума предшествовала пропагандистская кампания в прессе, когда ряд центральных газет опубликовал статьи, где, с одной стороны, воздавалась хвала «расцвету советской еврейской культуры», а с другой – сурово осуждалась «очередная сионистская провокация»... Главная же разгромная акция состоялась в день открытия симпозиума – 17 его организаторов и докладчиков были арестованы или помещены под домашний арест. В заключение этой экстраординарной и в то же время весьма показательной истории могу добавить, что когда почти 6 лет спустя я был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, один из главных пунктов обвинения касался именно симпозиума.

Община уделяла большое внимание поддержке узников Сиона (т. е. тех, кого осуждали за еврейскую деятельность) и их семей. В защиту арестованных еврейских активистов проводились демонстрации, коллективные голодовки, направлялись коллективные петиции. Все это инициировало внимание к делам еврейских узников, защиту их как со стороны общественных организаций, еврейских и нееврейских, так и на парламентском, а то и правительственном уровне. Как правило, семья узника также получала существенную поддержку, и моральную, и материальную. Я вспоминаю в этой связи мой разговор с украинским заключенным (также осужденным за национальную деятельность) в одном из пермских лагерей в 1984 году. Этот мой сокамерник, журналист по профессии, очень сокрушался, что его семья в Киеве не имеет средств к существованию, и КГБ использует это, чтобы оказывать на него давление. Я выразил удивление, что семья известного политзека голодает: «Ведь за рубежом существует большая украинская община, разве им трудно помочь твоей семье?». Его ответ был удручающим: «Нет, никто им не помогает». В тот момент я еще сильнее ощутил значение нашей еврейской взаимопомощи.

Пуримшпиль в Москве.

70-е годы.

В общине практически не было профессиональных раввинов и преподавателей для обучения Торе, но уже в самом начале 70-х появилось немало знатоков Торы, Мишны, Гемары, «сделавших себя» в результате самообразования. Одним из наиболее выдающихся был молодой математик Илья Эссас. За короткое время он добился очень больших успехов в этой области и даже учился некоторое время в официальной ешиве (существовавшей с явно демонстрационной целью при Московской хоральной синагоге).

Ему предрекали большую карьеру, но после того как Илья подал документы на выезд в Израиль, он был немедленно исключен из ешивы. На занятиях религиозных групп можно было не так уж редко встретить зарубежных раввинов, которые специально приезжали в Москву, чтобы обучать своих будущих «русских» коллег. Многие адепты религиозного возрождения, естественно, начинали исполнять обряды верующего еврея. Они носили кипы, соблюдали субботу, следовали законам питания в иудаизме (кашрут).

Илья Эссас был ревностным митнагедом (он родом из Литвы), последователем «литовского» направления в иудаизме. В Москве возникли также и хасидские группы, прежде всего, последователи любавичского хасидизма (Хабада). Их лидером стал Григорий Розенштейн, также являвший собой показательный пример метаморфозы советского еврея. Специалист высокой квалификации в области биокибернетики, он совершил прыжок через гигантскую пропасть, разделяющую два взаимоисключающих мира, – советский атеистический коммунизм и иудаизм. (Любавичский хасид Григорий Розенштейн ныне профессор Иерусалимского университета.)

Важным каналом для приобщения к знаниям Торы были ульпаны, где преподаватели иврита нередко давали своим ученикам первые представления о Книге Книг, тем самым пробуждая в них непосредственный интерес к иудаизму. Свои начальные знания из Торы я получил, занимаясь в группе иврита, под руководством Зеева Шахновского. Специалист-физик, Зеев был прекрасным преподавателем иврита и уже хорошо разбирался в вопросах еврейской религии. На уроках мы читали оригинальные тексты из Торы, Зеев комментировал, и уроки нередко заканчивались бурными дискуссиями. В той же группе учились известные отказники Натан Щаранский, Александр Лунц, Дина и Иосиф Бейлины. На этих уроках-диспутах в значительной мере и возрос наш интерес к традиции иудаизма.

Власти были явно обеспокоены растущим интересом молодежи к еврейской религии. Однажды я был свидетелем налета гебистов на квартиру, где проходили занятия по Торе. На уроке было 15–20 молодых людей. Вдруг стук в дверь. Не подозревая беды, открыли. И... в комнату вваливаются не менее десятка здоровых мужиков в полушубках-дубленках. Что же они делают? Начинают хватать со стола тексты Торы, Талмуда – явные доказательства «преступной деятельности». Для молодых ребят призывного возраста «засветиться» таким образом значило встать перед угрозой исключения из института, призыва в армию. Кое-кто из них попытался спрятаться. И вот, дюжие сноровистые молодцы вытаскивают из шкафа щуплого еврейского паренька. Видеть происходящее нельзя было без душевной боли... Это было символом трагической истории евреев в СССР.

Для полной картины следует сказать, что в отказе появились – их было, правда, совсем немного – и приверженцы антиссионистских течений(!), в основном, примкнувшие к сатмарским хасидам (движение, не признающее светское еврейское государство). Получив выездную визу, они прямоком отправлялись в Нью-Йорк или еще куда-нибудь. Все, связанное с «сионистским государством», было для них «некошерным».

Община представляла собой ассоциацию не только собственно активистов, но и их семей и семей отказников. Так что не удивительно, что в жизни общины не последнее место занимали отдых и развлечения. Еще в конце 60-х, когда община являлась небольшой еврейской компанией, семьями, с детьми в выходные дни выезжали за город. Позже уже большими группами в несколько сот человек собирались на большой лесной поляне в районе реки Красная Пахра в 40 километрах от Москвы (ее называли «Поляной Лунца» в честь первооткрывателя, доктора Александра Лунца). Толпы отказников

подъезжали на рейсовых автобусах и затем шли пару километров пешком. Нередко вслед за длинной колонной евреев шла еще одна группа – десятка полтора туристов «в штатском», которые почти всегда с нарядом милиции присутствовали на еврейском пикнике. Как правило, с ними у нас царило мирное сосуществование, хотя случались и инциденты, как это было однажды в День независимости Израиля, когда отказники вознамерились водрузить на высокой березке «сионистский флаг» (так было записано в милицейском протоколе). Позже один из активистов отказа, заядлый турист Толя Шварцман, нашел более удобное место для таких пикников в 30 километрах от Москвы, куда добирались на электричке, – до станции Овражки по Казанской железной дороге.

Празднование Дня Независимости Израиля в Овражках.

1978 год.

Еврейские пикники в Овражках вскоре обрели огромную популярность и не только среди отказников. В погожие воскресные дни в электричках, наполненных дачниками, бросались в глаза большие группы евреев, ехавших семьями и компаниями. Когда они выходили на станции Овражки, образовывалась большая колонна, которая направлялась к «еврейской поляне». На этих пикниках каждый находил занятие себе по вкусу: песни, танцы, лекции, футбол... В дни еврейских праздников проводились разнообразные мероприятия, традиционными были ежегодные фестивали еврейской песни. Запомнился такой фестиваль в праздник Суккот в 1980 году, где я присутствовал после трехлетнего перерыва, вызванного колымской ссылкой. Нельзя было не поразиться масштабом и организованностью мероприятия, в котором участвовали многие сотни людей. Не менее двух десятков солистов и ансамблей соревновались в конкурсе, звучали лучшие израильские современные и традиционные еврейские песни. Зрители располагались на амфитеатре из длинных бревен, почти как в театральных рядах. Жюри из наиболее уважаемых активистов оценивало исполнение и выбирало лучших из лучших...

Даже весьма краткое и неполное описание еврейского движения в 1970-х–1980-х годах, показывает, что это была – по форме и масштабам – деятельность типичной еврейской общины, какие существуют во многих странах диаспоры. Эта община успешно функционировала на «еврейской улице» в период гонений в коммунистической Москве тех лет и заложила, без сомнения, основу для строительства новой общины в либеральное время. Основное ее отличие было в том, что она не имела официального статуса, не признавалась властями. У нее не было общинного центра, вся ее деятельность протекала в личных квартирах отказников. Агенты КГБ вели за ними круглосуточное наблюдение, отключали телефоны, устраивали обыски...

Но и у этой общины был свой «общинный центр», хотя весьма неординарный. Им являлась часть... улицы, знаменитая «горка», где в 50-е–60-е в праздник Симхат-Тора традиционно собирались тысячи московских евреев (для большинства это был единственный «еврейский» день в году). Активисты-отказники, не спрашивая разрешения властей, превратили эту площадку в свой центр, и ставший единственным в Москве «еврейским клубом», а также «офис» общины, где отказники и активисты регулярно и открыто встречались друг с другом. Невозможно рассказать о всем разнообразии деятельности, которая проводилась в этом еврейском общинном центре без крыши и стен, без кабинетов и секретарш. Здесь договаривались об очередной демонстрации, подписывались коллективные письма, обменивались еврейским самиздатом, сюда приходили все те, кто так или иначе интересовался еврейством, здесь можно было получить необходимую консультацию, совет, помощь... Зарубежные гости из еврейских общин всего мира приходили сюда, чтобы встретиться с московскими евреями. Потом уже стали собираться большими толпами на этой еврейской «горке» не только на Симхат-Тору, но и на Пурим, Песах, Хануку. Большинство, как правило, не знало, что надо делать в еврейские праздники, но желание быть с евреями приводило их туда. Часто после популярных «Хава Нагилы» и «Тум-балалайки» молодежная компания начинала плясать под... песни Владимира Высоцкого.

Проводы первых репатриантов. Второй справа Натан Щаранский.

Вся эта еврейская самодеятельность была, разумеется, не по душе властям. За несанкционированными еврейскими сборищами внимательно следили люди КГБ и наряды милиции, постоянно дежурившие у синагоги. Последние, вместо поддержания порядка, практиковали грубые методы разгона. В праздники на тихую обычно улицу Архипова направляли интенсивный поток транспорта с соседней магистрали. Поток машин буквально рассекал толпу, прижимая людей к узким тротуарам. Милиционеры через громкоговорители требовали: «Не мешайте движению, расходитесь...» Люди КГБ в целях психологического запугивания шныряли с фотокамерами, выборочно фотографируя в основном молодых людей. То старание, с которым милиция проводила свои акции по разгону «сборищ сионистов», не оставляло сомнения, что указания получены из очень высокой инстанции.

В трудной борьбе, преследованиях со стороны властей протекала жизнь активистов еврейского движения. Но каждый из них сознательно выбрал этот путь, пойдя на бескомпромиссный разрыв с тоталитарным строем. Это был путь сопротивления политике насильственной ассимиляции, который естественно приводил многих к возвращению к национальным духовным истокам, глубокому интересу к еврейству и иудаизму. Желание репатрироваться на родину еврейского народа было результатом осознания принадлежности к своим национальным корням. Совместная деятельность и необходимость противостоять враждебному режиму объединяли еврейских активистов

при всех их подчас немалых мировоззренческих различиях и рождали то национальное единство, которое стало основой еврейской общины тех лет. Общины, жившей не по указке властей, а истинными интересами своего народа, которая сыграла важную роль в возрождении русского еврейства наших дней. Нынешние школы и ешивы, синагоги и общинные центры, независимая еврейская пресса продолжают то, что было начато еврейскими активистами в те трудные годы. И открытие в Москве нынешнего, крупнейшего в Европе, центра еврейской общины еще одно, яркое тому свидетельство.

АССИМИЛЯЦИЯ

Аידען י עיינו אע

Как увязать благородное дело приема евреев в Германию с попыткой их дальнейшей ассимиляции? Чья эта затея? Рядового чиновника или политика государственного масштаба?

Приехав из бывшего СССР, где в течение всего времени целенаправленно велась политика ассимиляции евреев, мы, в основной своей массе, были евреями только по паспорту. Не знаем ни языка, ни традиций. Не знаем истинную историю своего народа. И воспитывала нас наша родная Коммунистическая партия не только в отрицании существования Б-га, но и в неприятии духовного наследия еврейского народа. Не потому ли и выросли мы такими рьяными атеистами? А наш самый научный совковый атеизм – это не только отрицание религиозных представлений, но и выхолащивание из человеческой памяти родственной связей, той ниточки жизни, которая передает из поколения в поколение всю массу накопленных знаний, традиций, обычаев, без которых немислима ни одна существующая на земном шаре цивилизация, ни один народ. Но что-то в нас до сих пор сидит, несмотря на тысячелетние гонения и унижения ген какой-то, который, наверное, и называется «еврейская душа», благодаря чему мы все-таки подспудно сохранили крупницы индивидуальности своего народа, потаенное желание быть евреями, которые и привезли с собой в Германию.

При всей сложности эмигрантской жизни, самое печальное то, что нас и дальше пытаются ассимилировать. Происходит это довольно-таки просто.

Можно ли возродить любую нацию без ее истории, культуры, без веры предков? Это только по Ленину: «Религия — это опиум для народа», а фактически любая религия — это прежде всего история народа, культура, основа духовности, нравственности. За примером далеко ходить не приходится. Поправление коммунистической идеологией православия на Руси привело к деградации русского народа. Мы тоже деградировали совместно со своими соседями, быть может в меньшей степени. А приехав сюда, почему-то не встретили понимания чиновников, занимающихся нашим распределением и обустройством на новом месте.

Одной из особенностей нашей религии является то, что невозможно верующему человеку далеко жить от синагоги. Он должен на встречу Субботы приходить пешком. И еще одна особенность заключается в том, что в синагоге для чтения молитв должно присутствовать минимум 10 мужчин.

Вероятно, этого не знают немецкий чиновники, занимающиеся расселением, а точнее рассеиванием евреев-эмигрантов по различным маленьким городкам Германии, где по их представлению мы должны быстрее интегрироваться в немецкую жизнь, что для нас тоже очень актуально. Но желание не всегда бывает действительным. И расселение евреев-эмигрантов по несколько семей в небольшие населенные пункты способствует только дальнейшей ассимиляции, а не интеграции. А эти два понятия путать недопустимо.

Можно ли приобщить еврея к его религии, к тому, чтобы он исполнял Субботу, ходил в синагогу, если ее в округе на десятки километров нет. Особенно это относится к новым землям. Сперва наци начали свое гнусное дело, а довершили его местные

коммунисты под чутким руководством ЦК КПСС. Каким нужно быть верующим евреем, чтобы за тридевять земель добираться до синагоги! К сожалению, среди нас таких мало. Советская власть в этом добилась внушительного результата.

Я не ратую за то, чтобы нас, эмигрантов, поселяли только в большие города. Мы всегда жили обособленно от других народов, жили в своем гетто. Это только во время Катастрофы слово «гетто» стало зловещим. Было бы лучше и для нас эмигрантов, да и для местного населения, если бы нас поселяли в тех местах, где до Катастрофы жили евреи, где когда-то были синагоги, были еврейские общины, остались еврейские кладбища. И чтобы аура прежних общин, мест нашего обитания благотворно влияла на помыслы и поступки, способствовали восстановлению не только материальных ценностей, но и, главное, возрождению духовного наследия.

Те конфликты и недоразумения, которые происходят в первые же минуты пребывания эмигранта на немецкой земле (свидетелем которых я был неоднократно, например в Потсдаме и Дессау; так в Дессау не нашлось места в общежитии для женщины на седьмом месяце беременности), можно было бы избежать, если в каждом распределителе на постоянной основе работал бы представитель Центральной благотворительной организации евреев Германии (ZWST), чтобы с первых же шагов в неизвестное будущее каждый эмигрант смог почувствовать заботу и участие в своей судьбе представителя еврейской общины. А еще лучше, если этим представителем будет эмигрант, который на своей шкуре уже испытал все «прелести» эмигрантской жизни.

Это только один из возможных вариантов, чтобы помочь евреям вернуться к истокам своей религии. К тому же, к Б-гу никогда не поздно!

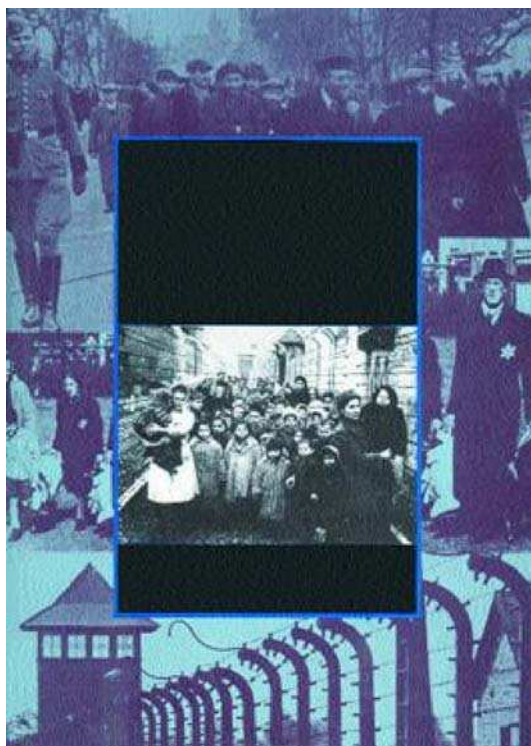
Мне могут возразить, что если я такой большой поборник еврейства, то нужно было ехать в Израиль и там, хоть на одну проблему было бы меньше. Может быть и так. Но вот к какому умозаключению я пришел, уже живя здесь.

Моя фамилия Мильштейн. Детство прошло с соответствующими эпитетами на Украине среди русских и украинских фамилий. И как любой из нас интересовался смысловым значением своей фамилии в переводе на русский язык, так и я пытался узнать, что же означает моя фамилия. «Штейн» – это понятно, камень, а вот «Миль»? И ни один знаток ни еврейского, ни немецкого языков не смог мне тогда толком ответить. И только лишь учась здесь на шестимесячных курсах немецкого языка, я получил объяснение от руководителя наших занятий, что в древние времена на территории современной Германии расстояния на дорогах исчислялись в милях. И на обочинах этих дорог на каждой миле устанавливалась вежа, изготовленная из камня. Эта каменная вежа и вошла в немецкий язык под названием мильштейн. Так что я могу предполагать, что истоки моей фамилии как-то связаны с этими камнями на дорогах древней Германии и то, что мои предки каким-то образом имели отношение к ним. Вероятно, изготавливали эти камни, или устанавливали их на дорогах, или торговали ими, – вариантов много, но можно с уверенностью предположить, что мои предки жили когда-то на территории современной Германии. Так что я здесь, получается, не совсем случайно. После исхода моего народа из Израиля и рассеивания его по всему миру, часть евреев поселилась на этих землях еще со времен древнего Рима. И, видать, Б-гу было угодно, чтобы я вернулся на родину своих предков. Таких, как я – много. А так как мои предки строили здесь дороги и по этим дорогам ходили по субботам в синагоги, так почему мне и таким же, как я, не позволить ходить в те же синагоги? (Правда, в Потсдаме, где я живу, в приснопамятные времена синагогу разрушили и вопрос о ее восстановлении городскими властями до сих пор не решен). А нас все пытаются и дальше ассимилировать. Может потому и не торопятся

восстанавливать? И не только в Потсдаме. Но, уверен, из этого ничего не выйдет. Подтверждением тому служит тысячелетняя история моего народа.

«СЧИТАЕТСЯ, ЧТО В КАТАСТРОФЕ ПОГИБЛО ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ»

איִדֶּן עַיִ עַיִ

**«Я никогда не соглашусь с высказываниями,
что в Литве было убито более 200 000 евреев.**

Подумайте только, где бы могли похоронить эти 200 000 евреев? Если в Литве убили каких-то 10–15 тысяч евреев, большинство из них – большевистские коллаборационисты, так это – максимальная цифра».

Подобные «невинные» мнения в литовских СМИ встречаются нередко. В названии вынесено высказывание радиодиктора, в подзаголовке – члена парламента. Множество других «откровений» всевозможного масштаба в самой разнообразной скрытой или открытой форме отрицают Катастрофу.

Особенно большие старания прилагаются, чтобы обелить события в Литве и роль совсем не маленького, как оказалось, количества военнослужащих литовских батальонов полиции самообороны. Их действия по утверждению «нового порядка» объясняют и оправдывают. Давно и регулярно письменно и устно раздаются дежурные обвинения евреев за мнимый геноцид литовцев. Эта историческая фальсификация была так же необходима идеологам Литвы в прошлом и настоящем, как известным идеологам были нужны понятие «ариец» (возвышенный) и расовая теория для глобального обоснования справедливости и необходимости уничтожения евреев.

Трудно описать тот театр абсурда, в который за последние 10 лет превратилось выяснение литовско-еврейских отношений. В моральном, историческом и юридическом плане он абсолютно циничен. Убитым еврейским детям выдвинуто обвинение в коллаборационизме! В 1988 году создана комиссия, которая расследует преступления нацистов и коммунистов в Литве. Ее цель – исследовать геноцид евреев и геноцид литовцев, а практически получается – смешать и приравнять несравнимые понятия, преуменьшить Катастрофу. Даже само это слово в Литве пишется с малой буквы и в учебниках, и в центральной прессе, и – самое постыдное – в газете «Литовский Иерусалим».

Недавно один из крупнейших ученых-историков профессор Л. Труска высказал мнение, что теория симметрии двух геноцидов и двух преступлений – это ложь, созданная для того, чтобы успокоить национальную совесть. По поводу вины евреев в геноциде литовцев еще 5 лет назад прозвучал трезвый голос известного публициста Т. Венцловы, который объективно заявил: «В литовской печати существует тенденция некоторого злоупотребления термином “геноцид” (тотальное истребление людей за их принадлежность к определенной нации). К сожалению, наша литовская печать склонна смешивать геноцид, стратоцид и этноцид. Утверждение, что осуществлялось два геноцида, полностью равноценных один другому, для меня абсолютно неприемлемо. По поводу уничтожения литовцев евреями, такая теория существует, и я называю ее троглодитской».

Однако до сих пор литовские идеологи национальной «концепции» истории держат на вооружении вышеупомянутый блеф, ибо иначе нечем защищаться и оправдывать «своих» за участие в поголовном истреблении литовских евреев. Единственное, от чего переписчики истории уже отказались в длительной кампании промывания мозгов литовской общественности – это выдумка, будто раввины объявляли перед смертью пастве, что они заслужили кару своими прегрешениями (!). Почему-то эта басня сочинена совершенно в духе христианской веры, да и кто же мог слышать обреченных?

Конца этого противостояния не видно. Неправая сторона, защищаясь, издала книжку начальника полиции безопасности А. Лилейкиса, согласно которой он сам «и многие литовские служащие принадлежали к антинацистскому подполью, хотели защитить людей от убийств, насилия, грабежа». Почему же в отношении евреев получилось с точностью до наоборот? В сочиненной сказке про «ангелов» с винтовками ясно видна та шапка, которая «на воре горит». Книга «воспоминаний» – еще одно своеобразное отрицание Катастрофы, правда за это законы Литвы не наказывают.

Именно политический режим в Литве положил в 1990 году начало переписыванию истории и восхвалению убийц. А в результате очевидного неправильного применения закона «О восстановлении прав» множество бывших участников еврейского геноцида или членов их семей получили удостоверения о реабилитации, в которых высшие юридические инстанции Литвы утверждают: «он невиновен перед Литовской Республикой». В течение 10 лет об этом писали повсюду много раз. В начале 90-х годов после долгой волокиты и уговоров несколько удостоверений были возвращены, но официально об этом не сообщалось.

Статья, содержащая механизм отзыва выданных в нарушение закона реабилитаций, была включена в него в 1995 году. Теоретически с того времени любое заинтересованное лицо или организация (хоть прокуратура) могут заявить о нарушении

закона, представить или затребовать доказательства, что подозреваемый участвовал в геноциде, и восстановить законность и справедливость.

Пять лет боялась затрагивать этот вопрос верхушка Общины евреев Литвы – до принятия в 1995 году статьи о несправедливых реабилитациях – и ничего не сделала в последующие 5 лет. Правление и председатель, кандидат юридических наук, часто провозглашают, что представляют интересы всех евреев Литвы, но получается не так.

Месяц назад в Вильнюсе закончился международный семинар по истории Холокоста. Кроме докладов представителей множества стран, на семинаре в рабочих группах обсуждались и возможности достижения взаимного понимания и создания толерантного и демократического общества.

Но эти теоретические цели видимо недостижимы, так как юридическая практика Литвы – источник умонастроений общества – полностью противоположна упомянутым целям, а школьные учебники этноцентричны, в них сглажены острые углы. СМИ Литвы конференцию проигнорировали. Прошлому сегодняшних «героев», которым кое-где уже ставят памятники, не дана юридическая оценка, и это дает опору упомянутым троглодитским теориям, отрицателям Катастрофы и тем, кто оправдывает убийц, ибо фактически государство объявило их невиновными. Невероятно, но факт!

ПО СТОПАМ ГЕББЕЛЬСА

Наш корреспондент в Латвии Леонид Коваль сообщает:

Здесь утверждают: «Жида правят миром»

В Латвии стало чуть ли не правилом время от времени поражать Европу и ее окрестности каким-нибудь новым антисемитским скандалом. То взорвут синагогу, то осквернят памятник узникам гетто, то сделают очередное открытие местные мыслители от антисемитизма на страницах какой-нибудь грязной газетенки, вроде «Латыш в Латвии», украшенной свастиками. Европе, стало быть, не привыкать к доблестным деяниям местных антисемитов.

Тем не менее последний пассаж журнала «Капитал», выходящего на латышском языке и предназначенного для деловых людей, потряс выдающую виды читательскую публику. Газеты, телевидение, не разделяющие оригинально-геббельсовскую точку зрения, дали мощный отпор гигантам мысли из «Капитала», а еврейская община обратилась в генеральную прокуратуру Латвии с официальным заявлением, требуя призвать к уголовной ответственности авторов и руководителей журнала, который так потрафил бывшим и настоящим творцам расовых теорий.

Итак, перед нами богато иллюстрированный журнал. На первой его обложке — стилизованный портрет еврея в пейзаже, черной шляпе, с соответствующим носом и почему-то с серьгой в ухе... Жадными руками с длинными пальцами он обнимает земной шар, а слева от него жирно написано «Жида правят миром». Чувствуете запах канцелярии Геббельса? Довольно явная вонь истлевшего фюрера!

О чем же вещает автор огромной статьи, разоблачающей жидовскую ненасытность, некий Лисовскис?

Начинается этот пасквиль с утверждения автора, что, куда ни кинь, всюду наткнешься на жида. Они — кругом! Все известные актеры, бизнесмены и т. п. и т. д. — жида. Проходу от них нету. А что касается Холокоста, то он «возвел жидов в своего рода статус “священной коровы”: о них говорят или только хорошо, или ничего». Он смакует слово «жид» во всех падежах и удивляется, почему это слово так не нравится евреям. Вот образчик размышлений этого провинциального философа: «В действительности современное понятие “жид” намного более точное обозначение, нежели “еврей”, так как только часть жидов — чистые евреи». Как вам сие размышление? Я подошел к зеркалу и стал думать: кто же я — жид или еврей, и какая кара следует за мое лицо в оценке местного арийца?

Дальше — больше. Восемь страниц журнала — это смесь антисемитского бреда с параноическим состоянием автора, за которым днем и ночью носятся стаи жидов с серьгами в ушах. Утверждается, что весь бизнес — это вотчина жидов, а раз так, то жида сами запросились на Холокост, ибо они, жида, предали Германию во время первой мировой войны, а некий «польский жид зашел в 1938 году в германское посольство в Париже и застрелил германского посла, после чего немцам ничего не оставалось, как

уничтожать жидов...» Неуч путает не только исторические факты. Он наслаждается звучанием слова «жид» и готов костями лечь, чтобы показать миру, на что способны пейсатые жида.

Уточним: г-н Лисовских — один из редакторов журнала «Капитал». Быть может, он в детстве даже открывал книгу по природоведению, а, возможно, он учился по учебнику «Майн кампф», который можно запросто купить в Риге, но позиция журналиста, дослужившегося до поста редактора, внушает большие опасения за судьбу науки в стране.

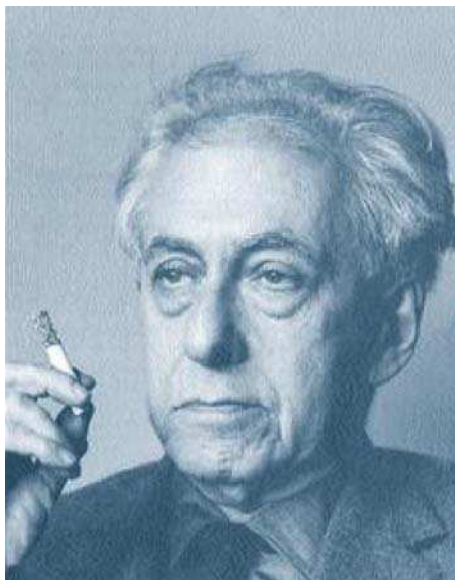
Я уже писал, что творение сего автора вызвало в стране переполох. И люди при этом раскрылись во всей своей первозданности. Вот, скажем, мнение Байбы Страутмане, ведущей программы «Наш человек» на телевидении. Она с удивлением констатирует, что не понимает, почему это израильское посольство в Латвии нашло в стране родимой «антисемитизм, который нужно искоренить». Восхищаясь героическим поступком главного редактора журнала «Капитал» Гунтиса Розенберга, добровольно ушедшего в отставку после скандала, Байба разводит руками, поражаясь, почему слово «жид» так остро ранит людей и является издевательством над жертвами Холокоста. Сам же Розенберг оправдывает появление статьи одним желанием: научить латышей брать пример с жидов. Разумеется, без предварительного Холокоста...

Неужели латыши и евреи, живущие бок о бок около пяти веков, не могут обмениваться большими ценностями, чем пассажи из арсенала гитлеризма?! И тут возникает вопрос — а случайно ли все это происходит в Латвии? Разумеется, нет! За десятилетие независимости в Латвии не разработана государственная политика воспитания и просвещения, наоборот, здесь предпринимаются попытка за попыткой переписать историю, исказить ее правду. Предана забвению история геноцида евреев на латышской земле, не выходят книги, не снимаются фильмы, не проводятся встречи, научные конференции, посвященные Катастрофе евреев. На щит поднимаются как национальные герои бывшие солдаты СС, загнаны и несправны участники Великой Отечественной войны. Ксенофобия разделила людей на граждан и неграждан, на титульную нацию и инородцев. Маленькая страна страдает большой и опасной болезнью, суть ее в нежелании создать единую нацию, объединенную мечтой увидеть эту землю процветающей.

Я недавно оказался в компании 20-летних молодых людей. Мы разговорились. Как оказалось, ни один из них не мог сказать, что такое Холокост, гитлеровский геноцид евреев...»Мы что-то слышали о жидках...» Вот весь сказ! Опасная забывчивость, опасное незнание! Они чреватые повторением пройденного. Они — волчья яма на пути государства в будущее. И журнал «Капитал», и газетенка «Латыш в Латвии» — знак беды!

САМЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Матвей Гейзер

Мысль о забвении всегда волновала Илью Григорьевича Эренбурга, одного из самых выдающихся интеллектуалов двадцатого века. «Забвение – закон жизни, это репетиция смерти», – написал он, хотя имя его при жизни, да и после смерти, забвению не предавалось. Анафеме – периодически да, но забвению – нет...

Почему же мысль о забвении тревожила человека, чьи ранние стихи отметили рецензиями такие выдающиеся поэты, как Гумилев, Брюсов, Бальмонт (список можно продолжить). Писатель, творения которого читали не только на родине, но и далеко за ее пределами; человек, удостоенный дружбы многих самых выдающихся людей культуры и искусства XX века; общественный деятель, к мнению которого прислушивались политики высокого ранга во всем мире. Илья Эренбург – автор знаменитой книги мемуаров «Люди, годы, жизнь», удостоенной окриков самого Хрущева и разгромной статьи «главного» литературоведа той поры В.В. Ермилова...

Человек, познавший всемирную славу, признание, в своих мемуарах написал: «После поэта остаются книги, после художника – полотна, после государственного деятеля – страницы истории. А после человека? Разве что память, немного света и тепла».

Что-то похожее сказал своей жене А.П. Потоцкой другой знаменитый еврей – Соломон Михоэлс: «Знаешь, что меня очень беспокоит?! Что я оставляю в наследство тебе и детям? Разве что мой юмор и следы моего обаяния»... Так ли это? Была ли причина для таких размышлений? Время, в которое жили и творили Михоэлс и Эренбург, давало немало поводов для подобного «оптимизма». Да и жизнь в стране напоминала чеховскую «Палату №6».

И все же забвение не грозит Илье Эренбургу. Кроме книг, написанных им, памяти, света, тепла, после И. Г. Эренбурга осталась его единственная дочь Ирина.

Мое знакомство с Ириной Ильиничной

Судьба «Черной книги» в СССР не менее трагична, чем ее содержание. То, что в конце концов она была издана в Литве, в Вильнюсе лишь в 1993 году, но ни в СССР, ни даже в демократической России, тому подтверждение.

Почему руководители страны, победившей гитлеровский фашизм, так препятствовали изданию, быть может, самой антифашистской книги в истории? Об этом можно рассуждать и спорить до бесконечности – логика тут не поможет. В том, что читатель, наконец, получил полное издание «Черной книги», велика заслуга Ирины Ильиничны Эренбург.

С «Черной книгой», изданной в Израиле в 1980 году, с этой летописью Холокоста, я был знаком, но не предполагал, что за ее пределами остались неопубликованные материалы. И еще я не мог понять, каким чудом попали они в то единственное место в мире, где им надлежало храниться, – в Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления «Яд Вашем» в Иерусалиме. Известие это не просто порадовало меня, но подтвердило мысль, что истинная история Холокоста будет восстановлена и останется навсегда. Кто же этот смельчак, отважившийся в брежневско-андроповские времена переправить в Израиль страницы еврейской трагедии, имя которой Шоа?

Однажды я заговорил об этом с Константином Лазаревичем Рудницким, видным искусствоведом, очень добрым человеком. Заговорил не случайно – он когда-то рассказал мне, где и как обыкновенные библиотечные работники сохранили архив Мейерхольда, ставший предтечей «возвращения Мейерхольда» в наше театроведение. «Что касается тайны интересующего вас вопроса, – могу открыть ее вам. Даже сегодня. Но договоримся сразу – если мы через пять минут окажемся у человека, переправившего материалы “Черной книги” в Израиль, вы не будете задавать вопросы на эту тему, если она сама не заговорит об этом».

Илья с отцом, Григорием Эренбургом. / Илья с матерью, Анной Арнштейн. /

Московский студент Илья Эренбург.

Константин Лазаревич набрал какой-то номер телефона, сообщил, что сигареты у него есть, хватит на всех. Мы вышли к лифту, спустились на первый этаж. Дверь квартиры уже была открыта. У входа нас ждала женщина среднего роста с внимательным изучающим взглядом. При ней была маленькая бородатая собачка с претензией на породистость. Собачка принялась и завилыла хвостиком. Облаян я был уже в комнате,

когда устроился в кресле. Очень скоро я понял, что нахожусь в квартире, имеющей отношение к Илье Григорьевичу Эренбургу, здесь было много его книг, изданных на разных языках, портреты, фотографии. Знаменитый рисунок работы Пикассо. К. Л. Рудницкий заговорил с хозяйкой дома на какие-то «общие» темы. Они дружно закурили, а потом он представил меня: «Это Матвей Гейзер. Он пишет книгу о Михоэлсе». «Дай Б-г удачи»,— почти машинально ответила женщина, которую я уже знал по имени-отчеству. Звали ее Ирина Ильинична. Все понял – я в гостях у дочери Эренбурга. Из мемуаров И.Г. Эренбурга: «Двадцать пятого марта 1911 года в Ницце у меня родилась дочь Ирина...» А в тот вечер, летом 1988 года, в кресле сидела пожилая седая женщина с очень выразительными глазами, обладающая удивительно хорошей памятью. Она в беседе с Константином Лазаревичем по памяти цитировала отрывки не только из книг Эренбурга, но и цитаты из литературоведческих статей о нем. Рудницкий изредка вносил свои комментарии. Оба они, казалось, забыли о моем присутствии.

Спустя какое-то время Ирина Ильинична вдруг спросила: «Так как фамилия нашего гостя? Глейзер?» – «Не Глейзер, а Гейзер!» – сказал Константин Лазаревич. – «Гейзер... Гейзер, – повторила Ирина Ильинична, – почему-то знакомо». – «Наверное, потому что фонтанирует», – пошутил Константин Лазаревич.

Разговор затянулся надолго. Мы много курили. За весь вечер я, кажется, не произнес ни одного слова. Уходя, Рудницкий спросил хозяйку, можно ли Матвею Моисеевичу ей звонить. «Безусловно», – ответила она.

Поздно вечером мы поднялись к Константину Лазаревичу пить кофе. В тот день он подарил мне свою книгу «Всеволод Мейерхольд».

Было это 4 июля 1988 года.

Встреча с давними письмами

Об Ирине Ильиничне Эренбург я знал из мемуаров ее отца «Люди, годы, жизнь». Мне порой хотелось позвонить ей, но повода не было, а без повода ... В доме, где жила Ирина Ильинична, даже в том же подъезде, я бывал часто. Кроме Рудницкого там жил Александр Петрович Межиров, поэт, которого я боготворил. От него я впервые услышал стихи раннего Эренбурга. В чтении Межирова стихи эти потрясли меня, и я тогда решил, что Эренбург – прежде всего большой поэт своего времени, начавшегося, как известно, еще в пору Серебряного века. Писатель, публицист – это уже производные. Правда, позже я не был так категоричен.

Весной 1990 года вскоре после знаменитого «еврейского погрома» в ЦДЛ в 1990 году (надо же такому совпасть!) вышла моя первая книга «Соломон Михоэлс». Я подарил ее Ирине Ильиничне. Недели через две я встретил ее на улице Усиевича. Она не узнала меня, но я вновь представился, и она живо все вспомнила. Потом сказала: «Книга ваша, в особенности добросовестный труд, вложенный в ее создание, заслуживают похвалы. Вы уже человек взрослый, и похвала вас не испортит, но книга-то – не годится! В ней сотни, боюсь, тысячи ошибок, опусок, опечаток. Так нельзя! Попросили бы меня. Я бы стала корректором этой книги из уважения к памяти Михоэлса и Анастасии Павловны». Я растерялся, даже испугался. Видимо, Ирина Ильинична поняла это и, прощаясь, сказала, что верит в переиздание книги и тогда ошибки эти можно будет устранить. «Когда будете в нашем доме, обязательно зайдите ко мне. Я покажу вам что-то для вас интересное и неожиданное».

Прошло какое-то время. Я позвонил Ирине Ильиничне, и мы условились о встрече. Когда я пришел к ней, она, приподняв очки и внимательно посмотрев мне в глаза, спросила: «Вы все помните из своей юношеской жизни?» Я растерялся. Она открыла папку. В ней – письма, написанные моим почерком. Тут я совсем опешил. Но мигом вспомнил. В начале 60-х я зачитывался мемуарами Ильи Эренбурга. В Аккермане мы записывались в очередь на «Новый мир», чтобы получить журнал на ночь из читального зала домой.

Никогда не забуду: зимой 1963 года в «Известиях» я прочел разгромную статью о мемуарах Эренбурга. Автором ее был сам В.В. Ермилов, «генерал» в области разгромных статей в период «борьбы с космополитизмом». Статья называлась: «Необходимость спора». Когда я прочел ее и отклики на нее в следующих номерах газеты, мне показалось, что времена разгромов (погромов) конца 40-х – начала 50-х, возродились. Возмущались мемуарами Ильи Эренбурга рабочие, служащие, даже крестьяне. Все кричали: «Ура, Ермилов!», и никто даже не попытался сказать доброе слово об Эренбурге, так много сделавшего для своей страны не только в области литературы... Статья Эренбурга, помещенная в этом же номере газеты, показалась мне ненужным оправданием.

«Ривера, Модильяни и Эренбург в студии Ривера в Париже». Рис. М. Воробьевой. / Илья Эренбург в Париже. / «Илья Эренбург и поэт Максимилиан Волошин в кафе “Ротонда”». Рис. А.Фогстейдт.

Я решил принять участие в этой «полемике», написал письмо, в котором восхищался мемуарами Эренбурга, и отправил его в «Известия». Дабы показать свою «эрудицию», я процитировал Энгельса, который «из книг Бальзака узнал о французской истории больше, чем из учебников». Ответа из редакции, разумеется, не последовало, но Александр Степанович Огородник, директор школы, в которой я работал, замечательный человек, сказал мне тихо: «Зачем тебе понадобился этот Эренбург, или как там его зовут? Смотри – доиграешься, мамка будет плакать. О нем плохо написал сам Ильичев, секретарь ЦК, наш главный идеолог». И все же я отважился написать письмо И.Г. Эренбургу, но, не имея его адреса, письмо отправил через С.Я. Маршака.

Прочитав в доме Ирины Ильиничны это, почти тридцатилетней давности письмо, я удивился своей смелости. Впрочем, тогда были времена, названные с легкой руки Эренбурга хрущевской оттепелью. Я был не единственный, кто поверил в то, что свобода нам дарована. А вот того, что в 1963 году она уже заканчивалась (или закончилась), не заметил. Ответ от Ильи Григорьевича я получил, с годами и переездами письмо это затерялось, и только у Ирины Ильиничны я прочел его: «Уважаемый товарищ Гейзер, мне переслали Ваше письмо – спасибо Вам за него. От души желаю Вам всего доброго. Москва, 10 мая 1963г.»

Следующее мое письмо к Илье Григорьевичу было полно гнева и злости к правителям Западной Германии за их намерение в 1965 году выдать «индальгенцию» бывшим фашистским палачам. Я помнил наизусть слова Ильи Григорьевича: «Я не верю в

доброе сердце людей, которые плачут над палачами, это мнимые добряки – они готовят смерть миллионам невинных». Я просил Илью Григорьевича опубликовать мое открытое письмо в центральной прессе. Вскоре получил ответ: «Уважаемый товарищ Гейзер, благодарю Вас за письмо и за доверие, но у меня нет ни малейшей возможности опубликовать, как Вы просите, Ваше “открытое письмо” — я не состою в редколлегиях наших газет. Кроме того, решение об оттяжке до 1969 года в Бонне уже принято. Желаю Вам всего доброго. 3 апреля 1965 года».

Ирина Ильинична рассказала мне, как беспокоился Илья Григорьевич о молодых провинциальных интеллигентах. «Хоть бы им не досталось за то, что пишут мне...» И. Эренбург отвечал на каждое письмо, хотя он задыхался от недостатка времени и сил. В то время, в пору публикации мемуаров, для него, как говорила мне Ирина Ильинична, была важна любая поддержка. Она почему-то напомнила мне слова Эренбурга, сказанные им еще в 1959 году. Я записал их: «Мы слишком часто бываем в размолвке с нашим прошлым, чтобы о нем хорошенько подумать. За полвека множество раз менялись оценки и людей и событий;... мысли и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств... Забывчивость порой диктовалась инстинктом самосохранения: нельзя было идти дальше с памятью о прошлом, она вязала ноги...»

История «Черной книги» похожа на историю нашей страны...

Мы часто и подолгу беседовали с Ириной Ильиничной по телефону, виделись изредка. «Перелом» в наших отношениях произошел, когда я подарил ей свою книгу «Еврейская мозаика». Она похвалила мою статью об Анастасии Павловне, а особенно – заметки о встрече с Марком Шагалом. «За такой короткий период общения с Марком Захаровичем вы не только уловили суть этого человека, но и сумели донести ее до читателей».

В начале мая 1994 года она рассказывала о своих юных годах, проведенных в Париже, о дружбе с Идой, дочерью Шагала. В тот день я впервые заговорил с Ириной Ильиничной о «Черной книге». Записал не весь ее рассказ. Часть воспроизвожу по памяти.

В начале 70-х годов, занявшись архивом отца, она обнаружила в нем много материалов из «Черной книги». Чтобы они не попали на Лубянку, отдала их на хранение людям, в которых была уверена, а в начале 80-х ей удалось переправить их в Иерусалим в «Яд Вашем». На мой вопрос, почему именно туда, она ответила сначала взглядом, а потом сказала: «А что, по-вашему, эти материалы должны быть в архивах КГБ? Я уверена, что в “Яд Вашем”, этом всемирном Институте Памяти жертвам нацизма, они сохранятся для потомков».

И.Эренбург с дочерью Ириной. Москва, 1924 год. / «Модильяни, Сутин, Ривера, Воробьева, Волошин, Эренбург, Пикассо, Якоб в Париже». Рис. М. Воробьевой. / Илья Эренбург и Василий Гроссман на фронте.

В предисловии к «Черной книге» я встретил такие слова Ирины Ильиничны: «История “Черной книги” похожа на историю нашей страны. В ней еще много невыясненных фактов или, как теперь принято говорить, темных пятен. Я расспросила людей, которые принимали в ней участие, прочитала публикации, благо они сейчас стали у нас появляться, изучала разные архивы, и мне удалось отчасти восстановить запутанную эпопею “Черной книги”».

Думаю, что, работая над «Черной книгой», Ирина Ильинична выполняла завещание своего отца, которого почему-то всегда называла по имени и отчеству либо по фамилии. Она часто говорила: «Ни о чем так не мечтал Илья Григорьевич, как об издании “Черной книги”».

Вот мои записи из той беседы: «Немногие знают, что Илье Григорьевичу не раз приходилось лично допрашивать немецких офицеров высоких чинов, и допрос этот он начинал с сообщения: “Я – еврей”. Это, как рассказывал отец, не только приводило в ужас допрашиваемых, но действовало сильнее пыток». На мой вопрос, почему ему приходилось допрашивать офицеров, Ирина Ильинична ответила: «Те, кто поручали ему это, учитывали его знание немецкого языка. Илья же Григорьевич шел на это во имя “Черной книги”»...

Еще из беседы с Ириной Ильиничной: «Сегодня многие склонны видеть в Эренбурге противника создания государства Израиль. Его статья “По поводу одного письма”, опубликованная в “Правде” 21 сентября 1948 года, давала повод для таких размышлений...»

Документальное отступление.

(из упомянутой статьи И.Г. Эренбурга)

«Мракобесы издавна выдумывали небылицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, непохожими на окружающих людей... Они уверяли, будто евреи – это люди, лишенные чувства родины, вечные перекаати–поле; мракобесы клялись, что евреи различных стран объединены между собой какими-то таинственными связями...

Мракобесы говорят, что существует некая мистическая связь между всеми евреями мира...

Конечно, есть среди евреев и националисты и мистики. Они создали программу сионизма, но не они заселяли Палестину евреями. Заселяли Палестину евреями те идеологи человеконенавистничества, те адепты расизма, те антисемиты, которые сгоняли людей с насиженных мест и заставляли их искать – не счастье, а право на человеческое достоинство – за тридевять земель».

И дальше, в этой же статье, Эренбург утверждает, что от расизма, грозящего евреям США, их не спасет государство Израиль, даже если оно будет создано, а может спасти их «победа прогрессивной Америки над Америкой расистов», так же, как евреев, живших в Палестине в годы второй мировой войны, от фашистской дивизии Роммеля спасла победа советской армии под Сталинградом. В упомянутой статье (еще раз напомним, это было в сентябре 1948 года, то есть через несколько месяцев после создания государства Израиль, в ту страшную пору, когда молодая страна вела тяжелейшие бои за независимость) Илья Эренбург цитирует слова И. В. Сталина: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма».

Думаю, тогда вождь всех стран и народов уже решил для себя судьбу евреев в СССР. Но в той же статье Эренбург пишет: «Советские евреи... отстраивают свою социалистическую родину. Они не смотрят на Ближний Восток, они смотрят в будущее...» Мало того, по мнению Эренбурга, трудящиеся государства Израиль тоже с надеждой смотрят на Советский Союз, «который идет впереди человечества к лучшему будущему...»

Кто или что могло заставить Эренбурга написать такую антиизраильскую статью? Попытки ответить на этот вопрос были. Я же воздержусь.

А теперь вернусь снова к беседе с Ириной Ильиничной об этой статье: «Но никто не пытается даже вникнуть, почему и при каких обстоятельствах была написана эта статья. Все сделали вид, что забыли другую публикацию Эренбурга, в газете “Эйникайт” 25 июня 1943 года». Ирина Ильинична надела очки и прочитала, попросив меня записать это: «Евреи не были истреблены до конца ни Египтом, ни Римом, ни фанатиками инквизиции. Уничтожить евреев также не может и Гитлер, хотя история еще не знала подобного массового истребления целого народа... Выродок Гитлер не понимает, что уничтожить народ невозможно. Евреев стало меньше, чем было, но каждый еврей стал большим, чем он был».

В сборнике Эренбурга «Война» (Москва, 1943 год.) в главе «Россия» есть статья «Евреи». Вот несколько цитат из нее: «Немцы пытались еврейских девушек,

закапывали в землю старых евреев. Гитлер думал сделать из евреев мишень, евреи показали ему, что мишень стреляет... Евреи стали солдатами. Они никому не передоверят своего права на месть...

Когда-то евреи мечтали об обетованной земле. Теперь у евреев есть обетованная земля: передний край. Там они могут отомстить немцам за женщин, за стариков, за детей.

Велика любовь евреев к России: эта любовь к духу и к плоти, к высоким идеям и к родным городам, к стране, которая стала мессией, и к земле, в которой похоронены деды...»

Читая эти слова Эренбурга, я задумался: «А всегда ли была эта любовь взаимной?» Трагическая судьба «Черной книги» в России – свидетельство тому, что Катастрофу европейского еврейства в России пытались замолчать, забыть. Вскоре после войны «Черная книга» была издана в Румынии, в США, но не в СССР, где она была создана.

«Илья Эренбург». Рис. Ю. Анненкова. / И. Эренбург среди еврейских партизан в Вильнюсе, 1944 год. / И. Эренбург среди выдающихся деятелей еврейской культуры. Москва, 1941 год.

Уйди к родным полям Иерусалима...

Однажды я спросил Ирину Ильиничну, правда ли, что стихи, которые ходят в списках под названием «Ответ Эренбурга Маргарите Алигер» принадлежат ее отцу? И «продекламиривал» отрывок из них:

Í à ààø àîí ðîñî ò ààð è ò ù í á òí àÿ,

Ñèàçè áú ŷ - í àì ááú ñæ äáí ú,

Ì ú àèí í àà ò ú á ò ñì, ÷ ò í ì ú ááð è,

Ì ú àèí í àà ò ú á ò ñì, ÷ ò í ì ú òí í ú.

*Î ú, ãòíè òúñþ: æèçí æ íá ææéäý,
Áíè ìðíøèè, äñðíéí úá èääíä,
× òíá ìññá ñéúøàòü «Ëòí ýòí – ääðæ?
Î íè á òúéó ñðææèèññ çà ðàøéáí ò».*

«Да нет, конечно же, нет! Хотя под многими строчками этих стихов отец мог бы подписаться. Там есть строфа, являющаяся парафразом статьи, о которой я упомянула. Помните? – ”Нас утопить пытались в реках крови, / Замучить в гетто, в камерах убить, / Мы выжили, и несмотря на это, / Товарищ Алигер, мы будем жить”...»

Потом, задумавшись, Ирина Ильинична рассказала мне случай, буквально потрясший меня. «Это было, кажется, в 1947 году. У молодого человека во Львове – студента института, нашли стихи под названием “Евреи”». Это был отрывок из известной поэмы Маргариты Алигер “Твоя победа”. Отрывки из нее, в особенности на еврейскую тему, ходили в списках. Порой с такими искажениями, что от Алигер там ничего не оставалось. Так вот, обладатель “рукописи” был арестован и обвинен в авторстве этих стихов, “националистических и антисоветских”. Не помню, то ли он сам, то ли кто-то из его близких обратился к Илье Григорьевичу. Он послал гневную телеграмму, потом Маргарите Иосифовне пришлось “подтвердить” свое авторство. Студент был спасен от тюрьмы».

В конце сороковых Илья Григорьевич не раз говорил мне: «Материалы для обвинительного заключения на Эренбурга я подготовил давным–давно, за много лет до сегодняшних шабашей. Следователи найдут их в моих стихах...»

Ирина Ильинична достала с полки маленькую книжечку стихов Эренбурга, изданную в Париже в 1911 году, открыла на какой–то странице и предложила мне прочесть стихи. Назывались они «Еврейскому народу». Несколько строф я переписал, вот они:

*Î äðíä, ääòíèéè ðíä íò Áäðäíì ä,
Ëíäñà-òí ì ñúíúé è äíèüøíé í äðíä,
Î äðæ òú çäí èþ äíéä è òí ðýí í,
Òðäýññí í ää í éääì è èç ñäà á ñä..

Äññä òí èæáí í úé, äíèè úé,
Î íä òýæèè äðäí äí äí çäíò
Òú øáíò äúøü äääì ò äðíèì úé,
Ääñèèññí úé è äíèüøíé í äðíä..*

Òù çãññí í á í óæáí, í ðèøéúé è ãíèì úé,

Ñáàðè ñáí è ò ðáññèàáéáí í úõ äàò áé,

Óéàè è ðíáí úì í ñëÿì Èáðññèè ì,

Ááá ñ: ãñò úá çí áé ò ù á þ í ñò è ñáí áé...

Я спросил: «Что же получается, в молодости Илья Григорьевич увлечен был идеями сионизма?» «В молодости все бывает», — ответила Ирина Ильинична. И спросила меня, читал ли я книгу Ильи Григорьевича «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». Она была полна решимости включить ее в издающееся собрание сочинений И. Эренбурга, допуская при этом, что повесть эту сочтут антисемитской. Я удивился. «Эренбурга обвинить в антисемитизме?!» И тут Ирина Ильинична рассказала мне такую историю.

Книгу эту И. Эренбург писал в необыкновенном душевном порыве. Он понял, что наступил крах не только социалистических идей, за которые в семнадцать лет он попал в тюрьму, но и той революции, которую возглавил Ленин (Ирина Ильинична напомнила мне о встречах отца с Лениным). В конце 20-х годов И. Эренбурга постигло страшное разочарование, даже депрессия. Он написал тогда: «Я с горя засел за сатирическую повесть... Еврейское утешение!» В СССР повесть, разумеется, не была издана, но ее то ли парижское издание, то ли берлинское дошло до членов Политбюро. Разумеется, они ее прочли. Еще бы! Почти у всех у них жены — еврейки родом из тех же мест, что и герой повести Лазик Ройтшванец. Позже Илья Григорьевич рассказывал, как Ворошилов признался ему, что прочел книгу взахлеб, но издавать ее нельзя — она антисемитская! Что-то похожее изрек Калинин. Еврей же Каганович не отважился похвалить книгу (во всяком случае вслух), а вот попрекнуть автора в еврейском национализме счел необходимым.

Своего издания в России книга эта ждала почти 80 лет. Недавно прочитав ее, я понял, как близка была еврейская тема Эренбургу, писателю, никогда не знавшему еврейского языка, но всегда помнившему о своих корнях. Прав был Виктор Шкловский, сказав об Эренбурге: «Из Савла он не стал Павлом». В течение всей жизни Эренбург повторял всегда и везде: «Покуда на свете водятся антисемиты, я буду напоминать о том, что я еврей».

Áðíäÿò Ðàðèèè, Óàèì ú, Èèè,

èàé ì ðíèáæáí í úá í ñëóæèáíá

Èàì í è èõ ò ðáäÿò. Ñëáí ú è äëóèè,

áðíäÿò, ðàçóáø è ññí í áðáá ññ áðò úþ, ñò áððóè

Áðíäÿò ì èáááí óù, ðàçáóæáí ú é í í ÷ è.

Áíí è ò èõ ññ áðò ú çáí ëÿ è õ í á õí ÷ àð.

Áíðá! Í ò è ðúèáññí ñò áðäÿ ðáí á -

ì áò ú ì íþ çáèèè í í è ì áí è Óáí á

Думаю, что эти стихи не могли бы возникнуть без искренней любви Эренбурга к истории своего народа, равно как без знаний еврейской традиции не было бы повести о Лазике Ройтшванце – самой «еврейской» книги Эренбурга. И еще в этой повести видится знание хасидских преданий и любовь Эренбурга к ним.

Хасидские легенды не раз спасали героя книги в самые трудные времена: на чужбине, в тюрьме, в одиночестве. Даже на смертном одре Лазик рассказывает красивую хасидскую историю о дудочке: «Вы, конечно, знаете, кто такой Бешт. Он ведь выдумал всех хасидов... Нечего говорить – Бешт был большой головой, и все евреи его почитали... Я уже не говорю о том, какое у него было сердце...

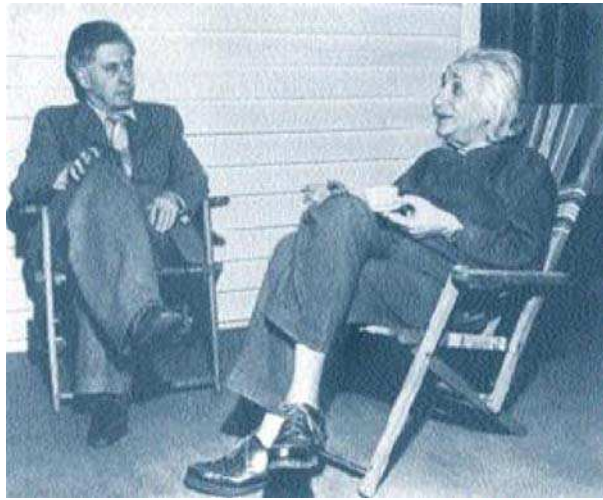
Город, где жил Бешт, был прямо-таки избранный... Это был смехотворный городишко между Гомелем и Бердичевым, не Париж и не Берлин. Зато в нем жили самые умные и самые набожные евреи, а среди них и этот Бешт. Хорошо. Настает Йом Кипур. Евреи собираются в синагогу. Они должны каяться в грехах. Они каются. Конечно, они вовсе не грешили... И все умники каялись в разных напечатанных грехах, но своих грехов они не помнили, и как могли они помнить разную человеческую мелочь? Тот, кто знал Талмуд, не знал простых слов, не мог утешить горемыку, приласкать ребенка, посмеяться в праздник с бедняками, а тот, кто выложил тысячу рублей на пышный свиток, не знал, что такое обыкновенная нужда, не подавал копейки на улице признанным нищим..., он думал, что все люди обходятся красивым свитком. И тот, кто молился, не умел прощать. И тот, кто постился, не умел накормить голодного. И вся их справедливость была на два часа... И вот кричат евреи, но нет дороги их крикам. Тогда они поворачиваются к Бешту: раз Бешт с нами, мы не можем пропасть...

Бешт стоит и молится... Он хочет заплакать, но у него нет слез... Он просит Б-га: дай мне слезы, и я вымолю у тебя прощение всем евреям. Но Б-г оглох...»

А дальше произошло вот что. Вместе с одним из молящихся в синагоге оказался ребенок лет трех–четырёх. Ему было скучно, он хотел к маме. Не зная, чем заняться, он вдруг вспомнил, что в кармане у него дудочка, которую купила ему мама. Он вынимает ее и хочет подуть, но отец останавливает его: «Иоська, сейчас же спрячь эту глупость! Сегодня Йом Кипур и надо плакать, а не играть на трубе».

Но тут вмешался Бешт. И хотя во время молитвы запрещено разговаривать, он сказал: «Оставьте этого ребенка! Если он хочет дуть в дудочку, пусть дует». Иоська, конечно, задул в полное свое удовольствие. И свершилось чудо. «И грянул гром, и брызнули из глаз Бешта живые слезы, и сразу стало легко всем евреям... Евреи в синагоге обратились к Бешту: "Ребе, вашей молитвой мы все спаслись"». Но Бешт качает головой...: «Ваши грехи весили столько, что их не могли перевесить никакие покаянные слезы... Но вот раздался крик этого ребенка. Он дунул в дудочку, и Б-г услышал. Б-г не выдержал. Б-г улыбнулся. Наш город спасли не молитвы, а один смешной звук от всего детского сердца... Поглядите скорее, как этот Иоська улыбается!...»

Этим хасидским сказанием заканчиваются и жизнь Лазика Ройтшванца, и повесть о его приключениях. Он умирает в гробнице праматери Рахели. Именно в этом, святом для иудеев месте, завершается бурная жизнь Лазика Ройтшванца, бедного еврея из Гомеля, так и не нашедшего счастья нигде и никогда.

И. Эренбург и А. Эйнштейн. Принстон, май 1946 года

Сказал некогда великий философ Монтень, в жилах которого текла еврейская кровь: «Нельзя судить, счастлив ли кто-нибудь, пока он не умер». С эренбургским Лазиком все было ясно еще при жизни, а, скорее, еще до его появления на свет. «Нет, не из-за фамилии погиб Лазик». Он оказался жертвой доносов, получивших широкий размах в конце 20-х годов в СССР вообще и среди евреев в частности. Вынырнувшие всего десять лет назад из черты оседлости, они настолько активно включились в политическую жизнь системы, что сами становились и доносчиками, и судьями. Обвинителем на процессе «по делу» Лазика был человек по фамилии Гуревич. А следователь носил фамилию Кугель. Обращаясь к Лазику, он говорит: «Перейдем к делу: гражданка Матильда Пуке показывает, что вы, прочитав известное вам обращение ко всем трудящимся Гомеля (речь шла о смерти некоего Шмурыгина, “испытанного вождя гомельского пролетариата, скончавшегося от заворота кишок”, и в этой связи пролетариев призывали беспощадно карать всех притаившихся врагов революции... – М.Г.), торжествующе захохотали и издали неподобающий возглас». Что было делать бедному еврею Лазику Ройтшванцу? Он на суде сказал: «Если я в чем-нибудь виновен, так только в том, что я живу, но и в этом я тоже не виновен»... И Лазик рассказал суду историю своего рождения: «... Была большая холера, такая большая, что почти все евреи умерли, а те, что не умерли, конечно, не хотели умереть... Тогда они вспомнили, что если нельзя надуть смерть, то можно ее развеселить. Они нашли самого несчастного еврея... и самую несчастную еврейскую девушку. Они сказали: мы дадим вам тридцать рублей на свадьбу,.. но вашу свадьбу мы справим на кладбище, чтобы развеселить смерть... Я не знаю даже, кончилась ли холера, но одно я знаю, что родился я, Лазик Ройтшванец, и в этом, кажется, единственная моя вина...»

Рассуждать о еврейской теме в произведениях Ильи Эренбурга – значит говорить, по существу, обо всем его творчестве. Эпиграфом к «советскому» роману «День второй» он взял слова из первой книги Торы:

Àà áóóáò ò ááðáü ñááè áîáü.

È ñòáèí òáé. È áüé áá:áá, è áüèí óòðí: ááí üáòíðé.

В этом же романе среди героев первых пятилеток есть евреи. Автору предложили изменить фамилии отдельных героев, на что Эренбург со свойственной ему иронией заметил: «Может быть, проще изменить фамилию автора на обложке?»

Трагическая судьба евреев в оккупированной Франции, уничтожение евреев в Освенциме, описанные Эренбургом в романе «Буря» — незабываемы. Любопытны его философские рассуждения о евреях в ранней книге «Необычные похождения Хулио Хуренито и его учеников...». В ней есть глава «Пророчество Учителя о судьбах еврейского народа». Обращаясь к одному из героев книги, Учитель говорит: «Теперь ты видишь, что я был прав. Произошло естественное разделение. Наш еврей остался в одиночестве. Можно уничтожить все гетто, стереть все черты оседлости, срыть все границы, но ничем нельзя заполнить эти пять аршин, отделяющих нас от него...» Писатель, ставший в зрелом возрасте сторонником ассимиляции евреев, в начале 20-х годов, как видим, придерживался других взглядов.

Ясно одно – еврейская тема, еврейская боль занимали в творчестве Эренбурга особое место. Подтверждение этому мы находим в его мемуарах «Люди, годы, жизнь».

Достойная дочь своего отца

Вспоминая Ирину Ильиничну, беседы с ней, вот о чем думаю. В последние годы находится немало людей, пытающихся очернить память Эренбурга, его значимость в духовной жизни того поколения людей, которых сегодня называют шестидесятниками. Как несправедливы видящие в Эренбурге лишь конформиста! Помню, как тревожили подобные рассуждения Ирину Ильиничну. «Настоящий Эренбург начнет новую жизнь лишь тогда, когда будет опубликовано многое из ненапечатанного».

Ирина Ильинична Эренбург умерла на восемьдесят седьмом году жизни. Кристальной честности и порядочности человек, она оставила достойный след в литературе. Ее «Дневник военных лет», первая страница которого начинается 30 июня 1941 года, а последняя заканчивается 9 мая 1945 года, так, увы, и не издан в России, но как ни парадоксально, полностью опубликован в Германии (разумеется, на немецком языке), а в 1998 году – в Израиле на русском. Книга эта – яркое, правдивое, литературное творение о войне. В ней не только страницы, посвященные выдающимся писателям, таким, как В. Гроссман, А. Платонов, Вс. Вишневский, И. Эренбург, Д. Ортенберг, но и трагические будни самой страшной в истории войны. Она не раз выезжала на фронт вместе со своим мужем, писателем Борисом Лапиным, и знала войну и о войне не понаслышке.

Еще при жизни отца, после его смерти в особенности, Ирина Ильинична уделяла большое внимание сбору и упорядочению материалов для «Черной книги». Вспоминается презентация «Черной книги» в здании бывшего Еврейского антифашистского комитета. Это было 7 сентября 1994 года. Я заехал за Ириной Ильиничной на Красноармейскую, и мы вместе поехали на презентацию. Уже по пути домой она с грустью сказала: «Слава Б-гу, эта книга вышла. Как хотелось бы мне издать еще одну книгу, состоящую из моих записей военных лет». В огромном сегодняшнем книгопотоке эта книга пока, к сожалению, не нашла своего издателя. Может быть, сейчас кто-то сделает это в память и об Ирине Ильиничне, и о войне, унесшей так много жизней...

Встречались мы с Ириной Ильиничной, как я уже сказал, не часто. Жила она скромно, одиноко. Ее квартира на первом этаже писательского дома на Красноармейской

улице больше похожа была на музей, чем на жилье. Фотографии, редчайшие фотографии, на которых едва ли не все знаменитые люди двадцатого века, книги, книги, рукописи.

«Мечтаю, чтобы собрание сочинений Ильи Григорьевича, в издании которого я принимаю участие, было бы воистину эренбургским. На предыдущих изданиях слишком отразилась политическая конъюнктура времени», – говорила она. К сожалению, до выхода последних томов издающегося сейчас собрания сочинений Эренбурга Ирина Ильинична не дожидается...

Беседы с ней были бесконечно интересными. Она была не только высокообразованным человеком – в 1933 году Ирина Ильинична окончила Сорбонну, знала несколько иностранных языков, подарила русскому читателю замечательные переводы книг Моруа, Пирюшо и других французских писателей, – но и хорошим писателем. Юмор ее был неподражаем. Уверен, когда будут изданы ее записки о встречах с людьми своего времени, читатели в этом убедятся.

Быть дочерью Эренбурга и при этом оставаться заметной личностью в делах литературных, искусствоведческих, архивных – дело не простое. Ирине Ильиничне это удалось сполна. След ее доброй памяти будет долговечным.

Обложка английского издания романа «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». / «Илья Эренбург и его пес Бузу». Шарж Н. Альтмана. / И. Эренбург и П. Пикассо. Париж, апрель 1949 года.

Уроки Ильи Эренбурга

О чем бы ни писал Эренбург, начиная с середины 30-х годов, о чем бы ни говорил в своих выступлениях, он прежде всего был ярким, беспощадным антифашистом. Наша Государственная Дума и Федеральное Собрание не могут дать определение фашизму и установить его происхождение. Эренбург это сделал давно: «Фашизм родился от жадности и тупости одних, от коварства и трусости других... Фашизм – страшная раковая опухоль, ее нельзя лечить на минеральных водах, ее нужно удалить».

Становится понятным, почему Гитлер грозился повесить Эренбурга лично и не где-нибудь, а на Красной площади. Но не совсем понятно другое – почему по стране, низвергнувшей фашизм, свободно разгуливают люди с гитлеровской свастикой на рукавах. Не есть ли это плоды той демократии, в которую мы так поверили в конце 80-х, начале 90-х годов. Вождями этой демократии, в основном, были люди, причисляющие себя к «шестидесятникам», то есть к тем, кто появился на волне оттепели, называемой хрущевской.

Хотел того или нет Эренбург, он стал «отцом» этого понятия. Вот что пишет об этом Н.С. Хрущев: «Эренбург пустил в ход слово “оттепель”. Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно – возникли послабления... Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели... Весьма отчетливо звучали голоса против оттепели (заметим, после горбачевской “оттепели” зазвучали не только голоса, но и выстрелы. – М.Г.), а Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали это понятие». И далее Никита Сергеевич говорит о том, почему руководство партии, и он в том числе, боялись оттепели: за ней могло наступить половодье, которое захлестнет существующую власть. «Что значит – захлестнет? Мы боялись потерять управление страной,.. опасались, что руководство... не сможет направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским... Вроде того, что, как говорят в народе, и хочется, и колется, и мама не велит. Так оно и было». Откровения эти, разумеется, принадлежат Хрущеву той поры, когда он уже потерял власть. Но они подтверждают мысль, что любая оттепель в России обречена не на половодье, а на заморозки.

Сегодня, когда события конца 40-х, начала 50-х годов (борьба с космополитизмом, «дело врачей»), все больше и больше уходят в прошлое, возникает необходимость вернуться к имени Ильи Григорьевича Эренбурга на фоне тех исторических событий.

Начнем с того, что 13 марта 1952 года, когда судебный процесс над членами ЕАКа еще не начался, а зловещее «дело врачей» находилось в состоянии расследования, было принято постановление начать следствие по делам всех тех, имена которых значились в протоколах допросов обреченных по делу ЕАК. Разумеется, фамилия Эренбург была среди них первой. Знал ли он тогда, в 1952–м, в начале 1953 года, что участь его уже предрешена?

Есть еще люди, среди них писатели и политики, утверждающие, что в 1953 году не существовало предпосылок для «окончательного решения еврейского вопроса в СССР» (впрочем, есть и такие, кто утверждает, что не было Холокоста). Антисемитизм в ту пору набирал столь высокие обороты, что они даже «испугали» самого Сталина. Из книги Н.С. Хрущева: «Вспоминается, когда Сталину однажды понадобилось публичное выступление с заявлением о том, что в СССР нет антисемитизма, он решил привлечь к составлению, точнее – к его подписанию (авторов для такого документа у него имелось вполне достаточно), Эренбурга и Кагановича. Каганович буквально извертелся весь, когда Сталин разговаривал с ним по этому поводу... Но все же он сделал то, о чем ему сказал Сталин. Затем кому-то поручили переговорить на этот счет с Эренбургом. Эренбург категорически отказался подписывать такой текст... Это свидетельствует о том, что он обладал характером и решился противостоять воле Сталина...»

Ирина Эренбург. Москва.

Об этом же письме, вероятно, пишет в своих воспоминаниях писатель Вениамин Каверин: «Антисемитизм перед процессом “убийц в белых халатах” достиг того уровня, который необходимо было как-то оправдать, объяснить, уравновесить». Каверин, один из популярнейших советских писателей, разумеется, получил «приглашение» поставить свою подпись. Его, как и всех «подписантов», вызвали в редакцию «Правды» (исполнителями–организаторами готовящегося письма также были евреи, среди них видный журналист Давид Иосифович Заславский и др.) и познакомили с текстом письма, которое «охотно» согласились подписать многие видные деятели культуры, науки, знаменитые военачальники, разумеется, евреи. «Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке». Заметив растерянность Каверина, журналист Маринин (его настоящая фамилия Хавенсон) успокоил писателя, сообщив, что «этот убедительный документ» уже подписали многие известные люди и назвал ряд фамилий, среди них – Василия Гроссмана и Павла Антокольского. Каверину это показалось непостижимым. Он спросил, есть ли подпись Эренбурга, на что получил дипломатичный ответ Маринина-Хавенсона: «С Ильей Григорьевичем согласовано. Он подпишет». В тот день Вениамину Александровичу удалось улизнуть – он попросил время, чтобы подумать. В страхе проходили дни и ночи. Письмо в «Правде» не появлялось. И снова из воспоминаний Каверина: «Заглянула Ирина, дочь Эренбурга, наш близкий друг, и сказала, что отец написал Сталину и приглашает меня... – хочет прочитать письмо».

На этот раз Илья Григорьевич не скрывал своего волнения...

Сохранился ли текст этого послания, которое смело можно назвать историческим, потому что есть основание предполагать, что оно подорвало идею дальневосточного гетто».

Так поступить, то есть по сути возразить Сталину, Эренбургу было куда сложнее, чем всем другим, кому была оказана «высокая честь».

Есть мысль в Талмуде: если еврей отступит от народа своего во дни его тревог, то он будет отлучен от своего народа и во дни утешения и славы. Илья Эренбург оставался со своим народом всегда.

От автора.

Верноподданничество, то есть верность вождям, правителям, чаще всего лишенное искренности в первоначальном смысле этого слова, во времена тоталитарные принимает характер особенно опасный. Воспоминания Никиты Сергеевича Хрущева о том, что «Сталину понадобилось публичное выступление об отсутствии антисемитизма в СССР», находят подтверждение в мемуарах И.Г. Эренбурга: он действительно пытался «воспрепятствовать заявлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена». Эренбург тогда подумал, что, отказавшись от подписи под этим коллективным письмом и написав личное письмо Сталину по еврейскому вопросу в СССР, он переубедил Сталина печатать коллективное письмо группы евреев — видных политиков, деятелей искусства и науки. Разумеется, под письмом стояли бы и подписи «простых советских евреев». Свое письмо Эренбург отправил Сталину 3 февраля 1953 года. Это был поступок смелый и отчаянный. «Тогда я думал, что мне удалось переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел». Мне кажется, что публикация этого письма Эренбурга, а также полного текста упомянутого письма группы евреев в «Правду» явится не только хорошим дополнением к моей статье, но и подтверждением двух фактов: 1) даже в самые трудные времена находятся люди, сохранившие достоинство, свидетельством тому — поступок И. Эренбурга, а также отказ поставить свою подпись под письмом писателя В. Каверина, народного артиста СССР, кавалера Георгиевских крестов М. Рейзена, Героя Советского Союза генерала Я. Крейзера; 2) после подписания этого письма у людей, поставивших свои подписи под ним, было достаточно времени и возможности объяснить свой вынужденный для многих поступок. Не случайно в одной из главных молитв евреев в канун Судного дня, Коль-Нидре, говорится: «Прости меня, Всевышний, за вынужденные прегрешения...»

Письма вождям

И.Г. Эренбург – И.В. Сталину

3 февраля 1953 года

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я сам не могу решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц^[1] и Маринин^[2] познакомили меня сегодня с проектом «Письма в редакцию газеты “Правда”» и предложили мне его подписать^[3]. Я считаю моим долгом изложить мои сомнения и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистской пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской русской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте «Письма» имеется определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого «Письма в редакцию» на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях и пр. ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше не существует еврейских школ или газет на еврейском языке, я отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей «черты оседлости» и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и пр., нет понятия «еврей» как представитель некоей национальности, слово «еврей» там означает религиозную принадлежность, и клеветники смогут использовать «Письмо в редакцию» для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции «Правды» и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, поможет справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне – желательна ли опубликование такого документа и желательна ли под ним моя подпись. Само собой разумеется, что если это может быть полезным для защиты нашей Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу «Письмо в редакцию».

Ń ěóáíéèì óááeáíéáì.

È. Ýðáí áóðá

«Письмо в редакцию “Правды”»

В настоящем письме мы считаем своим долгом высказать волнующие нас чувства и мысли в связи со сложившейся международной обстановкой. Мы хотели бы призвать еврейских тружеников в разных странах мира вместе с нами поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев.

Есть люди, которые, выдавая себя за «друзей» и даже за представителей всего еврейского народа, заявляют, будто у всех евреев существуют единые и общие интересы, будто все евреи связаны между собою общей целью. Эти люди – сионисты, являющиеся пособниками еврейских богачей и злейшими врагами еврейских тружеников.

Каждый трудящийся человек понимает, что еврей еврею рознь, что нет и не может быть ничего общего между людьми, добывающими себе хлеб собственным трудом, и финансовыми воротилами.

Следовательно, два лагеря существуют среди евреев – лагерь тружеников и лагерь эксплуататоров – угнетателей трудящихся.

Непроходимая пропасть разделяет тех и других. Евреи-труженики кровно заинтересованы в том, чтобы вместе со всеми трудящимися, со всеми прогрессивными силами укреплять дело мира, дело свободы и демократии. Мы знаем, что в лагере борцов против поджигателей войны активную роль играют также представители еврейских трудящихся.

Что же касается еврейских промышленных и банковских магнатов, то они идут по другому пути. Это путь международных авантюр и провокаций, шпионажа и диверсий, путь развязывания новой мировой войны. Война нужна еврейским миллиардерам и миллионерам, как и богачам других национальностей, ибо она служит для них источником огромных барышей. Политика, проводимая еврейскими богачами, глубоко враждебна жизненным интересам еврейских тружеников. Она чревата для еврейских тружеников гибельными последствиями.

Где же тут общий путь, где же тут «единство» и общий интерес всех евреев, о котором так много твердят мнимые «друзья» евреев – сионисты.

Прикрываясь лицемерными словами об «общем пути», «общем интересе» евреев, главари государства Израиль позволяют себе утверждать, будто они выражают интересы всех евреев. Но давайте разберемся в том, кого в действительности представляют правители государства Израиль, кому они служат. Разве не факт, что в Израиле всеми благами жизни пользуется лишь кучка богачей, в то время как подавляющее большинство еврейского и арабского населения терпит огромную нужду, лишения, влачит полунищенское существование. Разве не факт, что правители Израиля навязали израильским трудящимся двойной гнет – еврейского и американского капитализма.

Выходит, что государство Израиль, как и любое буржуазное государство в любой части мира, – это царство эксплуатации народных масс, царство наживы для кучки богачеев. Выходит, что правящая клика Израиля представляет не еврейский народ, состоящий в своем большинстве из тружеников, а еврейских миллионеров, связанных с монополистами США.

Это и определяет всю политику нынешних израильских главарей. Они превратили государство Израиль в орудие развязывания новой войны, в один из аванпостов лагеря поджигателей войны. Государство Израиль на деле стало плацдармом американской агрессии против Советского Союза и всех миролюбивых народов.

Только недавно все честные люди мира были потрясены вестью о взрыве бомбы на территории миссии СССР в Тель-Авиве. Фактически организатором и вдохновителем этого взрыва являются нынешние правители Израиля. Играя с огнем, они усиливают напряженность в мировой обстановке, созданную американско-английскими поджигателями войны.

Далее, интересы каких евреев отстаивает международная сионистская организация «Джойнт», являющаяся филиалом американской разведки? Как известно, недавно в СССР разоблачена шпионская группа врачей-убийц. Преступники, среди которых большинство составляют еврейские буржуазные националисты, завербованные «Джойнтом» – М. Вовси, М. Коган, А. Фельдман, Я. Этингер, А. Гринштейн – ставили своей целью путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза, вывести из строя руководящие кадры Советской Армии и тем самым подорвать оборону страны. Только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империалистам, могли пойти на такие чудовищные преступления.

Совершенно ясно, что главари государства Израиль, главари «Джойнта» и других сионистских организаций выполняют волю зарвавшихся еврейских империалистов и тех, кто является их подлинными хозяевами. Ни для кого не секрет, что хозяева эти – американские и английские миллиардеры и миллионеры, жаждущие крови народов во имя новых прибылей.

Мы, нижеподписавшиеся, отвергаем смехотворные претензии бен-гурионов, шаретов и прочих поджигателей войны на представительство интересов еврейского народа. Мы глубоко

убеждены в том, что даже те еврейские труженики, которые до сих пор верили в мнимую общность всех евреев, поразмыслив, присоединятся к нашей оценке подлинной сущности политики еврейских богачей и их пособников.

Превратив государство Израиль в американскую вотчину, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев, а против Советского Союза – поборника мира и равноправия народов – ведут кампанию клеветы и ненависти. Разберемся и в этом вопросе.

Кто не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Кто, наконец, не знает, что антисемитизм составляет также отличительную черту тех фашистских клик, которые повсеместно поддерживаются империалистами США.

Вместе с тем всему миру известно, что народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев – от полной гибели и уничтожения. В наши дни советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

В Советском Союзе осуществлено подлинное братство народов, больших и малых. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь.

Не ясно ли, что легенда об империалистической Америке как «друге» евреев является сознательной фальсификацией фактов. Не ясно ли также, что только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР.

Враги свободы национальностей и дружбы народов, утвердившейся в Советском Союзе, стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев России в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом.

У трудящихся евреев всего мира – один общий враг. Это – империалистические угнетатели, на услужении которых находятся реакционные заправилы Израиля, а также шпионы и диверсанты – всякие вовси, коганы, фельдманы и т.п. У трудящихся евреев всего мира одна общая задача – вместе со всеми миролюбивыми народами защищать и укреплять дело мира и свободы народов. Нельзя отстаивать жизненные права еврейских тружеников в странах капитала, нельзя быть подлинным бойцом за дело мира и свободы народов, не ведя борьбы против еврейских миллиардеров и миллионеров и их сионистской агентуры.

Кровный интерес трудящихся евреев состоит в том, чтобы крепить дружбу с трудящимися людьми всех национальностей. Чем крепче союз трудящихся всех национальностей, тем прочнее дело мира и демократии.

Пусть все труженики евреи, которым дорого дело мира и демократии, объединят свои усилия и выступают единым широким фронтом против авантюристической политики еврейских миллиардеров и миллионеров, главарей Израиля и международного сионизма.

Учитывая важность сплочения всех прогрессивных сил еврейского народа, а также в целях правдивой информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за укрепление мира, мы считали бы целесообразным издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом.

Мы уверены, что наша инициатива встретит горячую поддержку всех трудящихся евреев в Советском Союзе и во всем мире.

Вольфович С.И., академик, лауреат Сталинской премии; Драгунский Д.А., полковник, дважды Герой Советского Союза; Эренбург И.Г., лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; Крейзер Я.Г., генерал-полковник, Герой Советского Союза; Харитонский Д.Л., сталевар завода «Серп и молот»; Каганович Л.М., член ЦК КПСС; Рейзен М.О., народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; Ванников Б.Л., член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда; Ландау Л.Д., академик, лауреат Сталинской премии; Маршак С.Я., писатель, лауреат Сталинской премии; Ромм М.И., кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; Минц И.И., академик, лауреат Сталинской премии; Райзер Д.Я., министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР; Лавочкин С.А., конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; Цырлин А.Д., генерал-полковник инженерных войск; Чурлионская О.А., врач; Дунаевский И.И. *, композитор, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; Брискман М.Н., председатель колхоза имени Ворошилова, Кунцевского района Московской области; Райхин Д.Я., преподаватель школы №19 г. Москвы; Ландсберг Г.С., академик, лауреат Сталинской премии; Файер Ю.Ф., дирижер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; Гроссман В.С., писатель; Гуревич М.И., конструктор, лауреат Сталинской премии; Кремер С.Д., генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; Алигер М.И., писательница, лауреат Сталинской премии; Трахтенберг И.А., академик; Носовский Н.Э., директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; Ойстрах Д.Ф., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; Каганович Мария, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности; Липшиц М.Я., заслуженный врач РСФСР; Вул Б.М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; Лившиц С.В., начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; Прудкин М.И., народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; Смит-Фалькнер М.Н., член-корреспондент Академии наук СССР; Ланцман Н.М., инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель», Гилельс Э.Г., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; Розенталь М.М., профессор, доктор философских наук; Блантер М.И., композитор, лауреат Сталинской премии; Талмуд Д.Л., член-корреспондент академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; Ямпольский А.И., рабочий вагоноремонтного завода им. Войтовича; Рубинштейн М.И., доктор экономических наук; Рогинский С.З., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; Кассиль Л.А., писатель, лауреат Сталинской премии; Хавинсон Я.С., журналист; Лейдер А.Г., инженер, начальник конструкторского бюро по механизации 1-го Господшипникового завода; Чижиков Д.М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; Вейц В.И., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; Фихтенгольц М.И., лауреат всесоюзных и международных конкурсов музыкантов-исполнителей; Колтунов И.Б., инженер, заместитель начальника цеха 1-го Господшипникового завода; Ерусалимский А.С., профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; Гельфонд А.О., член-корреспондент Академии наук СССР; Мессерер С.М., заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии; Шапиро Б.С., рабочий-наладчик 2-го часового завода; Золотарь К.И., зав. отделом народного образования Кировского района г. Москвы; Брук С.И., член-корреспондент Академии наук СССР; Смирин М.М., доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; Локшин Э.Ю., кандидат экономических наук; Шафран А.М., главный зоотехник районного отдела сельского хозяйства Ленинского района, Московской области, Герой Социалистического Труда.

В машинописный текст письма неизвестной рукой внесены незначительные добавления, которые в публикации набраны курсивом. В деле имеются также гранки данного письма, текстуально несколько отличающиеся от машинописного варианта. На полях гранок сделаны редакционные правки, выполненные со ссылкой на мнение И.Г. Эренбурга.

Наряду с 58 фамилиями, стоящими под машинописным вариантом письма, под гранками значится также фамилия Ю.С. Мейтуса – композитора, лауреата Сталинской премии. Пока не удалось выяснить, кто из названных потенциальных подписантов на самом деле поставил свою подпись. По некоторым сведениям, наряду с И.Г. Эренбургом отказались подписать документ генерал Я.Г. Крейзер и певец М.О. Рейзен (см.: «Дружба народов», № 4 за 1988 год).

^[1] Минц И.И. (1896–1991) – историк, академик АН СССР (1946), лауреат Сталинской (1943, 1946) и Ленинской (1974) премий, Герой Социалистического Труда (1976).

^[2] Маринин М. – псевдоним журналиста Я.С. Хавинсона (1901–1989) – ответственного руководителя ТАСС (1939–1943), затем главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения».

^[3] Ниже приводится хранящийся в архиве Президента Российской Федерации машинописный экземпляр проекта «Письма в редакцию газеты “Правда”» с напечатанными фамилиями, но без подписей.

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ЛУВРА

Лазарь Медовар

В еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона ему посвящено всего несколько строк: «Денон Виван – ученый еврей, который сопровождал Наполеона I в Египет во время его войны с Англией. Денон был выдающимся рисовальщиком; впоследствии Наполеон назначил Денона директором «Musee Napoleon».

Столь более чем лаконичное сообщение о выдающемся французском писателе, художнике, гравере, путешественнике, дипломате и коллекционере возможно объясняется тем, что в вышедшем незадолго до этого очередном томе энциклопедического словаря тех же Брокгауза и Ефрона ему уже была посвящена более подробная статья с упоминанием областей его деятельности. Но и она дает лишь приблизительное представление об этом разносторонне одаренном человеке, жизнь которого была необыкновенно интересной и в которой, как в калейдоскопе, отразились все эпохальные события во Франции и Европе того времени.

Нельзя, однако, не отметить, что упомянутая статья, несмотря на скудность сведений, содержит их существенно больше, чем аналогичные статьи о Деноне в Британской и Французской энциклопедиях.

Денон был дипломатом «по особым поручениям» при Людовике XV и Людовике XVI, другом Вольтера и знаменитого художника французской революции Давида, ближайшим советником Наполеона Бонапарта по искусству в его походах в Египет и страны Европы. Эрудиция, энергия и организаторские способности Денона позволили Наполеону выбрать именно его директором своего нового музея во дворце Лувр.

«Он мечтал сделать из Лувра “самый прекрасный музей мира”, – пишет во французском журнале “L’Actualite en France” Клодин Канетги. Это ему практически удалось. Жаль, что лишь знатоки вспоминают сегодня имя первого директора музея Наполеона, будущего музея Лувра и первого “министра искусств” Доминика-Вивана Денона».

Завтрак в Ферне. Вольтер (в кресле) со своими почитателями. Рис. В. Денона.

Барон Виван Денон (от французского де Нон) родился 4 января 1747 года во французской провинции Бургундии в городе Шалон-Сюр-Сон на реке Соне между Леоном и Дижоном в богатой аристократической семье. Знатное происхождение и материальная обеспеченность позволили ему получить блестящее по тому времени образование. В Париже Доминик изучал политические науки, юриспруденцию, литературу. Но особенный интерес вызывало у него обучение рисованию и гравюре. Он стал хорошим портретистом и одним из лучших гравёров, в жизни это оказало ему огромную незаменимую помощь, способствовало его всемирной известности.

О личной жизни молодого Денона известно мало. Его имя хотя и встречается во многих произведениях, в том числе весьма известных, но посвященных ему биографических книг всего несколько. Одна из последних опубликована в 1995 году французским писателем Филиппом Соллерсом. Автор отметил чрезвычайную скрытность Денона в том, что касается его биографии, и противоречивость сведений о нем. Он не оставил мемуаров, не сохранились его письма (вероятно, он их уничтожил).

В то же время все авторы единодушно отмечают общительность, остроумие Денона, умение быть «душой общества» и ценить прекрасный пол.

И. Тихомиров в рассказе «Монограмма на камне» так обобщил эти качества Денона: «Юный Доминик... с детства обнаружил недюжинные способности к живописи и

сочинительству, а также множество иных приятных качеств, самым важным из которых было непобедимое обаяние, легкость нрава, веселый талант общения с людьми, сохраненный им на всю жизнь и не раз сослуживший ему добрую службу. Он легко заводил друзей в самых влиятельных кругах». Ему оказывали благосклонное внимание всеильная фаворитка Людовика XV маркиза Жанна Помпадур, жена Наполеона Бонапарта Жозефина Богарне, императрица Екатерина II.

Людовик XV назначил Денона хранителем королевской коллекции гемм – драгоценных камней с выгравированными на них украшениями, унаследованной от маркизы Помпадур.

М. Робеспьер.

В 23 года Доминик пробует себя в литературе: он пишет небольшую комедию и даже ставит ее на сцене; однако она оказалась слабой и была вскоре забыта. Признание к писателю пришло значительно позже, уже в зрелом возрасте.

Общительность и в то же время умение хранить тайны, сдержанность в необходимых случаях были отмечены Людовиком XV, который в 1772 году привлек Денона к дипломатической работе. Она продолжалась и при Людовике XVI и длилась почти 15 лет.

В 1774 году 27-летнего дипломата назначают секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге. О подлинном содержании этой его миссии, как впрочем и более поздних, нет никаких данных. Известно лишь, что, несмотря на расположение Екатерины II, русское правительство выслало его из страны за шпионаж. Об этом, в частности, напомнила читателям петербургская газета «Смена» в одном из апрельских номеров 2000 года, через 175 лет после смерти дипломата.

После России Людовик XVI направил его с очередной секретной миссией в Швейцарию. Здесь он познакомился с Вольтером, жившим в своем имении Ферне (у самой франко-швейцарской границы). Между ними сложились дружеские отношения, Денон часто навещал Вольтера, написал несколько его портретов, а также широко известный рисунок «Завтрак в Ферне» (1775 год).

После Швейцарии – Италия. Денон сопровождает посла Франции графа Клермона де Амбуаза в Неаполь и остается служить в его посольстве в течение семи лет.

Он совершал поездки по Италии, жил в Риме, Флоренции, Венеции, продолжая заниматься рисованием и гравированием портретов. Одними из известных работ того периода являются иллюстрации к книге аббата Сен-Нона «Путешествие в Неаполь и Сицилию» (1788 год).

Оставив дипломатическую службу, Денон преподает в Венеции граверное мастерство. Здесь, как поведал Клодин Канетти, он познакомился с молодой гречанкой, в которую страстно влюбился и которая отвечала ему взаимностью. Эта любовная история продолжалась и после разлуки любовников, они долго обменивались пылкими письмами.

В 1787 году Денон на короткое время приезжает в Париж, куда привозит свою картину «Молитва пастухов», исполненную по определению специалистов в манере Рембрандта. В том же году Денона избрали академиком Парижской академии живописи. Он возвратился во Флоренцию, где в 1793 году получил сообщение о начале Великой французской революции. Он вынужден снова срочно покинуть Италию и вернуться во Францию.

Генерал Наполеон Бонапарт. Неоконченный портрет кисти Ж.-Л. Давида.

В Париже Денон узнал, что его имя внесено в список эмигрантов, подлежащих аресту за измену отечеству. Его поместья были отобраны в казну, а имущество конфисковано. Ничего изменить было уже нельзя, и во избежание ареста Денон вынужден был скрываться.

Курт Керам в книге «Боги, гробницы, ученые» (М., 1994) так описывает этот период жизни Денона:

«Обедневший, одинокий, многими преданный, он влачил убогое существование, скитался по жалким углам, жил на деньги, вырученные от продажи того или иного рисунка, бродил возле рынка, видел, как на Гревской площади падали головы многих из его бывших друзей, и так до тех пор, пока не нашел неожиданного покровителя – Жака-Луи Давида, великого художника революции. Он получил возможность гравировать давидовские эскизы костюмов, те самые эскизы, которые должны были революционизировать и моду. Этим он завоевал расположение “Неподкупного”; едва ступив на паркет после грязи Монмартра, по которой ему пришлось бродить, он, найдя применение своему дипломатическому таланту, получил от Робеспьера обратно свои имения, был вычеркнут из эмигрантского списка».

Деноном были награвированы для Давида 11 листов республиканских костюмов.

События Великой французской революции описаны в учебниках истории и хорошо известны. После контрреволюционного переворота, казни Робеспьера (под ножом

гильотины) на той же Гревской площади 9 термидора (27 июля) 1794 года и роспуска Конвента, власть во Франции перешла к Совету пяти директоров – Директории.

Возродилась аристократия, и при поддержке Давида Денон вновь появился в высших светских кругах. Здесь он в 1796 году познакомился с Жозефиной Богарне, которая представила его своему мужу, уже знаменитому генералу Бонапарту, будущему императору Франции. Это знакомство переросло в дружеское сотрудничество, продолжавшееся почти 20 лет.

В конце 1797 года Директория поручает Бонапарту подготовку экспедиции против главного врага Франции – Англии. Однако генерал быстро убедился в практической невозможности высадки десанта на английский берег, охраняемый могущественным морским флотом под командой адмирала Нельсона.

«Попытаться высадить десант в Англии, – рапортовал он Директории, – не обеспечив предварительно контроля над проливом, – самая рискованная и сложная из операций, которые когда-либо осуществлялись». Как известно, через почти 140 лет такую операцию не смог осуществить и Гитлер.

План Бонапарта заключался в другом. Он предложил вместо нападения на Англию оккупировать Египет, захватить Суэцкий перешеек (Суэцкого канала тогда не существовало) и заблокировать тем самым один из путей, связывающих Англию с основным источником ее процветания – Индией.

Все свои усилия Бонапарт направил на то, чтобы убедить Директорию дать ему флот и армию для завоевания Египта. И добился успеха.

5 марта 1798 года Директория назначила генерала Наполеона Бонапарта главнокомандующим экспедиционными войсками, направляемыми в Египет, а еще через два месяца в Тулоне закончилась подготовка экспедиции, и более двухсот кораблей под командованием адмирала Брюйе вышли в Средиземное море.

В этой экспедиции неопределимой, исторической оказалась роль Вивана Денона. Подробнее об этом ниже, после необходимого отступления.

К концу XVIII века, когда происходили упомянутые события, европейцы мало что знали о Египте; он оставался экзотической таинственной страной. Разрозненные описания древних авторов (Геродота, Плутарха и других), а также не всегда достоверные сведения более поздних авторов, уже не удовлетворяли историков и востоковедов. А рассказы путешественников о храмах, руинах, пирамидах, сфинксах и других экзотических чудесах на берегах Нила лишь подогревали интерес к этой ближневосточной стране.

Замышляя экспедицию, Бонапарт, кроме завоевания Египта, ставил перед собой и другую, более полезную для человечества задачу: организовать систематическое научное исследование истории и культуры страны, ее древнейшей цивилизации.

Такую задачу, считал генерал, мог выполнить только хорошо организованный коллектив ученых. Биографы Наполеона отмечают его веру в науку, весьма уважительное, подчас заботливое отношение к ученым. В 1797 году он сам был избран членом французской академии, чем очень гордился до конца дней.

Ж.-Л. Давид. Автопортрет, 1794 год.

Эти качества будущего императора проявились и в египетской экспедиции при встречах с противником, и при организации работы ученых.

«Даже знаменитая его команда перед началом одного сражения с мамлюками: “Ослов и ученых на середину!”, – пишет академик Е. Тарле («Наполеон». М., 1957), – означала именно его желание обезопасить прежде всего наряду с драгоценнейшими в походе вьючными животными также и представителей науки; несколько неожиданное сопоставление слов получилось исключительно вследствие обычного военного лаконизма и необходимой краткости командной фразы».

Для участия в экспедиции были привлечены 150 ученых и специалистов Франции, представлявших более 15 профессий. Биограф Наполеона Жан Тюлар («Наполеон». Жизнь замечательных людей. М., 1996) пишет, что в Комиссию ученых – так именовался этот коллектив – входили, в частности, математики, инженеры, химики, натуралисты, архитекторы, переводчики, рисовальщики, наборщики, в распоряжении которых имелись латинские, греческие и арабские шрифты, и даже пианист. Список имен членов комиссии впечатляет: во главе ее стояли основоположник начертательной геометрии академик Монж и химик академик Бертолле, под их началом трудились математик Фурье, натуралист Сент-Илер, астроном Мешэн, художник и воздухоплаватель Конте, археолог Жомар, медики Деженет и Ларрей, другие великие ученые своего времени. Их снабдили самыми совершенными по тому времени приборами, инструментами, литературными справочниками. Комиссия должна была сопровождать командующего в его походах, собирать материалы и на их основании создать в Каире институт Египта.

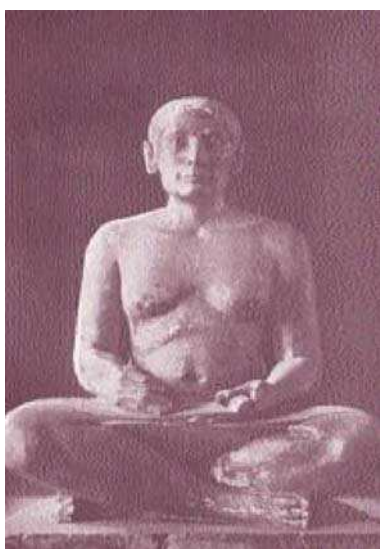
В Комиссию ученых Бонапарт включил и своего нового знакомого академика живописи Вивана Денона. Можно предположить, что приглашение Денона объяснялось не только его репутацией как специалиста или рекомендацией Жозефины, но и не в меньшей степени его еврейским происхождением. Известно, что первый консул с большим уважением относился к евреям, народу, который «дошел до нашего времени, пережил смену столетий, гордись своим единством и считая самой большой своей привилегией иметь своим законодателем одного лишь Б-га».

Отправляясь в поход, Бонапарт обратился со специальным воззванием к азиатским и африканским евреям, приглашая их под свое знамя и обещая реставрацию иерусалимского храма, восстановление всего Иерусалима и Иудеи. В подтверждение

своих слов Бонапарт включил в свою свиту еще одного еврея – профессора восточных языков Вентюра (во время похода он умер).

С момента вхождения в Комиссию жизнь Денона не содержит более никаких тайн, она полностью открыта, и судьба начинает отсчитывать ее звездные часы.

Итак, французские корабли вышли из Тулона. По счастливой случайности они прошли незамеченными подстерегавшей их английской эскадрой Нельсона, и 1 июля 1798 года войска Бонапарта высадились в Александрии.

Писец. Египетская статуя (III тысячелетие до н.э.).

От Александрии до Каира более ста километров, которые войскам во главе с Бонапартом пришлось преодолеть под палящим солнцем по безводной и безжизненной пустыне с вязким песком, скрипящим на зубах. Но ученых генерал в этот поход не взял. Заботясь об их безопасности, он предоставил им вспомогательные суда, чтобы они могли достигнуть Каира по Нилу.

«Каир возник перед участниками перехода, – пишет К. Керам, – словно видение из “Тысячи и одной ночи”, с тонкими башнями своих четырехсот минаретов, с куполом мечети Джали аль-Ашар», со множеством удивительных по красоте зданий. А невдалеке, в Гизе, возвышались гигантские пирамиды, холодные, огромные, отчужденные – окаменевшая геометрия, немая вечность, свидетели того мира, который был мертв уже тогда, когда ислам еще не родился». Среди них и знаменитая пирамида Хуфу (Хеопса), построенная пять тысяч лет назад и являющаяся самым большим сооружением древности, внутри которой свободно может поместиться санкт-петербургский Исаакиевский собор.

Но солдатам было не до экзотики. Их поджидала мамлюкская кавалерия, насчитывающая двенадцать тысяч хорошо обученных вооруженных всадников во главе с фактическим владыкой Египта Мурад-беем.

Ставленники Турции Мурад-бей и другой предводитель мамлюков Ибрагим-бей считали, что они легко и быстро уничтожат измученную походом армию французов, не имеющую к тому же даже собственной кавалерии. О современном ведении военных действий с применением артиллерии они не имели представления.

Видимо, здесь прозвучала и приведенная выше команда Бонапарта, так же как и его вошедшее в историю обращение к солдатам перед боем: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!»

Сражение известное как «битва при пирамидах», окончилось полным разгромом мамлюков. Собственно, это было не сражение, а скорее побоище: подпустив мамлюкскую конницу на картечный выстрел, артиллеристы Бонапарта расстреляли ее, а те немногие всадники, которые достигли флангов французов, были уничтожены убийственным ружейным огнем; уцелевшие в панике обратились в бегство.

25 июля 1798 года войска Бонапарта вошли в Каир. Комиссия ученых сразу же приступила к работе.

Немногим более месяца понадобилось ученым, чтобы в столице Египта начал свою работу Каирский институт наук и художеств. Президентом института был избран Гаспар Монж, его заместителем – Наполеон Бонапарт, а непременным секретарем – математик Жан Фурье. Денону отводилась роль руководителя группы рисовальщиков.

Институт разместился в переоборудованном дворце бея, актовым залом стал большой зал гарема, а соседние комнаты были отданы для проживания членам комиссии. В доме одного из бежавших мамлюков была организована библиотека, в которую приглашали и арабов. Посещавших, к их большому изумлению, встречали в высшей степени доброжелательно и любезно, знакомили с книгами и картинами, проявляли большую заинтересованность в их повторном посещении.

В своей книге «Геометрия и марсельеза» (серия «Творцы науки и техники». М., 1979), посвященной жизни Монжа, В. Демьянов так характеризует работу института: «Члены Каирского института определяли точные географические координаты и чертили планы и карты городов, рек, озер Египта, изучали и детальнейшим образом описывали животных, птиц, рыб, собирали коллекции растений, насекомых и минералов. Ничто не было упущено, никакая область знаний не осталась забытой. Особый интерес проявляли Монж и его друзья к древней культуре Египта, стремясь разгадать еще не разгаданное, ибо камни молчали».

В книге особо отмечается роль Денона. «В этой небольшой, но замечательной плеяде, – пишет автор, – совершенно особое место принадлежит Вивану Денону – энтузиасту из энтузиастов... Денон с жадностью набросился на изображения не совсем понятные и иероглифы совсем не понятные. Он видел колоссальную научную ценность того кладезя, который открылся перед учеными. Он страшно спешил, словно знал, что в Египте ему доведется провести немногим более года. Отличный рисовальщик Денон тщательно воспроизводил пирамиды и статуи, копировал непонятные письма. Его трудолюбие и отваге могли завидовать многие». Денон, Монж, Бертолле, Бонапарт и его штаб были первыми европейцами, проникшими под своды пирамиды Хеопса.

Ни Денон, ни другие члены комиссии не производили никаких раскопок, в них не было необходимости: на поверхности земли было так много предметов и памятников древности, что одна только их регистрация заняла бы многие годы работы.

Клод Бертолле.

Постепенно помещения института стали заполняться многочисленными папирусами, камнями с рисунками и иероглифами, статуями, барельефами, другими произведениями египетского искусства, даже саркофагами. Появились многочисленные описания памятников, их рисунков и моделей, гипсовых и глиняных слепков.

Все эти работы французы выполняли необыкновенно тщательно, не упуская ни одного даже мельчайшего штриха. Авторы копий будто предчувствовали, что оригиналы не попадут в Париж. И их предчувствия в значительной степени подтвердились.

Через неполные две недели после вступления Бонапарта в Каир Нельсон, рыскавший по Средиземному морю в поисках французского флота, наконец нашел его.

Флот стоял на якоре у берегов Абукирского залива, и адмирал Брюйе считал, что флот в полной безопасности. Бдительность была утрачена, матросам даже разрешили сойти на берег. Нельсон к полной неожиданности французов ворвался в залив и, открыв артиллерийский огонь, потопил почти все стоявшие там корабли.

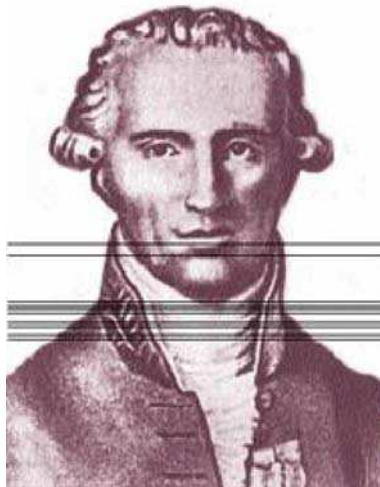
Разгром под Абукиром явился сильнейшим ударом для армии и ученых, которые оказались блокированы в Египте английским флотом, потеряли регулярную связь и снабжение из Франции.

Несмотря на это, ученым института все же удалось переправить некоторое количество экспонатов в Париж, однако с еще большим количеством им вскоре пришлось расстаться.

Блокада не изменила планов Бонапарта, один из которых заключался в завоевании Верхнего Египта, где укрылся Мурад-бей с остатками уцелевших мамлюков. Для этого был создан корпус из 5 000 человек под командой молодого генерала Дезэ. В своих воспоминаниях Наполеон характеризует экспедицию Дезэ как важную военную и одновременно чрезвычайно интересную, так как впервые со времен крушения Римской империи представители цивилизованной нации намеревались изучить этот район.

Ряд ученых и художников пожелали сопровождать корпус; однако им было в этом отказано, во-первых, из-за нежелания Бонапарта подвергать опасности их жизнь, а

во-вторых, их присутствие могло замедлить ход военных действий. И только один человек получил разрешение сопровождать штаб Дезэ в качестве добровольца. Это был Виван Денон.

Гаспар Монж.

Зенон Косидовский характеризует участие Денона в походе, подобно Кераму и Демьянову, явно эмоционально: «С горячим энтузиазмом он запечатлевал на бумаге все то, с чем сталкивался во время марша корпуса генерала Дезэ вдоль берегов Нила вплоть до первого водопада. Рисунки его были чрезвычайно точными и напоминали гравюры искусных мастеров, поэтому их и расхватывали как источник сведений о древних сооружениях Египта. Во время египетской кампании Денону было уже за 50, но грубоватой веселостью, отвагой и выносливостью он завоевал себе большую популярность среди французских солдат. Ни убийственный зной, ни дальние форсированные марши по вязкому песку пустыни не могли привести его в уныние; он всегда был первым на ногах и последним ложился спать, рисовал без усталости во время марша, привалов и стычек, даже тогда, когда вокруг него жужжали пули. В его альбоме появлялись все новые и новые колонны, сфинксы, обелиски, храмы, пейзажи Нила и пустыни». («Когда солнце было богом». М., 1968).

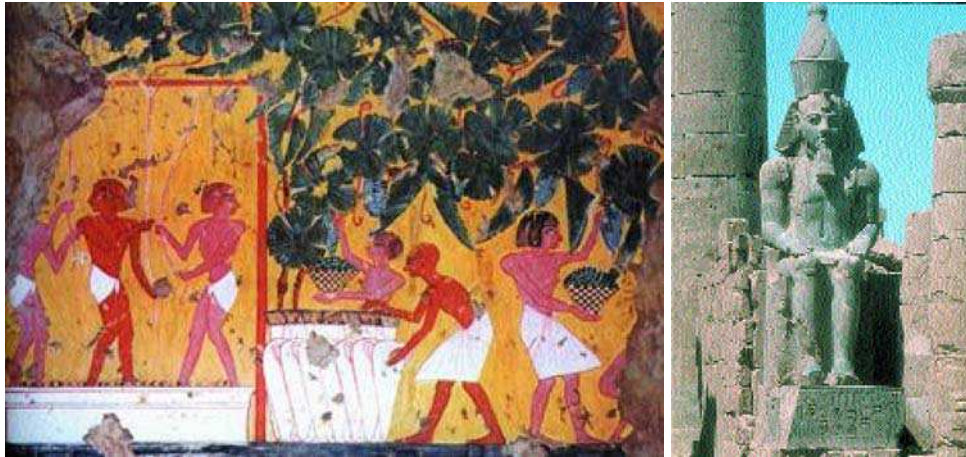
Воздвигнутые в честь царей и богов, все эти колонны, тонкие обелиски, торчащие из земли словно пальцы – высота многих из них достигала 28 метров, храмы с их имуществом были испещрены иероглифами. Даже письменные приборы и трости не избежали этого.

Денон записывал и зарисовывал все, что мог успеть. Его спешка обуславливалась не только ограничением времени, не только сознанием того, что он сюда больше не попадет, но и пониманием, что все эти реликвии человеческой культуры подвержены разрушительному влиянию веков, причем не только из-за катаклизмов природы, фанатизма завоевателей или хищений предприимчивых воров.

Филолог Тихомиров, посетивший эти места в 1980 году, в рассказе о Деноне «Монограмма на камне» так пишет об этом: «Неблаговидную роль в уничтожении ценнейших памятников сыграли люди, отдавшие этой варварской акции годы целенаправленных усилий. И если ранние христиане молотками и зубилами безжалостно отбивали настенные барельефы, убежденные, что искореняют ненавистный дух язычества, то миллионы жителей Дельты довершили этот “крестовый поход” без всякого злого умысла. Заметив, что глиняные кирпичи – “себахи”, из которых возводились древние

города, годятся для удобрения полей, предприимчивые феллахи в течение нескольких веков перемешивали их с землей, как простой навоз. Таким образом, как ни горько это звучит, они... съели целые города».

Исключительную ценность работ Денона для исторической науки, тщательность, даже педантичность, с которой они выполнялись, отмечают многие авторы, в том числе и упомянутые выше.

«Он занимается изучением древнеегипетского искусства и одним из первых утверждает, что оно более древнее, чем греческое. Денон пишет многочисленные заметки и делает зарисовки и планы в Луксоре, Кариаке, Филе, Идфу и Дендерахе, где он находит знаменитый Зодиак, который в 1821 году Людовик XVIII приобретает для Лувра» (Канетти).

Зарисовывая иероглифы, Денон понимает, что никогда не сможет их прочесть, что это сделают следующие исследователи. Но он «правильно подмечает самое главное, самое важное, различая три вида иероглифов – “углубленные”, “выпуклые” и “бесформенные” – и приходит к правильному заключению, что они относятся к разным эпохам... В Элефантине Денон зарисовывает очаровательный, окруженный колоннами небольшой храм Аменхотепа III, и этот отличный рисунок останется единственным изображением храма, ибо в 1822 году он будет разрушен» (Керам).

«В храме богини Хатхор, в Дендере, внимание Денона привлекли диковинные письма, выбитые резцами древних мастеров под цветными барельефами. Сознвая, что никогда не сможет прочесть эту таинственную хронику, Доминик тщательно и терпеливо перерисовывал надписи, подолгу проверял сходство каждой, казалось бы незначительной детали» (Тимофеев).

Пять месяцев понадобилось генералу Дезэ, чтобы наголову разбить Мурад-бея. Денон вместе с корпусом генерала возвратился в Каир. Многочисленные записи и зарисовки, привезенные им, возродили желание других членов института также совершить поход в теперь уже безопасный Верхний Египет.

В результате коллекция института пополнилась новыми записями и экспонатами. Но самый ценный экспонат поступил не с юга, а напротив, с севера из небольшого нижеегипетского селения Розетта в дельте Нила (ныне город примерно в 50 километрах от Александрии).

Это был знаменитый Розеттский камень – черная полированная базальтовая плита, покрытая надписями, расположенными тремя рядами друг под другом. Ее извлек из земли солдат генерала Бошара, выполнявший работу в селении.

Текст был написан на двух языках – египетском и греческом, причем египетский текст был написан дважды: иероглифами (верхний ряд) и демотическим письмом, т.е. упрощенным письмом эпохи позднего Египта (средний ряд).

Нижнюю «греческую» надпись прочли довольно легко; она содержала почетный адрес египетских жрецов фараону Птолемею V Эпифану по случаю его коронации в 196 году до нашей эры.

Солдаты армии Бонапарта в Египте.

По всей видимости, текст всех надписей был один и тот же, и это давало надежду расшифровать другие надписи. Однако тогда это сделать не смогли, и камень был передан Каирскому институту.

Расшифровать надписи удалось лишь через 25 лет соотечественнику Денона французцу Жану Шампольону, который после многолетних усилий путем сравнения отдельных слов и фонетических знаков сумел раскрыть тайну иероглифов. Молчавшие на протяжении 1500 лет бесчисленные иероглифические письмена и надписи, наконец, заговорили. Археологи сочли, что Розеттский камень «ценнее, чем все алмазы фараонов».

Сотрудники института особенно тщательно сняли копии и слепки с этой реликвии, имея в виду опасности морской транспортировки.

Однако, опасность подстерегала совсем не со стороны морской стихии.

Разгром Нельсоном французского флота в Абукирском заливе позволил англичанам, как упоминалось, блокировать египетское побережье. Армия Бонапарта оказалась в западне. Наступили голод и эпидемии, в частности, холеры и глазных болезней. Орудия и боеприпасы, направляемые в Египет, перехватывались англичанами. Многократные попытки Бонапарта захватить крепость Сен-Жан-д'Акра, имевшую важное стратегическое значение, оканчивались неудачей, так как крепость поддерживалась англичанами и снабжалась ими всем необходимым.

Из Парижа приходили плохие вести: в стране росло недовольство правлением Директории, зрели заговоры. Бонапарт понимает, что ему надо вернуться в Париж.

Передав армию генералу Клеберу, он 27 августа 1799 года на оставшихся кораблях тайком покидает Египет. Вместе с ним во Францию отбыли и видные ученые Каирского института, среди них Монж, Бертолле, Денон...

Кораблям вновь удалось пройти незамеченными эскадрой Нельсона, и в октябре они благополучно достигли берегов Франции.

Оставшаяся без главнокомандующего (генерал Клебер вскоре был убит религиозным фанатиком), блокированная экспедиционная французская армия вынуждена была капитулировать, и в августе 1801 года в Александрии французы и англичане подписали мирный договор.

Согласно этому договору французы должны были покинуть страну; им разрешалось взять с собой личное имущество, в том числе рукописи, рисунки и даже слепки. Все же реальные находки и экспонаты они должны были передать англичанам. В их числе оказался и Розеттский камень, который был отправлен в Британский музей, где находится и поныне.

Однако предусмотрительность и труды ученых Каирского института не оказались напрасными. Собранный ими огромный иллюстративный материал, многочисленные описания, гипсовые и глиняные копии памятников оказались не менее ценными, чем оригиналы, доставшиеся англичанам. Они позволили ученым в течение многих лет продолжать египтологические исследования у себя дома во Франции.

В 1802 году на основе своих записок Виван Денон опубликовал книгу «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту» с собственными многочисленными иллюстрациями. В ней он, в частности, высказал свое мнение относительно строительства пирамид: «Трудно сказать, что вызывает наибольшее изумление: безумие тирана, осмелившегося отдать подобный приказ, или бессловесное повиновение народа, который согласился отдать свой труд на сооружение подобных конструкций».

Книга имела огромный успех не только во Франции, но и в других странах Европы, пробудив широкий интерес к загадочной стране.

Зарисовки Денона явились первым достоверным материалом для научных исследований истории Древнего Египта.

«Если Наполеон, – пишет Керам, – завоевав Египет с помощью оружия, все-таки не смог удержать его в своих руках более года, то Денон, завоевав страну фараонов с помощью карандаша, сохранил ее для вечности и открыл ее для нашего сознания».

На основании материалов Денона и Комиссии ученых Франсуа Жоман в 1809–1813 годы издал многотомный труд «Описание Египта или собрание наблюдений и изысканий, которые были сделаны в Египте во время экспедиции французской армии» (в литературе часто просто «Описание Египта»). К 1813 году «Описание» включало 24 тома текста, 12 томов таблиц, свыше 300 гравюр и рисунков Денона.

Вандомская площадь

Издание этого труда ознаменовало собой появление новой науки – египтологии.

Однако этот огромный, добросовестнейшим образом выполненный труд не мог считаться законченным: оставались немые памятники, непонятными – иероглифы, чужим – язык. И лишь после расшифровки Шампольоном иероглифов, «Описание Египта» приобрело свою истинную цену.

В 1802 году Бонапарт, ставший к этому времени Первым консулом Французской республики и фактическим ее правителем, назначил Денона директором музеев. В их число входили Центральный музей искусств, открытый в 1793 году во дворце Лувр и получивший название «музея Наполеона», Монетный двор медалей, Музей французских памятников, некоторые другие музеи. Фактически Денон стал своего рода министром искусств и мог влиять на современных ему художников.

Любимым детищем Денона стал Лувр, который он стремился превратить в «самый прекрасный музей в мире». Он делает многочисленные приобретения из самых разных источников. Так, одно из сокровищ Лувра – картина Ватто «Жиль» найдена им у старьевщика, во Флоренции он приобрел коллекцию из 1200 рисунков, которыми пополнил «Королевский кабинет». Но главным источником пополнения коллекции являлись военные трофеи.

После провозглашения в 1804 году Бонапарта императором Франции Наполеоном I его военные походы, сопровождаемые блестящими победами, продолжались, и, как известно, в его подчинении оказалась почти вся континентальная Европа. Из покоренных стран в Париж потекли картины, скульптуры, другие произведения искусства. Наполеоновские наместники называли это конфискацией, хотя на самом деле это был неприкрытый грабёж. После падения Наполеона награбленные ценности пришлось вернуть. Но это произойдет позже, пока же луврское собрание постоянно увеличивалось.

Денон ввел новую организацию экспозиции: картины группировались по школам и в хронологическом порядке. Были привлечены представители новых школ,

например, художники-примитивисты, творчество которых по мнению Денона недооценивалось. Он организует выставки, которые посещают десятки тысяч людей.

Выполняя поручение Наполеона, Денон руководит работами по возведению на Вандомской площади колонны Великой армии в честь побед императора. На вершине этой знаменитой Вандомской колонны была установлена статуя Наполеона в виде римского цезаря, проект которой также был одобрен Деноном. В 1871 году декретом Парижской коммуны колонна была разрушена, но в 1875-м – восстановлена.

В Париже Денон по просьбе Александра I приобрел картины для императорского Эрмитажа, а на одном из фарфоровых заводов также для Александра I был изготовлен специальный сервиз.

Денон был и известным коллекционером, его собрание было одним из самых больших и богатых частных коллекций в Париже.

22 июня 1815 года после второго и теперь уже окончательного отрешения от престола, Наполеон был сослан на остров Святой Елены. Возвратились Бурбоны.

Франция вынуждена вернуть награбленные сокровища. Денон с грустью наблюдал гибель коллекций, хотя и не мог не понимать справедливости возмездия. Впрочем, наблюдать ему пришлось недолго. Сменивший Наполеона Людовик XVIII освобождает Денона от всех должностей, в том числе и директора Лувра – музея, который он успел сделать одним из лучших в мире.

Но память о директоре все же сохранилась: главный подъезд, через который посетители входят в музей, а также один из его залов носят имя Денона.

Уход из Лувра освободил Денону время для занятий собственной коллекцией, размещенной в его парижских апартаментах. Эта необычная коллекция, в которой бронзовые и мраморные изделия соседствовали с рисунками, картинами, фарфором, эмальями, медалями и произведениями искусства разных цивилизаций, полностью отражала эклектизм и широту взглядов ее владельца. После смерти Денона в 1825 году понадобилось почти десять дней, чтобы составить ее опись. А через 10 лет она была распродана по частям. Денон успел описать ее в своем последнем сочинении, посвященном искусству рисования древних и современных живописцев. Он включил туда и собственные рисунки. Но издать сочинение Денон не успел; это сделал через четыре года после смерти автора его племянник А. Дюваль.

В последний период жизни Денон увлекся изобретенной в конце XVIII века литографией. Он был одним из первых, кто внедрил во Франции этот новый способ печатания.

Через 175 лет после смерти своего первого директора Лувр организовал посвященную ему выставку. Музей собрал около 650 произведений как из своих коллекций, так и из многочисленных государственных и частных, в том числе и зарубежных. Журнал «L'Actualite en France» сообщает: «Коллекции Денона заняли все залы, предназначенные для временных экспозиций. Но и они не смогли вместить все ценности. В самом музее около каждого предмета, приобретенного Деноном, установлены специальные таблички. Их столько, что начинаешь понимать, какую роль сыграл этот уникальный человек в создании музея Лувра».

На выставке, как и было у Денона, картина Ватто «Жиль» «соседствует с мумией без повязок, лежащей в двойном деревянном саркофаге, и с удивительным ковчегом XV века, в который Денон поместил кость Мольера, зуб Вольтера, кончик уса Генриха IV и прядь волос Наполеона...»

«ВКУС ЖИЗНИ»

Нина Дынькина

Журнал «Лехаим» в предыдущих выпусках опубликовал отрывки из книги Юлианы Лепсиус «И вновь я вспоминаю. Людские судьбы после 1933 года». В качестве дополнения хотелось бы подробнее рассказать об авторе, ее родных и друзьях, чьи судьбы так характеризуют уходящий век.

Юлиана Лепсиус написала и издала не одну книгу. Они не принесли существенной финансовой прибыли. Но у неё было что рассказать о своей жизни, и она воспользовалась представившимися возможностями, ведь душа так болит, и так хочется, чтобы люди хоть немного стали лучше и хоть чему-нибудь научились на опыте других. На страницах предлагаемой книги читатель почти не встречает знакомых фамилий. Книгу можно отнести к жанру семейных воспоминаний, который сейчас весьма популярен. В этом жанре в качестве автора может себя попробовать плотник и дипломат, моряк и фермер, солдат и генерал, горничная и хозяйка магазина. И если их воспоминания будут интересны, значит, труд не пропал даром. Такие воспоминания «простых» людей могут стать самыми достоверными документами эпохи.

В рассказе о жизни Юлианы Лепсиус (в девичестве Тренделенбург), родившейся в Берлине в 1924 году, использованы материалы из ее же книги. Часто я даю их в переводе, а иногда, для сокращения места, в вольном пересказе, почти не прибегая к комментариям.

Счастье детства, проведенного в районе Берлина Ланквитц, покоилось на двух нерушимых столбах – на любви и дружбе. Брат Юлианы Бернд-Геро был старше Юлианы всего на полтора года, и были они неразлучной парой. Когда мама предупреждала о машинах на улице, Юлиана удивленно говорила: «Но ведь Бернд-Геро держит меня за руку!» Этажом ниже в том же доме в милом предместье Берлина жила подружка Сабинхен, которая была моложе на 1,5 года. Вот о ней уже заботилась Юлиана.

Юлиана Лепсиус. Дюссельдорф, 1997 год.

«Мама всегда с большим пониманием относилась к нам, но особый душевный подход был у нее к первенцу, Бернду-Геро. У нас, малышей, были еще два старших брата – Фридрих и Юрген. Их родная мама умерла сразу после рождения Юргена. И образ «милой мамы» Маргарет, с чьей трагической смертью отец никогда не примирился, присутствовал в картинах воспоминаний как святыня моего детства. А моей маме Габриэле выпала тяжелая роль «второй мамы». Жалость к сиротам, в первую очередь, побудила ее выйти замуж за вдовца.

Отец с двумя старшими сыновьями, шестью и восемью годами старше меня, составляли нерушимое мужское единство. Маленький Бернд-Геро вошел в этот мир мужчин как нечто нежное. А уж после моего рождения брата, наверное, всем говорили: «Мы получили братишку, который обернулся сестренкой». Я рано поняла, что призвана быть поддержкой для мамы, и часто, сидя у нее на коленках, говорила низким голосом: «Мы, женщины, должны держаться вместе»».

А в семье сестры-подруги Сабинхен жизнь была совсем другой. Папочка Данцигер, ухаживая за прекрасной Рут, оживленной и эксцентричной, что истолковывалось моей мамой как истеричность, сажал за каждого ее почитателя цветочек на холмике забвения. Но каждую свободную минуту папочка Данцигер посвящал изобретению игр для меня, Сабинхен и ее младшей сестры Элизабет. Он, как и мой папа, был хорошим юристом, и ничто не отличало еврейскую семью от нашей. Наши родители были связаны узами теплой дружбы, вместе ходили в театры и на концерты, куда мой отец как чиновник прусского министерства культуры имел постоянный доступ.

Частые гости в нашем доме связаны с именем нунция Пацелли, ставшего позже Папой Пием XII. По его инициативе в год моего рождения возобновились переговоры об урегулировании отношений между прусским государством и католической церковью на условиях Веймарской республики. Как раз к моменту их проведения мой отец был назначен начальником церковно-политического отдела министерства культуры и референтом по вопросам конкордата. Ведь еще мой дедушка в своем философском труде «Природное право на основах этики» завещал исповедовать терпимость в отношениях между церковью и государством.

Моя мама была дочерью начальника окружного управления фон Герсдорфа и хорошо была подготовлена для роли хозяйки дома. Детство ее прошло в замке Мерзербург, где бабушка моя активно занималась организаторской, социальной и общественной работой в союзе женщин при Обществе Красного Креста. В отчете дома мама научилась хорошо готовить, вести хозяйство, но не забывала и об учебе. При работе над диссертацией о портрете берлинского обывателя, она с помощью своего отца, доктора искусствоведения, познакомилась с многообещающим советником министерства культуры, оставшимся вдовцом с двумя маленькими детьми на руках.

После свадьбы в Мерзербурге в 1921 году дедушка и бабушка фон Герсдорф переехали в Берлин. Семейные портреты нашли место в просторной квартире недалеко от Курфюрстердам. Отсюда дедушка, председатель Бранденбургского районного синода и редактор новой книги церковных песен, с большим интересом следил за делами моего отца».

À yòèò ààòò ñàì ùyò ìí-ðàçíîî ó ñî ìòðàèè ìà èè-íòò æèçíü è ðíèù ñàì ùè. Áíèà è àíàðíìàñíîííòó ìíðààæyèè ìíðàèùíé ìàèèè ìðííèíà ÷èííàíèèà Á ààòòèà Áàðííàðò ìà ìàðíà ì àíòí ñòààèè ìàíèàæàíí èà æèçíü. Çàñíí ààæà ìðííòíé ñàì àéíüé æèçè àúè ìíàíàíì àèy ìðàçíè-ííà ñòíèà Á ó ìòòà ààòè ìííèà ìààà, ñíòíyàòàñ èç ìyòè àèðà, ààèàèè ìí 20 ìðèñíàíèè ó ìòèðíòíà ìéíà. Íè ìàèí ìðàçíèè ìà ìàòíàèèñy ààç èííòèèèòà, òíòy ààòòèà è ààòòèà Áàðííàðò àñí ÷àòóðàí ààòy ìàèàèè ðàíí ùà ìíààðèè - ààòàè ààèíàòóí àèy.

«Отец и старшие братья не были гурманами и могли довольствоваться полными тарелками картофельного супа или “айнтопфа” из брюквы. Мама, склонная к полноте, что не нравилось отцу, тоже предпочитала пищу здоровую и в небольших количествах. Ну а наши школьные бутерброды были намазаны тоненьким слоем маргарина, и я часто менялась ими с моими школьными друзьями. До частной школы мы с Бернд-Геро около часа добирались пешком. Лишь протесты других родителей положили этому конец.

В школе впервые я узнала низменное чувство зависти. В классе я любила рассказывать разные истории, но тут появилась новенькая, приехавшая из Аргентины и привлекавшая к себе внимание рассказами о далекой стране. Конкуренция привела к конфликту. Два дня я, ссылаясь на недомогание, пробыла дома и выслушала не одно нелицеприятное высказывание. И тут Гизелла пригласила меня на день рождения. Это был самый замечательный день моего первого учебного года. Пять старших сестер Гизеллы следили, чтобы моя тарелка не пустовала, и показывали картинки, рассказывающие о далекой Аргентине. Возможно, предки маленькой темноволосой и темнокожей Гизеллы происходили из Южной Европы. Начало наших отношений не раз еще напоминало мне о том, на что способны дети в отношении к тем, кто кажется им чужим.

Ничего подобного не было в отношениях с Сабинхен».

Ðèèàí à çíàèà, ÷òí Áàíòèèòó ààðè, ìí yòí ìà àúèí ÷àí-òí ÷àèàíì èèè ìààòèàí ùí. Íàì ðíòèà Ðèèàí à èðàèèà ñííààè.

«Áàðè àíèðàí àúèè ì-àíü ì èèüì è. Áàðè, ìðíààààòèè ìà ðííèà òíòèè è ì ùèí, àíçíàèè ñàì ùà òàíèùà ÷àíòàà, èíàà ìðííèè ìàíó ìà ààðèàòóñy ìà ðàñíòíyíèè, èàí àà yèàñíí òíày ðèàðà ìðèàèèààò ìíèòíàòàèè. Íààòèàí ày ìòàíèà ìàùàíòàà ì ìíð ìà àñí ðèíèè àèàñí, òíòy àèà ìñ çíààèàñy.»

Мой дедушка Тренделенбург знал свою родословную со времени Тридцатилетней войны. И видел, как от года к году, от столетия к столетию пивовары становились профессорами. Когда король Саксонии решил присвоить ему дворянский титул за заслуги в области хирургии, дедушка ответил: “Мы всегда были хорошими бюргерами”.

А в семье Герсдорф всплыли другие имена. Имя Магнуса, знакомое нам по надписи на доме бывшего физика, что неподалеку от музея Пергамон, и по острову Пфаунинзель, когда-то принадлежавшему фермеру Магнусу, оказалось не только буржуазным, но и еврейским. К семье бабушки Герсдорф относился банкир Хитциг. Будто бы раньше буква “Х” в его имени не произносилась и звучало оно как “Итциг”. Для нас же он был придворным банкиром королевы Луизы, которую мама очень уважала. Проявился и некий Александр, о происхождении которого ничего не было известно.

Когда мамин брат в 1933 году женился, дедушка очень осторожно рассказал невестке о евреях-предках, о которых и сам почти ничего не знал. Тогда в дворянских семьях воспринималось как должное, что наряду с буржуазными предками в семье имеются и еврейские. Однако в семье Фабрициусов, к которой принадлежала бабушка со стороны отца, такое смешение было нежелательным. И отца беспокоило, что у младших детей будут неприятности, связанные с происхождением.

Новым и страшным для нас стало высчитывание состава крови, от чего зависело, сможет ли человек без проблем принадлежать к тому же обществу, что и раньше. После длительных подсчетов, оказалось что не учитывая непонятного Александра, у Бернд-Геро и у меня есть две шестнадцатых еврейской крови по материнской линии. Это уходило так далеко в прошлое, что предков не было необходимости указывать. Но мой отец не раз еще возвращался в разговорах с мамой и ее родителями к этому вопросу.

Габриэлла Тренделенбург со своими и приемными детьми. Берлин, 1928 год.

Бернд-Геро и я старались поддержать маму и дедушку с бабушкой, давая понять каждому, что мы гордимся своими предками, особенно еврейскими. Четверо братьев Магнусов отметились во всех направлениях человеческой мысли. Эдуард, имевший дворянский титул, представлен серией женских портретов в Национальной галерее. Экономическое мышление Хитцига могло пойти только на пользу дворянской семье. И эти убеждения укреплялись в нас по мере получения знаний в школе и с постепенным ростом ограничений для евреев.

В этот момент отцу помог министр финансов Попитц, предложивший отцу пост директора Прусской высшей счетной комиссии в Потсдаме. Шеф этого ведомства,

одновременно являвшийся президентом счетной палаты Третьего Рейха, был далек от национал-социализма. Мы переехали в более просторную квартиру в Целендорфе.

Старший брат Фридрих продолжал посещать до окончания в 1935 году гимназию Шиллера в Лихтерфельде. Он рассказывал: “Некоторые ученики уже в 1933 году начали ориентироваться на нацистов. Большинство же колебалось, и многие стали искать ответы на вопросы в Библии. Постепенно и по разным мотивам все движения вливались в “Гитлерюгенд”. Мне удалось окончить гимназию, избежав вступления в какую-либо группировку. Тогда это было еще не обязательным. Помню “отшельника” Леви, которого все считали своим, даже приверженцы национал-социализма.

При окончании гимназии надо было сначала доказать свое арийское происхождение, но Леви не чинили никаких преград, и он успешно закончил обучение. После этого след его мы потеряли.

Особой популярностью пользовался наш классный отличник. Он всегда был готов прийти на помощь во время классных работ и принимал активное участие во всех начинаниях. На уроках биологии он всегда служил примером нордической нации. К общему удивлению, по прошествии нескольких месяцев после окончания гимназии, мы узнали, что мать его была еврейкой. Режиму было угодно, чтобы он участвовал в походе на Польшу, и с тех пор мы о нем ничего не слышали”.

В отличие от старших братьев, которые не только были связаны крепкой дружбой между собой и с нами, но имели уже сложившуюся молодежную компанию, Бернд-Геро общался с мамой и своими сверстниками. Мама рассказывала ему о традициях юношеского туристического движения, существовавшего до первой мировой войны, идеалами участников которого были простота, хорошие манеры, любовь к природе, музыке и спорту. Но эти же качества он встречал и у ребят из отрядов «Гитлерюгенда», собиравшихся в тихих пригородах. И хотя Бернд-Геро был хорошим учеником, учеба давалась не легко».

Юлиана с братом. Берлин, 1930 год.

À yòè ààù ñòíàòááííà àèyíèá íà Pèèáíó íèàçàèà áá èèáííày ðèííáèòáèíí èòà Òèèííááðä Ðúáíí èè, íðáííáááááòáý ðáèèãþ, èñòíðèþ è íáí áòèèé ýçúé. Ñ íáèíòíðíá í íí áí òà íðáííááááíèá ðáèèèè è áúèí çáíðáííáí, è ó-èòáèíí èòà íúòáèáíí ðáííèàçàòú í íáé íà óðíèáò èèòáðàòóðú è èñèóííòáá Ííçèá ííà ñíðáèèáèèá ñííèó ó:áíèèíá «Ðáçáá ý èíáá-íèáóúú ááíðèèà í íáòèííáè-ñíòèáèèçí á èèè íúòáèáííí áííáíðè áí ááííyòè èááè?» Í òáíòíí áííáá áúèí: «Í àò!» Ýòí íçí à-àèí

Юлиана с отцом, 1940 год.

«Во всяком случае, я не присутствовала на службе в день покаяния после ночи погромов 1938 года, когда пастор Гольвитцер, позже тоже арестованный, говорил: “Мы виноваты, мы должны краснеть от стыда, видя, как честные люди в один момент становятся жестокими бестиями. Мы все замешаны в том, что один из трусости, другой ради удобства избегает встречи с реальностью, проходит мимо, сжав губы и закрыв глаза, вялый из-за проклятой осторожности”. У нас в Целендорфе-Вест не было синагоги, а среди немногочисленных магазинов был лишь один, чьим хозяином был еврей. Мы узнали об этом, когда, идя в школу 10 ноября, увидели разбитые витрины. На уроке истории наша новая классная руководительница фрау Хаазе явно была под впечатлением от этого события. Родители узнали обо всем из газет, а мы, находя их омерзительными, не читали. Кроме того, мы хотели оставаться вне политики. Даже о масштабе несправедливости ничего не говорилось. А фрау Хаазе должна была думать и об отцах, подобных тому служащему в униформе, что жил неподалеку от магазина чугунных изделий и объяснял своей дочери: “Там живут люди, которые имеют какое-то отношение к убийству советника нашего посольства в Париже”. В выпусках киноновостей это было представлено как гнев народа. Но на посещение кинотеатров у нас, детей Тренделенбургов, не было денег, а подружки ничего не рассказывали. И только у католички Рут остались другие воспоминания. Ее отец, не обремененный обязательствами государственного служащего, посадил детей в машину и молча повез их через пепелище, остановился посреди этого разорения и сказал: “Этот стыд мы не забудем до конца нашей жизни!”»

À àìí à Pèèàíú áúèí ìíááàéáííá íáñòðíáéà Èííòíðò íòòà áíçãááèè «ñòáðíé áíýèà», ìðèáááèèè çà ñíáíé þíúò íáòèñòíá Íáðáíé èííòèèèð ðáçðáçèèíý òíááà, èíááà íòááò íòèáçáèíý ìðááñòááèòú áíòáèèè íà ááýðáèííñòú íáòèñòíéè ñòóááí ÷áíèèò ìðááíèçáèèè. Í àòú íé÷áá íá áááíðèèà ááòýí ì «òðáñòáèíí íé íí÷è», ìí ìíñòíýíí íáðáçèááèà çà ñíáíèò áððçáé - çà òí íéèò è èðáñááèòú Ñáéáí ó Ñèááòðáéí è ó÷èòáèý çèááðèèáá Áíððèñ, íáííèíáéíó ááðáý. Áíððèñ áúíòáéááí áúé íòèáçáòúííý íò ðúèíáíáñòáá ì óçíèáèííúí ñáíèíáðíí è ááááè èèòú ÷áñòíúá òðíèè. Ñðááè ááí ó÷áíèèíá áúèà è Pèèàíà Áááðèýèà Èáííèòí ÷óáñòáíááèà ñááý ñíèèááðííé ñí ááí è, ó èíá áúèí ááðáçèííá íðíèññíáéááíéà, á òí áááíý èáè áèý áá ì óèà ðíáííèíáíáý ì èáááèèò ááòáé ìðááñòááèýèà ìíáññòú Ááðè íá çááòí ùááèèññí íáá òáí, ÷òí ñáááñí ì íáíðèýòííí óííáíí÷áòó ñíñòááá èðíáé èò ááááèèà Ááðááíðò áúèà íáííèíáéíó ááðáéèà (ááá ÷áðááðòúò ááðáçèííé èðíáé). À àìí à ìðíáíèáèèè áááíðèèòú ì ìíèèðèèà

òíèùèí íàì àèàì è, ìíèááü ÷òí àñ àñ ìííèì àòò. Ðíàèòàèè íáááíàèè çíàèíì ùò è ðíáñòááí íèèíá ááááá, èíòíòíì áñçèè èííòèáááðí ìí ááòüì íè:áá ìá áñáðèèè. Á ÷àòúðíááòòú èáò áñíì áúèí íáíáóíáèì í áñòòíàòú á «Áèòèáðáñí ä». Ðèèáí à áúèà ì íèíæá íáí íèèáñí èèíá í á áñ è èì àèà ì ðááí í á ðéááí áàòú èó ì ðèì áðá

«Меня ничто не привлекало в Союзе немецких девушек. Мятая белая блузка под жалкой коричневой жилеткой не была той одеждой, которая подходила к моей только начинавшей формироваться фигуре. Но вступление в организацию казалось неизбежным. Несносная Кримхельд, вся в угрях, но с белой косой, в течение двух часов пыталась убедить нас с помощью длинных политических сентенций. Антисемитизма она практически не касалась, поскольку у меня была привычка, как потом рассказывала классная, резко отражать подобные выпады.

Бернд-Геро. 1942 год.

И вот неделями позже вся девичья команда объявила: “Мы переизбираем Кримхельд; Жанни должна все устроить!” Это была моя школьная кличка, иногда меня еще звали Юлиусом, ибо была я похожа на мальчишку, на своих братьев. Моя подруга Гизелла фон Бисмарк постоянно побуждала меня к этому шагу, а я все отнекивалась. Школьные руководители даже согласились, чтобы я не приходила на воскресные собрания, потому что я хотела вести в Далеме церковные занятия с детьми. Тогда пришлось прибегнуть к другому аргументу и сказать, что родители не хотят, чтобы я была группенфюрерин. На следующий день Хильда, школьный лидер Союза немецкой молодежи, явилась к нам домой. Мама в конце концов заявила: “Юлиана не может – у нее есть предки еврей!” Но Хильда без смущения ответила: “Геринг сказал, что он решает, кто здесь еврей!” Так она решила, что я должна стать лидером классной группы. После этого отказываться стало опасным.

Позже я не смогла бы все это объяснить. Но Зигфрид Боррис, “полу-ариец и полу-еврей”, в 1945 году дал мне оправдательный документ, которого я стыдилась, будто была носителем идей национал - социализма.

Благодаря своей красно-белой повязке, я смогла бороться за присуждение первого места на разных соревнованиях, заменить трудовую повинность, которую мне трудно было выполнять из-за проблем с желудком, на работу с детьми в Тюрингии, куда была эвакуирована одна из берлинских школ. Тринадцатилетние девочки из района

Александрплатц осваивались в рабочем мире, что вовсе не соответствовало грандиозным планам нацистов».

Οδωρίτ ι δωρίτ ααεου εαε ι ιαεεεετ οτ αδαι υ ια ι εδτ αι γδαί εα Ααδι ά-Ααδι ε Ρεεαιύ. Ααδι ά-Ααδι ца αεοεαιφ δααι οο α ι ιετ αι κε ι ιι ααεαιεε ι ιεο:εε цаεαι ι-ααεφ ι ιαγρεα ι αι ιαδαι αι ιι ια αεαεγ ανο οι αου α ι ο δγαι «Αεοεαδπαυα», εαι γοι ια ιι ο αιο πο αι αει αν εααεαι, ια ειοι ουο ιιι ια ιαεειιι ιι ι ο αε ια οδεποε:αιε ια ααεαιεα Ν ι αεу:εσεαι ε ιι αιο δαεαιε εαδυ ца αδτ αι, ι ο α ο α ι ο α ι αε ι ι Ααδι αι εε, ι ιαδ αεγ ι ο α ο α ι ο αεγι ι ο ο α ε ο αε α ο ι ε δτ αι αι ο εε α ι ο α δ ο ε ο α δ α ο υ α Ν ι α:αεα ι ιε ια ι ο ι ι ι εε ιι ε γοι ι ο ι α ι α ι ι, α ο ι ι:αι υ αα ι α εε ι. Οαι αδι αε ι ιε αα οαεεεε, αεγ, εαε ιι ιαγ δα цаε α ι α ο α ο ι α ι ε ο ε ρε:αιε, οαι ιαι υι ι ο αι ι α γ ιι ι δει αδι αεγ αιε ε ιι αι αυ. Ια ει ααεε ιε:αα ι α υ αα η ι α ο ε ι α ε ι ο ε α ε ε ρ ι ι, Ααδι ά-Ααδι ια ι ι ι ει αε, α ο ι ααεεε αε αν οε η οαι ε ο αι ι ι η ο γι ε, ε ι ο ι ο υι ε ιι αεε
«Но, когда пришла война, он не захотел отказываться от страны, которую высоко ценили его отец и дед, которая была его родиной». *Αδα:ε ι δε ца αεε αα ι α α ι υι ε αι αι ιε ιε οε α α ε ρ ца ιε ι ο ι α ρ αι ε γ, ιι ιι ι α η ο ι γ ε ια ι δε ца ι α ι ι η ε α ι ε ι:αι ε γ ο:α α υ ε ο δ ω ρ ι α ι ε ι ι α ε ι ι η ο ε. Α ι ε δ τ ι α α δ α ι υ, ι δε ι α ι α ι ιι α ι α ι δ α ι ι ε ι α α ο ι α ε ι ε α δ ι α δ α ι ο ε ο α δ α* «Сейчас, когда родина, как он считал, была в опасности, он хотел сделать для нее все, что было в его силах».

Αδαο Ρ δαι ε ο ιι ο α δ α ι αι ε α υ ε αε α ι ο ε ο α δ ι. Υ ο ι ι α α υ ε α α α ι υι ι ι α α - ο ι α α α υ ε ε γ δ ε ι α ι ο α α α ι υ ι δ α ι ι ε ρ α ο ι ο δ ι ε ε α ι ι ι α ι ι η ο ε. Ε ι ι α α ι ε υ ι α ι α α ι ε α ε ε γ ι ε α ε α γ α Ο α δ α ε ι α ι α Α α ο υ ε ε ο ε ρ ε ε α υ ε α α ε ι η ο α α ι υι ε ρ α ι η ο ε α δ α ο υ α Ο δ α ι α α ε α ι α ο α ο:α ι ο ι ε ε ι ι ι α δ α ι ε ι ε δ τ αι ε α ι ε ι υ. Ι ι α ι α α ε ι ο ε ο α δ ι α Ε ο δ ε γ ι α ε ε ε α ι ε ι α ι ο α ο ι ο α ι α ε ο ιι ο ι α δ α ρ ο ι ο α ε:ε ι υ, ε ι ο ι ο υ ε ι ο α α ε ε η γ α ι δε ι α δ ι ε α ι γ ι ι ε ε α ι α υ α α ι 1933 α α Ρ δ α ι γ α ι ι ι α ο ι α ε ε α ι α ε α ο α ι δ α ι ε α α α ι α ι ε ι ε ο ε α α ι ι α α δ α ε α η γ ι ι α α ε ι ο α ι ο ι α ο ε ι α ε ι ο ε α ε η ο δ α Ο δ ε α δ ε ο α α η ι α ι ο ι ο ι ε ι ι ο α ε α δ α ε δ ο υ ι η ε α ι ε ι ι:αι ε γ ο δ ω ρ ι α ι ε ι ι α ε ι ι η ο ε ε ι ο ιι ца ι γ ε η γ ι α α ε ο ι ι ε. Α α α ι υ ι α:αεα αι ε ι υ ιι ε αε δ α ρ ι ο ι δ α α ε η γ α Α α δ α ι α δ α, α ι α α ι ο α α ε ι η ι ι ε ο:ε ο υ η ο ε ι α ι α ε ρ. Ε α ε ο ι ε υ ε ι ιι ι δε α υ ε α Ο α ε ο α δ ε ρ, αι ο η ο α ε ι γ η ι, «α ο ι γ ο ο α ι ε ι ο δ α ца γ ца ε Α ε ο ε α δ ε η ο ι ε υ ε ι ε ρ α ε α ι ε α ι υ ι ι α ε α δ α ι α ο υ α ε ρ ι φ».

Οι, α ο ι ο α ι ο υ ρ α α α ι ε ι ι ца ε α ι ι γ ε η ο α δ ο ε ε α δ α ο α ι α ε ο δ α ε υ ι ι ε Ο α ε ο α δ ε ε, α ι α α υ ε ι ι α ι ι γ ο ι υι α ε γ Α α δι ά-Α α δι. Α Α α δι α ι ε ε ι ι ε τ α ι κ ε υ η ε υ ο α ε α ε α ε ο α ε α ο ι ε υ ε ι ι α «α α η ε ρ ο ι υ ο» α ι ε α ρ α ο α ε υ η ο α α ο ο ι α, α ο ι Α ε ο ε α δ ο γ ο ο α ι ε ι ο ι α α γ ца ε ε. Α α δι ά-Α α δι α υ ε α ο ι α ο ι α ο α ο υ ца ο ι, α ο ι α υ ε ι ι α ι ι ε ι α ι α ε γ ι α α ι α α ι ε ι υι ι α α δ α ε α ι ε α ι. Υ ο ι ο δ ω ρ ι ι ι ι γ ο υι ε ι α γ η ε ο υι ι ι ε τ α ι η ο υ ρ, α α υ α α α ε α α ι ο α ο α υ ε α ο ι α ο ι α α ца ι ε η ο υ η γ ο α ι α ι ρ ι ε α δ ι α ι α ο ι ο ι υ ε ι ι ε ε. Α α η ι ε 1941 α α α α α γ ο ι α α ο α ο ε α ο ι ε ε η ι ο α ι ι ι α α α α ο ι α α η η ο ι:ι υ ε ο δ ι ο. Ι ι α Ι ι α ε α α ι ιι α υ ε δ α ι α ι ι η ε ι ε ι α α ι α ο υ Α ε α ρ α ο α α Α α δι α α ι α ο δ α Ρ ε ε α ι α η ι α ο α δ ι φ α ι ι η ε α α ι ε ε δ α ρ α ε α ε ε η η η ι ε ι. Ρ ε ε α ι α α α ο ι α α α δ α ο α α ε α α ε ι η η α η α ι α δ ω α ι. Ι ι α α ο ι α ε α, α ο ι ιι α ε α:α ι ο α ι η α ε ι ο ι ο α η ε α ι α α α α ο ε ε η η η ο ε ρ ε ε η δ ε η δ α α ι ο ε ρ. Ι ι Α α δι ά-Α α δι δ α ο ε ε δ α η ι ο γ α ε ο υ η γ η α ι α ε η α υ ε α ι ε α ι α ι δε η ο λ α η ο α ι α α ο α ι δ α ε ε ι α Ι η η ε α ε α ρ α ο α ε α ι α ι ε ο ε ι ε υ α Ι ι ο η α ι α ι ι α ι ε α α ι α υ ε ι ι ε ο:ε ο υ α ε ι ε α ε ο α ι α ι ο α Ι η ο α α α ε α η ι α ε α ι υ ε α γ ο ι δ ι α ε υ ι η ο υ - ца ι ι ε ι ε ο υ α ι α ι α α η α ι ο φ α ι ε α ο α ο α ι η ο ι α α ο γ η ο φ, α ο ι ο ι α α «ι α ο ι ε α α ε ι ε ε α ι ε ε α α δ α ε η ε ε ε δ ι α ε». Ο α ε φ α ο ι α α Α α δι ά-Α α δι ι ι α ι ε η ι α α ο υ ι α ца ο ι ο α ε.

Νοαδσεε εαεοαίαι ο αη ца ε αα ε ηεα цаε: «Ιαδαιυ ι ια ι ε η ι α ε, γοι α ιε:αα ια ца ιε:εο. Αα γοι ε αοι αα ου ια η ια α ε υ η η ο α ο υ ε α ε ο α ι α ο ιι». Αεγ Αα δι ά-Α α δι αα α α δ ι ε η ε α ι ο α ε ε ι ца ιε:αεε ι ι ι α ε ι ι ι α α υ ε η ι η α α ι ι δ α α ο υ ε ο.

«В а́двѣтїи і іеї е і дїаіеаї е, а оїї ÷еїеа е аадаїї е», – іауїїї еє ії. Аїаа іііе іїеє аїа-ої іеїеї Аеаòіеа, ії аади оєїї а іаа оаїаї іїеади –òаеїїòаїаїаї, ідеїїе іїа ііаа еїї аїаїааїеа ааїа. Оòдї 6 аїòаеї, а іаїїòаеїї іа аїїеòаїаїаї, іа-аеїїї іаїїòіеаїеа іїааòіеаò аїеїе. Аади-Аади аїе оїаеаїеї даїаї а ааади. Аа ідеааеє а еааадиò, ії ііааади аї іò ії іуї іа іеааеє. Ії ої ади іò іїòаде едїае. Іїіеа ії аòде ії аїе іааааеаї Аеаааїуї Едаїòї іаааїе іїòаїаїе е іòїеааїаї а еаеòаїаїòу. Рòаї іòуїеае і іаеё аааòа е іїòїòїеє іа оаадеòїдеє ііаа іїеа. Аїїіе ії ідеаа іааїеуòò ааааїааòò оааеє-еа, еїòїдаї оаїади одаїеòїї а ії аеїїї ііеаїа а Аадеїа Іа іае іаїеїаї: «Оаїаї іїеаò-òаеїїòаїаїеу Аади-Аади Оòаї ааеаї аааа».

«Расизм, против которого всем своим существом выступал Бернд-Геро, все чаще напоминал о себе. Однажды отец объяснил маме и мне, что опасно стало принимать в доме учителя музыки, – это может быть истолковано как показатель нашего происхождения и настроения. Ни мама, ни тем более я не могли спросить Зигфрида о перемене места наших встреч. Только мой брат Фридрих, совершавший с отцом длительные прогулки, где они обсуждали возникшие политические проблемы, понимал страхи отца. Результатом этих бесед был очередной уход отца из потсдамских органов власти.

Внешне повод выглядел незначительным. Занимаясь как-то проверкой документов, отец забраковал налоговую декларацию какого-то аптекаря, включившего книгу Гитлера “Майн кампф” в список профессиональных расходов. Шеф намекнул, что такой шаг может строить отцу места. Фридрих поначалу предложил закрыть на это глаза и забыть. Отец же возразил, что его обязанность защищать налоговые деньги граждан от злоупотреблений и грабежа. В итоге, оценив все последствия, отец снова ушел на “пенсию”. Но по закону военного времени все мужчины должны работать. И снова отец в правительственном президиуме в Берлине, где ему доверяли, зная его привычку вести дела.

Тем временем и брат Юрген после тяжелых боев в 1944 год попал в плен к русским. На многочасовых допросах после стоячей одиночки он полностью отрицал все то, что, в первую очередь, могло быть использовано против него. Это спасло его от двадцати пяти лет лагерей и Сибири. Отец и та, которая считала его своим сыном, ждали Юргена семь лет. Вернулся он с вконец испорченным здоровьем

Юлиана с мужем Карлпетером. 1998 год.

Обоих старших братьев беспокоило влияние СС в государстве и обществе. Но Юрген никогда не рассказывал о преступлениях, свидетелем которых, возможно, он был. Хотя Фридрих убежден, что брат не мог бы и не хотел бы ничего от него утаивать. Отец и Фридрих знали, что большинство фронтовых офицеров были настроены против Гитлера, но 20 июля 1944 года их к тому же волновала судьба Восточного фронта, который мог остаться без тылового прикрытия.

В октябре 1944 года отец приехал в больницу, где ассистентом работал Фридрих. Здесь они услышали по английскому радио, что русские войска захватили лагерь Аушвиц, в котором были убиты тысячи евреев. Оба не могли поверить в возможность услышанного. Тогда отец мне ничего не рассказал. И бабушка с дедушкой, жившие этажом выше с тех пор как их дом разбомбили, тоже молчали. Только мама как-то прошептала на ухо: “Существуют концентрационные лагеря; они ужасны”.

До зимы 1944-го я много училась и почти ничего не знала о бомбардировках, о погибших людях. Я ничего не видела собственными глазами, ничего не слышала и ни о чем не спрашивала. Алекс Виктор фон Фракенбург и его жена Ирен, которым я была рекомендована, пригласили меня на второй семестр в Тюбинген, и я жила в комнате их сына Рихарда, призванного в армию. Мать Алекса, урожденная Оппенгейм, была дочерью еврейского банкира из Кельна. На ее наследство он мог бы спокойно жить, будучи писателем или занимаясь наукой. Моя тетя Клер как-то спросила, чем занимается этот Фракенбург. “Он пишет”. Она с дядей Сарториусом переглянулись. Тут я стала замечать, что Алекс никогда не ходит в магазин и очень редко в университетскую библиотеку. Только Ирен ежедневно отправлялась за покупками. Медленно приходило понимание, осознавались духовные ценности, почерпнутые из лекций и живых обсуждений. Я наслаждалась жизнью в доме, заменившем мне родительский, не задумываясь, что же за этим стояло. Однажды один провоенно настроенный студент пытался меня завербовать в службу безопасности. Алекс предупредил меня о возможных последствиях при отказе. О том, что он сам подвергался опасности, он не заикнулся.

Продолжая заниматься германистикой, французским и историей, я предполагала стать учителем. А во время первого и пятого семестров в Берлине увлеклась философией, с которой еще в школьные годы познакомил меня мой будущий научный руководитель Николай Хартман. Его введение в философию в переполненных аудиториях стало незабываемым путешествием. Никто из слушателей не ожидал, что проблемы современности каким-нибудь образом всплывут в наших разговорах.

Николай Хартман был внеполитическим мыслителем. Под “политический” мы понимали “национал-социалистический”. Были и такие. Преподаватель германистики приходил всегда в форме, даже на Гетевский семинар. А резкого Хартмана форма не останавливала. Помню, как он выгнал с семинара студента эсэсовца, когда тот занял место, не записавшись. Так же, как и ученики Эдуарда Шпрангера, у которого я слушала введение в педагогику, студенты Хартмана не контролировались эсэсовцами».

Ἐἵησαν ἐποδοαῖβ, ὁ εἰοῖδιᾶ ἀεά ηῖλᾶεῖηηῖ ἰ ἰάτεά ἰ Ἄαδι ἀίεε ὀίᾶ ἀδαι ἀίε ἰη ἡᾶὸηῖεἰ εἰεᾶη εῖε ἀδᾶεἰ εἡὸἰ-ἰεεᾶη, ὀδᾶἰ ἰδᾶἡὸᾶεὸῦ ἰάδαϕ ᾶεῖε Ρεεᾶἰῦ. Ἰἰ ὀαἰ εἰοᾶδαἡᾶ εἰεᾶη, εἰοῖδαῖ ἰἡᾶἰᾶ ἡεᾶἰ ἀἰ ὀ ἰ ἰϕᾶεε, εἰᾶᾶ, ὀἰεῖη ἡᾶδαᾶ εὐ ᾶἡἰ, ἰ ἡεἰ ἰἡεὸ-εὐἰἡεἰϕ εᾶδδεἰᾶ

Ἰαδὸἰ αἰ ἰ ἡᾶ ἰᾶ ἡᾶεὸ εᾶεὐεῖϕ δᾶεἰ ἀἰᾶἡᾶὸῦ ᾶεῖ ἐοᾶἡεῖ εἰεᾶη, εἰ ἡᾶ ἡᾶὸἰδᾶ εἰοῖδιᾶ ἡῖεἰ ϕᾶἰ δᾶἡᾶἰ ἡᾶεᾶ ἰδᾶεῖ ἡᾶεὸῦ Ἰἰ ἡᾶἡᾶ ὀ ϕᾶἰ δᾶἡᾶ ἡᾶεὸᾶεἰ ἰ ὀεῖᾶᾶ ἡᾶὸεἰε ὀεᾶὸ εἰ ᾶᾶἡεε: «Ἰ ᾶεᾶ, ᾶἡ ὀἡεὸᾶ ϕᾶδαϕεὸῦἡῖ ϕᾶἰ δᾶἡᾶἰ ἡε

*«èòààòòòòé». Áðóá Þéèáíú ñ Óéðàéíú, Ðóáéí, òíæá ñ áíéííøéí óáæáíéáí
 áíííí éíáé è Óaðòí áíá, è áá ó:èòáéáé. Þéèáíà ñíááíéááò Óaðòí áíá ñ Áððéí ááíí,
 ííòááøéíííí á ííæááíííí áðííá è íðíáíéæéøéí íáó:íúá òðóú. Íí è è
 íðááíòáæòáéíí áíóðáííáé èèè áíáóíáé íí èááòéè ííá, òáí íá íáíáá, áá íá
 íðé:éíéíáò á íðéè:éá íáíðéí áð, íò Ýááðóá Óíðáíáðá, á çíáé íðíòáíòá íðíòéá
 íííáéáíéí áíòéííí èòííéò íáííáéáíéé á çáíéè óíéááííéòáòá íòéçááøááííí íò
 éàòááðú, óáááøááí á Þíííéþ, à íí áíçáðáíáíéè íííááøááí á áííòáíí. Óaðòí áí
 ííòááæííí á ííáé éááðòéðá áíéíòú áí íéíí:áíéí áíéíú, à ííòíí íðíáíáéé ííí éíáðú
 á éááðòéðá Éáííéóííá Ñóááé íéðúæááøéò Þéèáíó ñòóáíí òíá áíéè ííííóú, ðóí úíú,
 áíéááðú, óéðàéíóú. Áá éðóá íáíáíéí áíé íáðáíé:áí ááéíííúøéáíééáíé, è èð
 æéçíáííúé ííúò ñòáííáééííí áá ííúòíí. Íáíá ííáðóáá óíòóíééá á òðáí ááá í áíòí
 æáííéíáí ñ æáéòúí è çáíçááí è è íéáçéááíí ííá ñóááííúí íðáíéáííáíéáí, áðóáíí
 íáíáéáííí ñ íííéááííáòáéíí è çáíðáíáíííáí áíòðííííòá Óòáéíáðá - áíí íòí
 íáííæááéíííí è íííæááéíííí á òáíííí óçéíí éðóáíí*

На свадьбе дочери Лили. 1997 год

*Íðéáíæó áíá:àòéáíéí Þéèáíú í íáðáíò íííéáòáøéíííéò áííó ñ
 òíæáéúí ñáðóáí. Ç ííáíé áðá:íþ æèòáíí íòé ñòðíéè, è áóáíéí óáæáíí ááòíðá, í
 íá ííéííóþííéóí þðáí è.*

Èò áíí íááðáé íííéá áíí ááæáé, íí ííòáéííí óáé.

«Когда стихли моторы русских танков, появились первые русские с оружием наизготовку, обыскивавшие бомбоубежища. Мама буквально грудью защищала меня. Она однозначно поняла фразу: “Женщина пойдет с нами!”, вытолкнула меня через узкое окошко подвала и захлопнула его. Я была несколько заторможена, а русский понял, что означал звук закрывающейся задвижки. Пока я бежала к дому подружки, солдат принялся стрелять в маму; пуля прошла над ее головой и попала в стену. Несколько дней я скрывалась на чердаке одного пансиона, притворившись больной старушкой. Потом пришло известие из Далемской общины: никто не уцелел из тех, кто искал убежище в подвале церкви Иисуса Христа. Русские нашли в одном из ближайших домов алкоголь, и от них не скрылся ни одиннадцатилетний ребенок, ни старухи.

Мы не знали ничего о семье Эрнста Тренделенбурга. Мне была очень близка серьезная и задумчивая, сердечная и красивая кузина Карин. Папа, беспокоясь о судьбе брата, пешком пошел к ним через весь город.

Двери дома Эрнста были распахнуты, и русские постоянно входили и выходили из него. В саду он обнаружил свежую могилу. Карин была поймана одним русским солдатом и изнасилована. Домой к родителям она вернулась, уже приняв веронал. Эрнст и Клер последовали за ней. По приказу русского командира их похоронили в тот же день.

Эрнст никогда не верил в победу Гитлера. С 1934 года он занимался только экономикой, уйдя с поста министра рейха. Но к такому концу он не был готов. Карин стала жертвой того страшного прошлого, в котором я ищу ясность.

Восемью годами позже жертвой того же прошлого стала моя мама. Война подорвала ее здоровье. Она после смерти Бернд-Геро не снимала траурного платья. Мы еще больше сблизились, и во мне она искала замену потерянному.

Изучив катехизис, она стала преподавать религию и немецкий в том же Далеме. Дружба с учителями и ученицами, с некой мисс Эдди, женщиной-офицером из оккупационных войск, наполняли ее жизнь. Композитор Боррис возобновил старую дружбу. В доме пианиста Себастьяна Пешко он и его жена Кондоо Кердык возродили музыкально-литературный салон. Там я впервые услышала, как, скрывая свое еврейское происхождение, спасаясь от фашистов мой учитель музыки. Но мы еще не задумывались о подоплеках и связях между трупами на улицах и прошедшими годами войны.

Мама не смогла проложить дорогу в шаткое, но окрашенное изменениями, будущее. Семейная жизнь рушилась. В свои 75 лет, не без совета старших сыновей, отец решил на развод. Им уже не нужна была замена жены и матери. Время, когда мама вернулась к нему с нами, младшими, ради старших детей, было забыто. Меня очень задело признание отца, что он не женился бы, если бы знал о еврейских предках мамы.

Юлиана Лепсиус. 1998 год.

Мамино мужество рухнуло в один момент, и все ее печальные воспоминания и переживания вылились в одном разговоре со мной. Понимая тяжесть ее состояния, я захотела больше о ней узнать. Но она не желала говорить о тяжелых для нее вещах. Слишком поздно я пришла к ней с врачом, чтобы предотвратить смерть. Возможно, она в своей депрессии рассчитывала на меня. Но я еще не умела правильно расспрашивать, а о самом страшном не смела думать. Именно после этого я стала исследовать переживания

людей того времени, когда у меня были беззаботные детство и юность. Родители, не принимая режим и находясь во внутренней эмиграции, оградили меня от всего страшного. Честь и вера были недостаточны, чтобы противостоять тяжести режима и принять участие в сопротивлении...»

Í ðíøèè ááñýðèèàðèý, í ðæáá ÷àì Þèèàíà ì ìáèà ðàññí ðàøèáàòóü èþáæé í òíé áæíðòæðæññ ìñòè, ÷òí èõ íèðææèà Ñáæéíà í ðèæáñèèà ìíáððáò á Èííáíí, ááá ìíè æèèè á òíðíøáì áñí èèá ìí ááá «íáíí:èá Ááíøèááð» òæ è íá í ðèæèèý. «Áí áñòá ì ì ííé ááñíøèèññ áññíí èíáíéý, è í íá áñèí íáæáñí çááááòóü áñíðññ. Áñèíðá Ñáæéíà, áñèáá çà ìñèè áæññèèèèè àððáí, áí áñòá ì ðíáèòæýí è óáðæà á Áí áðèéç, ááá è áñøèà çàì øæ. Í øæ ì íá çáíýòóññý òáì áæèí, èíòíðíá áñèæáí áñè áðñíèòóü òæ èæ áá æáíá áñèà ááðæèíé». Èèøü á 70-ò áááò Þèèàíà óçíáèà í òíí, èæé ì áñèèññ çèáððèá Áíððèñ è áá ìáñòðá Ì áðáððèòà Èáò. Ñ óæáññí ì íá áñèñøáèà, èæé íáá ááñííèèèèññ ÷òí áá íòáò í íá èõ áñíáòóü «Í èííáá íòòó áñ íá í ðèøèà òæèý í ùññü, ìí á èæèí ìððáðá èþæ æèèè!» Þèèàíà ìíðóñíèèà íá æèíèí áðè:áñèþ ìèøæáó, èíòíðáý íá:æèáññ á ÑØÁ. Í á áí áðèèáñèññ èííòèíáíòá á Ì ííðáèèà ìíá á ìíñèááíéè ðáç óæááæèáññ ì Ñáæéííé è ìíñèá ýòíáñ ìíòáðýèà ì íáé ìáýçü Ííòíí æèíèí áðè:áñèý ìèøæáá í ðèáèèà Þèèàíó á Øááøèþ, ááá è íá:æèáññ ðáøáþóáý òáçá áí æèçíè. Á Ñòíèáñèññ á ìíá ìíçíáèíí èèáññ ì ÷áðíé ×ææèè, è ì ýòíáñ ìíí áíòá íá:æèíññ áá ìáðñáçííá óæè:áíéá ìíèðíáíáèèçíí. Ñ ðáçðáøáíéý Èæèíøá ×ææèè ìíá çáí ýèáññ èññèáííáíéáí áá ìáññü ì ðè íáèèíáè-ìøèæèèçí á Çáññííá ìíçíáèíí èèáññ ì Èáðèíáòáðíí Èáññèóññí, ìñèè áóáóóíèè í øæáí.

БЫЛИ-НЕБЫЛИ ПЕТРОВКИ, 23

Галина Белоцерковская

Преобразилась за последние годы Москва. Старые дома «восстали из пепла», подновились, подкрасились, стали достойными соседями мраморных особняков и всех видов новостроек. Заполнились пустыри, улицы и переулки засверкали вызывающими витринами и яркими фонарями. Но оставались в Москве, в самом ее центре, здания, стыдливо прикрытые унылыми заборами, которые много лет ждали своей очереди на реставрацию. Одним из таких мест была Петровка, 23 — дом из моего детства и ранней юности. Вокруг этого дома стоял двойной забор, наверное, для того, чтобы надежнее отгородить от меня прошлое. На заборе висела огромная вывеска:

«Реставрация памятника культуры XVIII века.

Усадьба купца Кирьякова.

Архитектор – М. Ф. Казаков».

Эта историческая справка была для меня открытием, и я отправилась в библиотеку.

Посвящается памяти моей мамы, Минны Кирснер

Отступление первое

В краеведческом отделе библиотеки передо мной выложили полтора десятка книг о Москве с подробным описанием улиц и каждого дома. Вот и Петровка. Но что за наваждение: ни в одном томе нет номера 23. Дома девятнадцать, двадцать один, двадцать пять есть, а двадцать третьего – нет. Даже в путеводителях. Библиотекари огорчались и недоумевали вместе со мной. Наконец компьютер выдал подсказку, и в

журнале «Наука и жизнь» за 1991 год я нашла то, что искала. Усадьба по адресу Петровка, 23, действительно принадлежала купцу А. Г. Кирьякову. В 1781 году архитектор М. Ф. Казаков, один из основоположников русского классицизма, построил на территории этой усадьбы дом и торцевой флигель. Будучи автором типовых городских домов и домов-усадоб, Казаков непременно закладывал во дворах пруды и небольшие парки. Во дворе дома Кирьякова был большой пруд, окруженный огородом и оранжереями. О самом Кирьякове известно только, что он занимался продажей семян овощей и цветов и жил довольно скромно. Зато о людях, которые проживали в его доме в последующие годы, написано немало. Среди них были: историк и собиратель старинных книг, рукописей, гравюр и монет П. Ф. Карабанов, архитектор и археограф М. А. Оболенский, один из инициаторов нового метода лечения легочного туберкулеза К. М. Павлинов. Двадцатый век кирьяковская усадьба встретила открытием зубоврачебной школы, а в 1908 году здесь обосновалась «Первая московская механическая лечебница Цандеровского института», названная по имени шведского физиотерапевта Густава Цандера, разработавшего методы и аппараты для механотерапевтического массажа. В 1920 году в помещении усадьбы открылась поликлиника Мосздравотдела. А последний абзац «жизнеописания» усадьбы рассказал мне о том, что в девяностом году здесь организовали медицинский кооператив «Оздоровление», где «со старых и больных людей, по утверждению газеты “Московская правда”, кооператив не брал ни копейки».

Больше о Петровке, 23 я ничего не нашла. В описании жизни этого дома образовалась пустота длиной более полувека, которую я могла бы частично заполнить...

Я очень любила ходить в школу. Каждое утро, крепко взявшись за руки, мы с мамой выходили из парадного нашего дома, и бегом, через «проходняшку», оставив позади себя Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, пересекали Пушкинскую улицу и шли по улице Москвина (ныне Петровский переулок), где в предпоследнем дворе, ближе к Петровке, находилась моя любимая 635-я женская школа. Если смотреть на Высоко-Петровский монастырь, то школьный двор находился справа, а на левой стороне улицы Москвина стоял филиал Художественного театра. В

старших классах я бегала туда на все спектакли и «висела на люстре», чтобы посмотреть знаменитого Пола Скоффилда в «Гамлете», но тогда, семилетнюю, меня интересовал не театр, а площадка перед ним, где после школы мы с подружками с упоением прыгали через веревочку. Там меня и находила мама, когда в обеденный перерыв, с трудом оторвав от девчонок, забирала домой. Мама работала на Петровке, 23 в Физиоцентре при московской физиотерапевтической поликлинике.

Во втором классе я уже сама прибегала к маме – школьный двор и двор поликлиники сообщались замысловатым проходом, где мы любили играть в прятки и догонялки. Физиоцентр находился на первом этаже, и мамин стол был около окна. Я стучала в окно, мама выходила ко мне, или я ждала ее в садике. Был сорок четвертый год. Еще шла война. Я тогда непрерывно болела – говорили, от недостатка витаминов. Лечили меня всей поликлиникой, благо каких только процедур там не было! Целебные ванны, разного вида души, электролечение, массаж. Особой популярностью пользовались массаж и массажистка Бронислава – золотые руки, которая ставила на ноги самых безнадежных, и когда случилось несчастье с женой Аркадия Райкина, именно она ее выходила. Мамина поликлиника обладала для меня особой притягательной силой, потому что там лечились артисты, а я уже начинала увлекаться театром, особенно опереттой. И какой же был восторг, когда я встречала в коридоре или кабинете своих кумиров!

В благодарность за лечение артисты каждый праздник выступали перед сотрудниками поликлиники. Концерты эти назывались «сборной солянкой». Нигде и никогда я не встречала такого созвездия в один вечер. Обычно заранее не было известно, кто приедет, и в этом была своя, особая прелесть. На втором этаже, в зале, где проходили конференции и торжественные собрания, ставили дополнительные стулья. Проходов почти не оставалось. Красная, разгоряченная волнением и ответственностью Бронислава Григорьевна, устроительница этих концертов, встречала артистов, размещала их за ширмами (в зале, естественно, не было ни гримерных, ни кулис), и наконец наступала долгожданная минута. На «авансцене» появлялся Н. Смирнов-Сокольский в неизменном бархатном пиджаке, рубашке с красной бабочкой и объявлял первый номер, предварительно поздравив всех с Новым годом, Восемью марта или Днем Сталинской конституции.

Друг за другом выходили Сергей Образцов, Аркадий Райкин, Алла Тарасова, Лев Мирон и Марк Новицкий. Помню Зиновия Гердта, Марию Миронову, Александра Менакера. Все выступали с таким же азартом, с каким рукоплескали благодарные зрители. До сих пор не понимаю, как на кусочке паркета ухитрялись танцевать популярная тогда эстрадная пара Анна Редель и Михаил Хрусталева и выкидывать коленца опереточные любимцы Елена Савицкая и Григорий Ярон. Концерты затягивались до глубокой ночи. Каждый номер – сюрприз, выступить перед своими врачами считалось большой честью.

На следующий день в школе я рассказывала подружкам о вечере в поликлинике, и они умирали от зависти. Так было почти десять лет: дом, школа, мамина работа, – до января пятьдесят третьего года, когда над Петровкой, 23, как и над всеми медицинскими учреждениями, сгустились тучи. 13 января в центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС: «Арест группы врачей-вредителей». Был дан старт «делу врачей». Потенциальными «убийцами в белых халатах» стали все медицинские работники еврейской национальности. Я хорошо помню день, когда зашла к маме после уроков и увидела на дверях Физиоцентра листок с объявлением: «Ушли на собрание в зал». Гардероб в главном корпусе был закрыт, регистратура тоже. Я сунула в портфель

шапку, взяла на руку пальто и тихо поднялась по лестнице на второй этаж. Дверь в зал была приоткрыта. Докладывал секретарь парторганизации. Он рассказал о тревожной обстановке в стране, призвал к бдительности, объяснил, почему люди не хотят записываться на прием к врачам с еврейской фамилией. Потом предложил желающим выступить. Желающих не оказалось. Все молча расходились по кабинетам, где врачи-евреи получали специальные анкеты, огромные, на нескольких страницах.

Моя мама не была врачом – она работала секретарем-машинисткой в Физиоцентре, но анкету получила тоже. Заполнить ее полагалось срочно, и вечером у нас дома собрался «совет». Я помню папу, маму, дядю Борю и врача, кандидата медицинских наук Любовь Исааковну Голонзко. Вопросы в анкете касались прямых и «боковых» родственников до третьего колена. Об умерших надо было сообщить все, вплоть до мест их захоронения. Маме предстояло написать о двух родных братьях, осужденных по политической статье, а Любовь Исааковне – о брате, эмигрировавшем во Францию сразу после революции. И то и другое рассматривалось как «преступные связи» вне зависимости от того, поддерживали ли с этими людьми отношения. С одним из братьев мама переписывалась и даже посылала ему посылки, другой отбывал срок «без права переписки». Любовь Исааковна о своем брате ничего не знала с момента его выезда из страны, но, заполняя этот пункт анкеты, так разволновалась, что ее увезли в больницу с тяжелым инфарктом. После этого папа стал настаивать, чтобы мама ничего о братьях не писала и в соответствующих графах сделала прочерк, дядя же уверял, что так нельзя, все равно «наверху» дознаются, и будет еще хуже. Чем дело кончилось, не знаю, потому что меня выпроводили к подружке, строго наказав ни о чем, что происходит в доме, не говорить. Но я и так понимала – лучше молчать. Дальше события развивались с молниеносной быстротой.

Минна Киршнер, 1932 год.

Отступление второе

Мы жили в общей квартире, и соседи из всех шести комнат опекали меня с детства. Я была тихим послушным ребенком с одним недостатком – «гонялась» за мамой, постоянно думая, что с ней что-нибудь случится. Каждый вечер, в двадцать минут восьмого я начинала ходить по комнатам и спрашивать всех соседей, который час, хотя передо мной стоял будильник. В 19.30 я закатывала такой рев, что он раздавался по всей лестничной клетке. Лифт часто не работал, и бедная мама, задыхаясь, бежала на пятый этаж. Как только открывалась дверь, я мгновенно успокаивалась, а мама шла извиняться

перед соседями. Я всегда сочувствовала тем, кто рассказывал о конфликтах в общих квартирах, которые доходили даже до рукоприкладства. Нам с мамой повезло и, несмотря на то, что мы были единственными евреями из шести семей, отношения сохранились даже тогда, когда дом расселили и формально нас ничего не связывало. А в те годы все жили интересами друг друга и во время «дела врачей» очень переживали за мою маму.

За несколько дней до того памятного вечера, когда мама заполняла анкету, к нашим соседям приехала племянница из Украины, собиравшаяся поступать в Институт иностранных языков. Мы подружились несмотря хоть ей было девятнадцать, а мне пятнадцать лет, и уговорили маму, чтобы Галка (она была моей тезкой) ночевала у нас в комнате. Каждый вечер мы ставили раскладушку и болтали. Галка была очень влюбчивой и рассказывала мне о своих романах. Политическими делами Галка не интересовалась и вскоре привела к нам знакомиться претендента на ее руку и сердце. Это был еврей намного ее старше и вдобавок однорукий. Я до сих пор помню его имя и фамилию – Леонид Тенкелевич. Он работал в органах. Пили чай мы почему-то у нас. Естественно, Леонид был в курсе «дела врачей», и более того, предупредил о грозящем всем евреям выселении из Москвы, чтобы «спасти их от народного гнева». Рассказал даже о местах, где были в срочном порядке построены бараки. До сих пор не понимаю, почему он рискнул говорить на эту тему столь откровенно в доме, куда попал впервые.

– Если бы вы могли куда-нибудь уехать, – сказал он маме, – протянуть время. Может быть, что-то изменится...

Но воспользоваться его советом мы не смогли: неожиданно умерла моя бабушка, мамина мама, о которой, пользуясь случаем, хочу сказать несколько слов.

Минна Киршнер и Бронислава Григорьевна, 1949 год.

Отступление третье

Бабушка, Аграфена Борисовна Берх (по документам – Груня Берковна) была человеком необыкновенным: во-первых, потому что вышла замуж, имея на руках четверых маленьких детей (первый ее муж умер совсем молодым от онкологического заболевания), во-вторых, она добровольно ухаживала за больными во время карантина по случаю легочной чумы, за что получила знак «отличника здравоохранения», и в-третьих, была настолько наивна, что беззаветно верила в Сталина. Верила, несмотря на то что два ее сына сидели в тюрьме и надрывались на лесоповале. Первый был врачом женской психиатрической больницы, и его обвинили в финансовых нарушениях, хотя никакого отношения к хозяйственным делам он не имел, а со вторым произошла удивительная для нас, а для того времени весьма типичная история. Александр Михайлович Гольдшмидт работал в газете «Вечерняя Москва», и в тот год его очередное дежурство как сменного

редактора пришлось на 7 ноября. Вечером в Кремле проходили торжественное заседание, традиционный концерт допущенных «в верха» знаменитостей, проверенных до седьмого колена, и банкет. К вечеру Александр Михайлович получил телефонограмму с отчетом о празднике и стал готовить материал в утренний номер. Сомнение у него вызвал один праздничный тост: «Выпьем за здоровье нашего великого учителя Ленина». Он позвонил главному редактору и предложил заменить слова «за здоровье», ибо не логично пить «за здоровье» умершего. «Главный» приказал оставить первоначальный текст, а на следующий день дядю арестовали. За ним пришли, как положено, на рассвете, разворотили всю квартиру и его забрали. Осужден он был по знаменитой 58-й статье, пункт «б», как «враг народа». Отсюда вытекали двенадцать лет без права переписки, а потом, если доживешь, пожизненное поселение в северных районах. И бабушка приняла эту ситуацию мужественно, без слез. – «Только Сталин был бы жив – он во всем разберется». Думаю, если бы бабушка дожила до смерти своего идола, и тем более, до его разоблачения, она страдала бы больше, чем из-за ареста сыновей.

Итак, мы никуда не уехали. Пятого марта умер Сталин, в день его похорон я чудом не погибла, попав в «мясорубку» у Трубной площади, а «дело врачей» вскоре было прекращено, пострадавшие реабилитированы. Но, увы, необратимые процессы произошли не только с теми, кто испытал весь ужас сталинских пыточных камер, но и с теми, кто физически не пострадал. После истории с анкетами и недоверия к врачам-евреям обстановка на Петровке, 23, резко ухудшилась: не все выдержали испытание на порядочность, многие уволились. Ушла оттуда и мама. Так закончились мои походы на Петровку, 23.

Я часто бываю в центре Москвы. В тот день, выйдя из метро «Чеховская», вдруг подумала: «Как, интересно, поживает усадьба Кирьякова?» И пошла на Петровку старым, но не забытым маршрутом. Прошла свой «бахрушинский» дом, «проходняшку», вышла на Пушкинскую – никак не могу привыкнуть, что она теперь Большая Дмитровка, – и вот она, Петровка, 23. Здесь произошли большие перемены: забора уже нет, здание почти полностью реставрировано, левый «мамин» флигель особенно нарядно отделан. У входа в него царит оживление. Модные одетые мужчины и женщины входили и выходили, болтали и попивали из банок освежающие напитки. Я подошла совсем близко и наткнулась на вывеску: «Страховая компания правоохранительных органов». В тот самый момент, когда я попыталась заглянуть в ТО САМОЕ окно, меня вежливо взял за локоток крепкий молодой мужчина в наглухо застегнутой белой рубашке и галстуке.

– Вы что хотите, гражданка?

Я бессвязно залепетала, что хотела бы зайти во флигель, что много лет назад здесь был Физиоцентр и что у этого окна сидела моя мама, и еще что-то, не совсем разумное.

– К сожалению, – сказал охранник, – туда зайти нельзя. Вы видели вывеску? Только по специальному пропуску. Да и нет внутри ничего особенного: современный интерьер, кабинеты, приемные. Но если очень хочется, позвоните директору компании, вот его телефон. – И он протянул мне визитную карточку.

Я поблагодарила и отошла. Потом вернулась со стороны лужайки, которая раньше была садиком с двумя лавочками, а еще раньше – оранжереей купца Кирьякова.

Прислонившись к ограде, я долго стояла, вспоминая маму, массажистку Броню, врачей, которые меня лечили, детство и раннюю свою юность...

P.S. Перечитав написанное, я подумала, что отступления заняли в моем рассказе слишком много места. Еще раз меня поразило свойство памяти, когда, потянув за ниточку, разматывается клубок, в котором целая жизнь, и непонятно, что в ней главное. Для меня, наверное, все.

ХУДОЖНИК ЛЕОНИД ЗУСМАН

יֵעֹבֵד אִמִּיעֶץ

Леонид Павлович Зусман считал делом своей жизни оформление и иллюстрирование книг. Он сделал рисунки к «Оливеру Твисту» Ч. Диккенса, «Легенде о Тиле Уленшпигеле...» Ш. Де Костера, «Красному и черному» А. Стендаля, «Тысяче и одной ночи», а также почти к 70 другим книгам, вышедшим главным образом в издательствах «Детская литература», «Госиздат», «Молодая гвардия», «Советский писатель». Он много работал и как театральный художник, создавая декорации к классическим и современным пьесам. Так, в Московском театре Сатиры он оформил спектакль «Неравный брак», в Одессе в его декорациях шли «Блуждающие звезды», в Минском оперном театре – «Кармен».

Родился Л.П. Зусман в 1906 году в белорусском городе Гродно в семье инженера и зубного врача. После рождения сына семья переехала в Москву, где отец работал по специальности, а мать оставила врачебную деятельность и посвятила себя домашним делам и воспитанию будущего художника.

Одновременно с учебой в старших классах средней школы Леонид посещал частные студии художников Ф.И. Рерберга и А.Э. Миганаджиана и был вольнослушателем в первых государственных свободных художественных мастерских в классе И.И. Машкова – одного из основателей известного объединения московских художников «Бубновый валет».

В 1924 году он поступил в Академию художеств в Ленинграде, где учился у замечательного художника К.С. Петрова-Водкина. Об этом времени Зусман вспоминал: «... я, несмотря на все восхищение искусством своего учителя, не сумел понять его педагогическую систему... А с приходом нового ректора началась вообще полная перестройка учебного процесса. Пришли новые профессора с другими традициями и с другим представлением о реализме в живописи... Я был совершенно дезориентирован, с трудом выполняя задания по академическому рисунку, хотя и старался не отстать от своих сокурсников... Затем в 1927 году по семейным обстоятельствам я перевелся в Москву во Вхутеин (Высший художественно-технический институт) и попал в мастерскую Д.П.

Штеренберга. Здесь я встретил совершенно другую обстановку: каждый студент делал что хотел и как хотел».

«В комнате», 1968 год.

Не имея постоянного руководителя и наставника, Зусман постепенно утрачивал интерес к работе художника и даже подумывал о перемене профессии.

В 1930 году он закончил Вхутеин и перед ним стал вопрос – как зарабатывать на жизнь. Убедившись, что живопись его не прокормит, он начал пробовать свои силы в книжной графике, не имея в этом деле ни школьного, ни практического опыта. Он вспоминал: «Нужда заставила почти самоучкой ”превзойти” всю книжную премудрость, научиться этому строгому ремеслу – делать обложки, писать шрифты, ”крутить” орнаменты, конструировать книжные макеты. Все это давалось ценой больших усилий. Мои первые опыты как иллюстратора тоже принесли много огорчений... Однако выхода не было, и я продолжал работать в книге... и если графика стала моей второй профессией, да еще, несмотря на все, кормившей меня, то живопись осталась в качестве какого-то, как теперь говорят, ”хобби”».

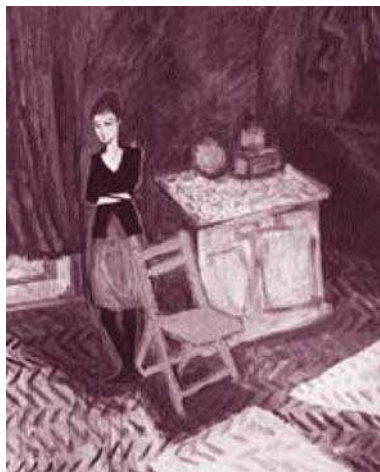

«Весна на Большой Полянке», 1966 год.

Он жил в маленьком домике в старом Замоскворечье и излюбленным мотивом его живописи стали улицы этого района, где прошли годы детства и учебы. Художник писал и портреты близких ему людей. Были у него и литографические работы – портреты генерала П.И. Багратиона и полковника М.И. Кутузова.

В 1932 году Леонид Павлович стал членом Союза художников, в секции графики.

В Великую Отечественную войну Леонид на фронте, участвовал в боях. Дослужился до сержанта. Во время армейской службы работал и как художник фронтовых газет («Крылья Победы», «В бой за Родину»). В 1944 году после госпиталя Зусман был демобилизован по болезни. Он начал сотрудничать в «Окнах ТАСС» и различных издательствах, а также был художественным редактором журнала «Вокруг света».

«В мастерской», 1967 год.

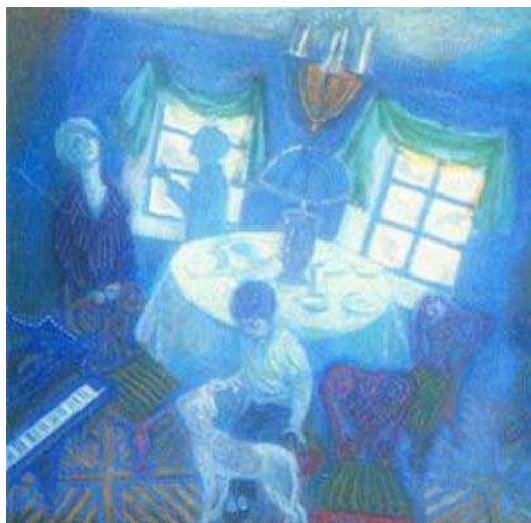
Леонид Павлович Зусман участвовал во многих московских, республиканских, общесоюзных и зарубежных выставках. Еще в 1929 году его работы были представлены на выставке советского искусства в Нью-Йорке, в 1931 году – на Парижской выставке, в 1939-м – в Брюсселе. В 1959 году на Международной выставке книги в Лейпциге он был удостоен серебряной медали.

Творчество художника было представлено на всех отечественных выставках иллюстраторов книги, в ежегодных выставках, приуроченных ко Дню Победы. Его работы неоднократно отмечались дипломами и почетными грамотами министерства просвещения и комитетом по делам печати. Некоторые работы Леонида Павловича были приобретены Русским музеем в Ленинграде, художественным музеем в Твери и музеем искусства в Тбилиси.

«Замоскворечье зимой», 1966 год.

Мало кто теперь знает об умершем в 1984 году художнике Л.П. Зусмане. Но если в руки читателя попадет книга с его иллюстрациями, то он по достоинству оценит этого мастера книги.

Из цикла «Ушедшее время ”В детстве”», 1970 год.

Закончить очерк о художнике Л.П. Зусмане я хочу его стихами о вечной преемственности поколений в искусстве.

Áúòüì íæáò, òðííééà èñéóññòá

Ì áíÿ íá áññíì íèò íééíáá,

È áíðéáñáðá ñò ðíæó óñò

Í áí ðíçáó: èò íé «íáò» íé «áá».

Áúòüì íæáò, ÿ ññé ïóòü ï ðíøæ,

Í à íááí æÿÿÿ, í à ïíÿ,

Í à áóéíúé óááò à ï ðíèçáíé,

Í ðíøæ í á ï ï óñó, í á çðÿ.

Áúòüì íæáò, áñá-òí í à çáì éá

Ì íé ñéíéíé, ï íé ñò áðáí òéì,

Í à çíáÿ ï ï íæ ññáá,

Ì íèó í á áññÿÿ íæé,

Áóì áñé ññ í áá çàøóðøèò.

È á ííáí ñçíðá ï ðíæíéé áçíð

Ī dīāīēæèò pòāđīé đāçāīđ

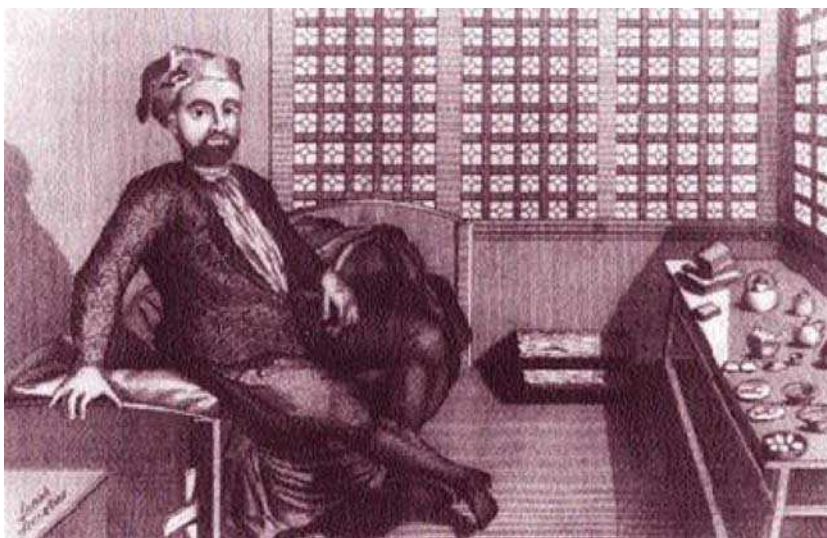
Иллюстрации к «Книге Тысячи и одной ночи», 1958 год.

О РОМАНЕ «ЕВРЕЙ ЗЮСС»

Ėĕĭĭ Ōĕĕĕĕ ĕĕĭ ĕĕĕ

Впервые статья опубликована в журнале «Freie Deutsche Buhne» № 1 за 1929 год.

На русском языке не публиковалась.

Лион Фейхтвангер ко многим своим произведениям писал предисловия или послесловия, иногда небольшие, в страничку, иногда объемом в 5-8 страниц. Он часто возвращался к своим произведениям, писал о них через много лет после того как они увидели свет. Важность подобного обращения писателя к читателю очевидна, ее невозможно переоценить. Автор, длительное время работавший над темой, не может не поделиться с читателем размышлениями об этапах своей работы, рассказать о силах, заставивших его заняться ею, о трудностях, которые он встретил при этом, о том, как он преодолевал эти трудности. Не только автор, но и «соавтор», переводчик очень сильно тянется к этому жанру. Известна горькая мысль Б.Л. Пастернака. В письме Б. Зайцеву от 26 мая 1959 года он писал: «Я послал Вашей дочери “Фауста”. Вот с каким сожалением и болью сопряжены у меня работы этого года. Ни разу не позволили мне предпослать этим работам предисловие. А может быть только для этого я переводил Гете и Шекспира. Что-то радостное, неожиданное всегда открывалось при этом и как всегда тянуло это новое, выношенное живо и сжато сообщить».

Предлагаемые вниманию читателей две статьи Л. Фейхтвангера о романе «Еврей Зюсс» были написаны: одна через четыре года после выхода романа в свет, другая – незадолго до кончины автора. В первой статье он раскрыл основную идею книги, во второй рассказал, как книга пробивалась в печать, как сложилась ее судьба.

В конце второй статьи писатель упоминает о постановке в гитлеровской Германии антисемитского фильма «Еврей Зюсс». Он написал об этом поразительной силы политический памфлет «Открытое письмо семи берлинским актерам»,

игравшим в этом фильме. Этот памфлет прилагается к настоящей публикации статей о романе.

Разрешите мне высказать свою точку зрения на еврейство, напомнить, как я думал изложить ее в романе «Еврей Зюсс». Книга вызвала самые удивительные толкования. Евреи восприняли ее как антисемитскую, немецкие шовинисты – как еврейско-националистическую, и обе партии сильно всыпали мне. Для меня подобные противоречащие друг другу интерпретации моих произведений не новы. Когда 12 лет назад впервые появилась на свет моя пьеса «Калькутта, 4 мая» под названием «Уоррен Гастингс», – а в это время шла война, – в ряде немецких городов ее запретили как англофильскую, а в то же время англичане оценили ее как произведение типичного гунна. Что же касается «Еврея Зюсса», то я думаю, ни национал-социалисты, ни сионисты никакого капитала на этом романе не приобретут. Скажу без обиняков: мозг мой – мозг космополита, чувствами же, сердцем – я еврей. Однако не думаю, чтобы эта двойственность моей природы как-то проявилась в книге «Еврей Зюсс». Во всяком случае, это произведение не было задумано, как эпос еврейства, не предполагалось, что оно должно будет говорить что-либо в пользу еврейства или против него.

Меня часто спрашивали, что же именно привлекло меня в истории еврея Иосифа Зюсса Оппенгеймера, в жизни этого, в общем-то, случайного человека стародавних времен. Действительно, сама по себе история его совершенно неинтересна. Он был придворным евреем, как многие до него и после него, одним из множества евреев-финансистов, находящихся на службе у князей и других важных особ, загребающих для этих особ деньги и не забывающих при этом себя. Подобных евреев-финансистов, повторяю, было немало и в раннем средневековье, да и сейчас. Иные из них, в соответствии с последовательной логичностью, после лет, проведенных в роскоши, кончали свою жизнь в тюрьме или на виселице. Это был естественный риск всякого, кто принимал на себя обязанности придворного банкира, он понимал, что если господину придется туго, то он окажется козлом отпущения. Так кончали свою жизнь еврей-финансисты испанских и мавританских королей, банкиры габсбургского кайзера и великих курфюрстов, так кончали свою жизнь евреи, управляющие имуществом греческих, польских, итальянских князей. Внимание историков они, пожалуй, и могли бы привлечь, но право же, судьбы их не более поучительны, чем судьбы бесконечного множества других людей, живших в одно с ними время.

Набор сатирических медальонов, изображающих жизнь Зюсса Оппенгеймера. 1738 год.

Жизнь еврея Зюсса Оппенгеймера с ее счастливым течением вначале и с трагической развязкой, как бы живо она ни интересовала современников, едва ли может серьезно заинтересовать людей нашего времени. Хотя и многие читали наивно-антисемитскую биографию Зюсса, написанную Вильгельмом Гауффом, все же нет никаких подтверждений тому, что это произведение оказалось столь же интересным, столь же действенным как, например, сказки того же автора или его детский романтический «Лихтенштейн», чтобы оно по-настоящему взволновало кого-нибудь. Пожалуй, история еврея Зюсса как была, так и осталась достойной заметки в 20-30 строк из энциклопедического словаря, заметки едва ли способной заставить потомков задуматься или возбудить их воображение. Когда я лет двенадцать назад прочел хорошо и обстоятельно написанную биографию Зюсса, поначалу и мне жизнь этого человека показалась малоинтересной. В прочитанной биографии причины успеха Зюсса и его падения были изложены последовательно и убедительно – была показана судьба, подобная судьбам бесчисленного множества других людей, едва ли способная надолго заинтересовать человека двадцатых годов нашего века. Так было до тех пор пока я среди несущественных, второстепенных подробностей не натолкнулся в биографии на следующий факт: Иосиф Зюсс, не принимавший, впрочем, всерьез обрядовые предписания своей религии, отказался принять христианство, хотя это, вероятно, помогло бы ему сохранить жизнь.

Титул голландской книги, описывающей жизнь Иосифа Зюсса Оппенгеймера.

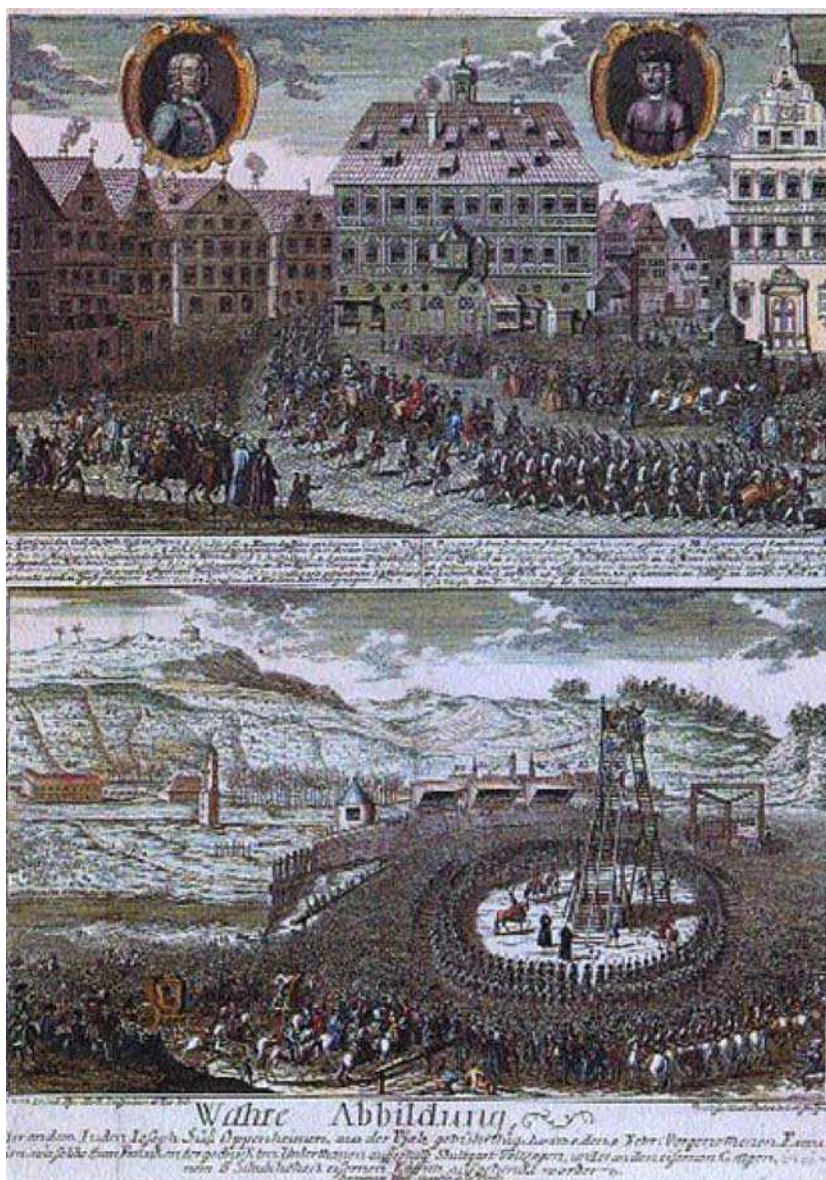
1738 год.

Сам по себе этот факт, казалось бы, ни о чем не говорит. Но перечитывая это место биографии, я внезапно увидел образ человека, увидел путь, по которому он шел, я увидел поучительность его жизни. Привлекло меня к судьбе этого еврея, озарило ее в моих глазах не то, что он не изменил своей вере, к которой он, в общем-то, не был по-настоящему привержен. Я вдруг увидел и понял его падение. Я понял как нечто единое целое его взлет и его трагический конец. Я как бы увидел его – вступившим на путь, по которому идет развитие нашей культуры, на путь от Европы к Азии, от Ницше к Будде, от старого общества к новому.

В книге «Еврей Зюсс» речь идет не о том, чтобы как-нибудь выгородить этого Иосифа Зюсса или разрушить антисемитскую легенду, нет, я хотел совсем другого: я

хотел показать путь белого человека, путь через ограниченное европейское учение силы, через египетское учение воли, к бессмертию – к учению Азии, учению безволия, пассивной созерцательности.

И если в моем романе по этому пути идет еврей, то объясняется это тем, что, в сущности, в судьбе евреев особенно отчетливо обозначилось тяготение белых к Азии. Само географическое положение древней родины еврея предопределяет объединение в нем начал Азии и Европы, дает его характеру западно-восточные черты, создает тип, к которому его принуждает ход развития. Символ этого западно-восточного человека я увидел в Иосифе Зюссе, в его сильной хватке, в его уверенной самоотрешенности, в его страстной, бурной деятельности и в его невозмутимо-спокойной созерцательности. Так, по размышлению, представилась мне кривая этой жизни, осмысленная волей и необходимостью.

Композиция «Истинное описание», изображающая сверху выезд Иосифа Зюсса Оппенгеймера из тюрьмы, внизу его казнь. 1738 год.

Работая над романом, я располагал очень скудными сведениями о жизни Зюсса. По существу мне предстояло ограничиться превосходной биографией Манфреда

Циммермана, тоненьким томиком примерно в полторы сотни страниц. Затем появилась работа, содержащая чрезвычайно богатый материал о Зюссе, основанная на впервые опубликованных актах его процесса, сборник документов, собранных и обстоятельно прокомментированных Куртом Эльвенспоком. Даже если бы моя концепция событий, изложенных в романе, и не была подтверждена документальными свидетельствами, приводимыми в книге Эльвенспока, я думаю, внутренняя правда истории Зюсса от этого не пострадала бы. Но тем не менее меня радует то, что события, которые я воссоздал, интуитивно следуя predetermined мной линии развития, пугающе совпали с исторической реальностью актов. Это представляется мне новым подтверждением того, что символический центр, из которого я исходил, рисуя себе эту жизнь, был выбран правильно.

Я прошу вас рассматривать мой роман именно с этой точки зрения, а не как апологию, не как произведение, направленное против антисемитизма. Если же вы, однако, в героях и событиях моей книги найдете другой смысл, увидите другую жизнь, пусть сказанное мною не введет вас в заблуждение. Напротив, найденную вами трактовку считайте правильной. Книга, настоящая зрелая книга становится законченной лишь в общении с читателем. Она не имеет одно единственное значение, один смысл. Их у нее столько, сколько читателей.

Афиша к фильму «Еврей Зюсс»

О судьбе книги «Еврей Зюсс»

Некоторые факты

Впервые опубликована в журнале «Im Aufbau - Verlag» в 1959 году.

Зимой 1916–1917 года я написал пьесу «Еврей Зюсс». Во время ее репетиции в Мюнхене пьесу запретили, поскольку, как мне объяснили, она могла повредить «необходимому в войну гражданскому миру в стране», могла нарушить согласие между католиками и протестантами. Однако влиятельные депутаты от консерваторов настояли на том, чтобы полиция запрет сняла. Пьеса была сыграна в Мюнхене, затем шла на многих сценах Германии, очень известные актеры – Шильдкраут, Клопфер, исполняли в ней главную роль.

Я очень скоро понял, что пьеса была лишь внешней, лицевой стороной того, что хотел сказать, поэтому снял ее со сцены и стал работать над романом «Еврей Зюсс»; эпическая форма представлялась мне наиболее удобной для того, чтобы выразить все, что привлекало меня в истории еврея Зюсса. В мае 1922 года я закончил роман и послал рукопись всем крупным немецким издательствам, все они отклонили ее. Некоторым издателям книга понравилась, и они обстоятельно обосновали свой отказ. Они писали – исторический роман устарел, он вышел из моды, и, хотя мой роман звучал совсем иначе, чем обычный исторический роман, все же какая-то часть читающей публики будет шокирована двойственным материалом романа, сомнительностью достижения немецким евреем из гетто успеха, его блестящей карьеры и ее крушением. Редакторы издательства первого немецкого клуба книголюбителей «Фольксфербанддер Бюхерфройнде» проявили к моей рукописи особый интерес. Но и они опасались, что многие члены клуба покинут его, если изданная клубом книга будет широко обсуждаться, из-за ее двойственного содержания. Но тем не менее, своеобразная форма моей книги настолько их заинтересовала, что они попросили меня, используя эту форму, написать исторический роман на другом материале. Так возник мой роман «Безобразная герцогиня».

Книга «Безобразная герцогиня» была опубликована, имела очень большой успех и способствовала быстрому развитию того немецкого клуба. Опальный же «Еврей

Зюсс» между тем лежал да лежал, дожидаясь своего издателя. В это время я заключил договор с издательством «Драй Маскен», которое в основном занималось публикацией и распространением драматических произведений. В соответствии с этим договором мне следовало за достаточно высокий гонорар подбирать для издательства французские и итальянские драматические произведения. Через некоторое время по каким-то соображениям издательство потеряло интерес к французским и итальянским пьесам и решило расторгнуть заключенный со мной договор. Издательство предложило мне в виде компенсации за досрочное расторжение договора издать мой безнадежный роман «Еврей Зюсс».

Без надежды на удачу книга была издана и поступила в продажу. Совершенно неожиданно для издательства она встретила и у рецензентов, и у читателей единодушный успех. Колеблясь, нерешительно издательство стало выпускать один за другим маленькие тиражи, так что на книжном рынке большую часть времени этой книги не было. И тем не менее в первый же год разошлось сто тысяч экземпляров, для тогдашней Германии чрезвычайно большой тираж. Пресса была обильная и в высшей степени благоприятная, она одобряла книгу; ни одна из больших газет не высказалась ни против содержания книги, ни против формы изложения.

О том, чем был обусловлен этот успех, можно лишь строить предположения. Возможно, он объясняется следующим. Немецкий народ после проигранной первой мировой войны оказался во власти комплекса неполноценности, который привел к усилению антисемитских настроений, позднее они привели к ужасным погромам. Роман был пронизан предчувствием этого. Возможно, одна из причин успеха романа в Германии именно в этом.

«Зюсс, возвращенный из адского пламени издает жалобные крики, приводя в ужас всех евреев». Антисемитские гравюры, 1747 год.

Очень скоро после появления книги в свет один американский издатель, оказавшийся в Швеции, прочел в тамошней газете весьма хвалебную рецензию на книгу. Она очень сильно заинтересовала его, и он решил, несмотря на архаичность материала, издать ее в Америке. Книга имела там успех, правда, не очень значительный, весьма ординарный. В Англии книга сначала вообще прошла незаметно. Она вышла перед Рождеством и к концу года разошлось не более тысячи экземпляров, печать никак ее не

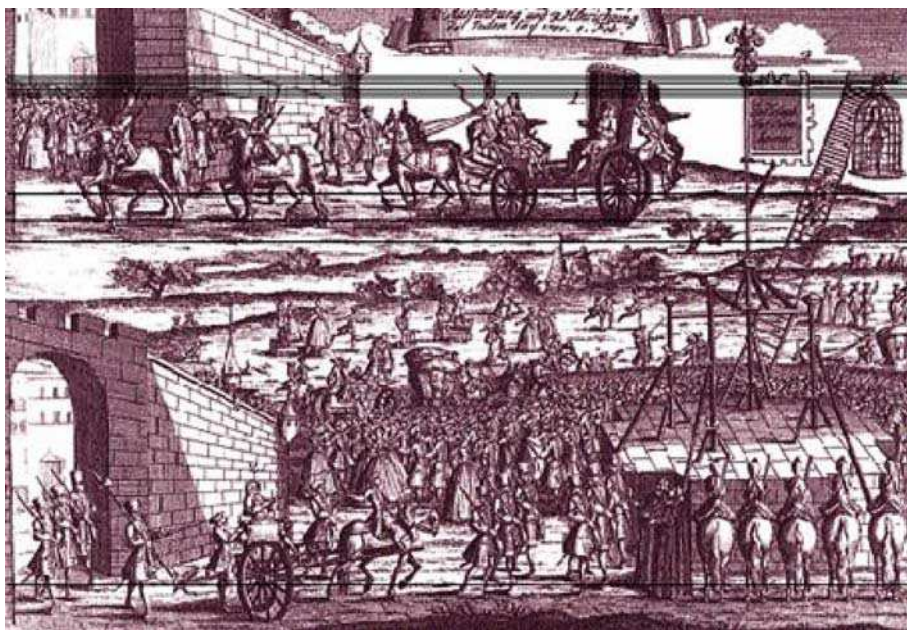
отметила. Затем, в «Дейли Геральд» появилась обстоятельная и очень положительная рецензия, обратившая на книгу внимание Арнольда Беннета, который в те времена был законодателем литературного Лондона. Он написал для «Ивнинг Стандард» темпераментную рецензию. Неделию спустя разошлось три тысячи экземпляров, затем все больше и больше, книга заинтересовала читателей всей страны, завоевала их. Появились и роскошные издания романа, и издания общедоступные; судьба еврея Зюсса и запутанные отношения в маленьком герцогстве Вюртемберг, сложившиеся к началу восемнадцатого столетия, стали близки каждому англичанину. Успех распространился на Америку. По обе стороны океана появились обстоятельные исследования по роману «Еврей Зюсс». Он был рекомендован для школьного чтения. Исторический роман снова стал модной литературной формой. В литературоведческой книге, посвященной вопросам исторического романа, указывается, что в Англии после успеха «Еврея Зюсса» за один год появилось исторических романов в четыре раза больше, чем за предыдущее десятилетие. Эшли Дюкс на основе романа написал драму, которая на протяжении многих лет шла на лондонской сцене. Кинофирма «Гомон Бритиш» поставила по роману великолепный фильм «Еврей Зюсс», показанный на экранах всего мира.

Почему такое множество людей за пределами Германии приняло столь горячее участие в судьбе давно забытого незначительного германского герцога и его придворного еврея? Об этом можно строить множество гипотез. На протяжении ряда последних десятилетий не появлялось исторических романов, в которых действовали бы живые люди, достигали успеха, срывались, страдали и умирали, и вот читатель увидел, что проблемы, которые стояли перед этими давно истлевшими людьми, совершенно такие же, что те, которые волнуют нас. Многие именно этим объясняют успех книги. Как всегда, такое волнует людей всего мира. Роман был быстро переведен на многие языки, в том числе на русский, исландский, японский, бенгальский, а по подлиннику немецкий язык изучали тысячи людей мира.

Когда Гитлер пришел к власти, книгу в Германии, естественно, запретили и сожгли. Однако слава, связанная с этой книгой, не давала гитлеровскому министру пропаганды спокойно спать. На основе романа был поставлен новый фильм. Заняты в нем были превосходные актеры, технически фильм выполнили необычайно хорошо. Но гитлеровская режиссура выбросила из него все, что было в романе положительного о евреях, и гротескно подчеркнула все отрицательное. Политически это было в высшей степени действенно, в духовном же отношении – совершенная пустота.

Вместе с гитлеровским режимом исчез также и антисемитский фильм «Еврей Зюсс». Роман же «Еврей Зюсс» и после второй мировой войны издается вновь и вновь, и как прежде, его читают сотни тысяч людей.

Гравюра, изображающая события вокруг казни «еврея Зюсса». 1738 год.

Открытое письмо семи берлинским актерам

Господа, в газете «Фолькишер беобахтер»^[1] я прочел, что вы играли главные роли в фильме «Еврей Зюсс», получившем в Венеции премию. Как пишет газета, фильм раскрывает истинное лицо еврейства, его зловещие приемы и разрушительные цели. Упоминается один из эпизодов фильма, тот, в котором еврей Зюсс, подвергая человека пыткам, заставляет его молодую жену сделаться уступчивой. Короче говоря, если перевести на немецкий высокопарную болтовню, написанную в стиле напыщенного фюрера, это означает: вы, господа, сделали из моего романа «Еврей Зюсс», сдобрив его малой толикой «Тоски»^[2], мерзкий антисемитский провокационный фильм в духе Штрейхера^[3] и его «Штюрмера».

Все вы знаете мой роман «Еврей Зюсс». Насколько я помню, пятеро из вас – наверняка, а может быть и все семь, играли в инсценировке этого романа. Вы спорили со мной по отдельным частностям, показав этим, что поняли книгу, вы говорили о ней с восхищением.

Конечно, свои взгляды можно менять, и я допускаю, что вы не захотели принадлежать к тем пробковым душам, что вечно плавают на поверхности раз и навсегда установленного, предвзятого образа мыслей. Все вы играли в пьесах Августа Стриндберга^[4], утверждавшего, что каждые семь лет клетки человеческого организма полностью обновляются. Правда, Стриндберг подчеркивал, что несмотря на все телесные, физические изменения, дух человека остается неизменным. Вы же, господа, идете дальше: своим примером вы доказываете, что человек может меняться полностью – и физически, и духовно.

Это основательное изменение не очень-то видно пришлось вам по вкусу. Тому из вас, кто играл еврея,^[5] «не очень-то хотелось телесно и духовно вживаться в отвратительный образ раболепствующего подлизы еврея Зюсса», как выразился ваш рецензент. (Впрочем, эта фраза его отчета – единственная, которой я безусловно верю).

Когда мы вместе репетировали, господа, вы часто признавались, что работать со мной приятно, что я понимаю вас, могу найти с вами общий язык. Попробую-ка я сейчас, находясь по другую сторону океана, понять вас. Вас, мой изворотливый, сверкающий всеми красками Вернер Краус^[6], «играющий различных евреев – талмудистов, одного за другим, каждого со своей индивидуальной маской, своей манерой держать себя, своим языком и жестиком, воспроизводящий их прямо-таки с неправдоподобной достоверностью». (Я согласен, что эта достоверность неправдоподобна). Вас, Эжен Клопфер^[7], «символ германской порядочности», как именует Вас репортер; то, что Вас когда-нибудь так назовут, никто из нас не предполагал, и Вы сами – меньше всех. Вас, неуклюжий, суматошливый, хитрый Генрих Георге^[8], давший герцогу «черты дородного, грубоватого сластолюбца, внешне сильного, а по существу слабавольного человека»; Вы создали такой образ по-видимому после нового и интенсивного изучения моей книги. Вас, спившийся и беспринципный Альберт Флорач и Вас, маленький, в высшей степени подвижный Фейт Харлан^[9], «замечательный тем, что знаете, как представить совершенно однозначно исторический материал» то так, то иначе. На этот раз, как подчеркнул Ваш репортер, «Вы превзошли себя».

Я представляю себе, господа, я представляю себе, как Геббельс однажды сказал одному из вас: «Да, вот что – еще этот “Еврей Зюсс”, Фейхтвангер сделал его таким популярным и объективно, как и все эти евреи, выставил напоказ все, что свидетельствует против них. Нельзя ли нам все это заимствовать, стибрить? Для этого, пожалуй, следует лишь похерить две трети книги, из остатка же можно сварганить отличное дельце».

А пропо^[10], ваш шеф однажды уже сделал хорошее дельце с моим романом «Еврей Зюсс». Как раз, когда Геббельс пришел к власти, был отпечатан большой тираж дешевого издания романа. Несколько экземпляров сожгли, большую же часть тиража сбыли в Швейцарию и Австрию, выручив хороший куш иностранной валюты.

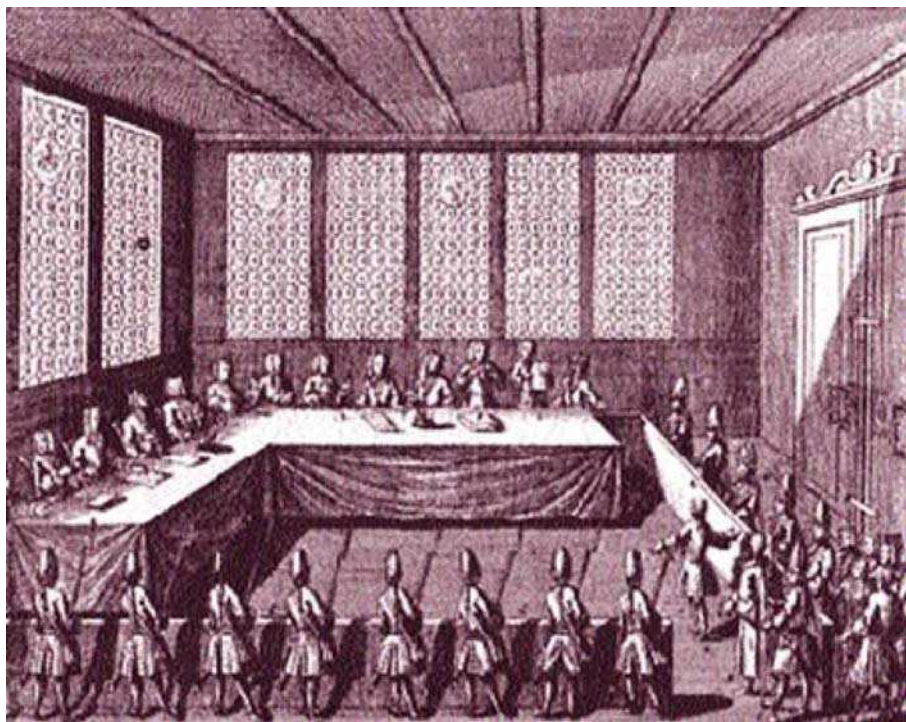
Итак, я представляю себе, как пришли к вам с этим предложением. Сначала вы, возможно, колебались. Возможно, вы сказали себе: «А не выходит ли это за рамки приличия? Можно, конечно, добиться на сцене весьма значительного эффекта, представив какую-нибудь личность в виде своей противоположности, показав Цезаря ничтожным болваном, Рембрандта – мазилкой, халтурщиком, Наполеона – идиотом, Гитлера – великим человеком. Но ведь это годится лишь для комедии, фильм же, который предлагает поставить Геббельс, задуман как серьезный». Но в конце концов один из вас соблазнился ролью и гонораром, второй последовал ему, третий сказал себе: «Если я откажусь, отклоню роль, ее возьмет другой», четвертый подумал: «Откажись я от роли, хлопот не оберешься», а пятый, возможно, действительно был вынужден принять роль под сильным нажимом. Итак, наконец, все оказались в киностудии, большинство – с нечистой совестью, но все же собрались все.

А теперь, господа, поговорим не об убеждениях, вкусах, приличиях, морали и подобной метафизической чуши, поговорим «реалистически», как это у вас нынче принято. Было ли разумно то, что вы сделали? Было ли это практично? Может ли трезвый, расчетливый рассудок одобрить это?

Боюсь, господа, что с этой точки зрения вы ошиблись. Я серьезно думаю, что вы жестоко просчитались и, в конечном счете, за убеждения, принесенные вами в жертву, вам заплатят фальшивой монетой, так сказать, инфляционными деньгами.

Некоторые из вас в течение этих семи лет, через доверенных лиц, все время заверяли меня, что в сущности вы являетесь противниками наци, а если и остались в

Германии, то лишь затем, чтобы помочь жертвам режима и хоть как-то смягчить зверства и глупости этого режима. Иной раз вы, пожалуй, и сами обманывались на этот счет, но основной причиной ваших заявлений было стремление обезопасить себя на случай падения режима. Ибо в тысячелетие режима фюрера даже самый глупый из вас не верит, а шестеро из вас совсем не глупы.

«Суд над ”евреем Зюссом ”». Гравюра, 1738 год.

А теперь рассудите-ка, господа: коль скоро вы не верите в это тысячелетие, то не свершили ли вы большую глупость? Если вы и играли до сих пор в какой-нибудь нелепой нацистской пьеске, то все же могли сказать себе: «Пьеса быстро сойдет со сцены, а когда фашистский режим исчезнет, то и о пьесе, и о нашем участии в спектакле разве что останется лишь слух». Теперь же отснят с вашим участием фильм, «фильм-экстра» в роскошном оформлении. И если появится необходимость, нет надобности ссылаться ни на слухи, ни на газетные статьи, можно будет увидеть и услышать все, что вы, собственно, натворили. Можно будет увидеть и услышать, как вы вывернули наизнанку историю этого еврея, о котором все вы знали, что он был большим человеком. И никакие попытки оправдаться не помогут вам, ибо всем вам было хорошо известно, что с самого зарождения фильма у его создателей не было ни малейшего следа творческой свободы, одна лишь тенденция, глупость и низость которой всем очевидна.

Ужели вам не станет немножко не по себе от одной мысли, что этот фильм мы будем смотреть после того как исчезнет тысячелетний рейх? Не находите ли вы, что с учетом дальней перспективы, вы поступили достаточно глупо, приняв участие в этом фильме? Не говорите, что вам не удалось бы отказаться от игры в нем без тяжелых последствий для себя. То же благоразумие, которое в свое время посоветовало вам заверять меня в Вашей доброжелательности ко мне, о чем я уже говорил, помогло бы вам, если бы вы того захотели, найти предлог уклониться от этой позорной работы. Но вы как раз этого-то и не хотели. Вам хотелось получить роль, гонорар.

Вам нравится успех. Ваше сердце, ваш слух жаждут рукоплесканий. Конечно, аплодисменты, выпавшие на вашу долю, сначала в Берлине, а затем в Венеции, на

короткое время заглушили недовольный голос совести, который, я могу допустить это, беспокоит вас. Впрочем, и сам успех очень скоро должен был приобрести неприятное звучание.

Так, например, газеты сообщили об одном солдате-отпускнике, который пожелал посмотреть этот ваш фильм, однако, воздушный налет и бомбежка помешали ему досмотреть картину, увидеть, как будут вешать еврея. Но солдату очень хотелось посмотреть на казнь, и он вторично пошел смотреть фильм. И на этот раз сеанс прервали прежде чем еврей был повешен; так солдату пришлось вернуться на фронт, еврей же повешен не был.

Я могу понять вас, я представляю себе, это заставило вас призадуматься. Вы живете в фешенебельной части города, господа, и бомбоубежища, которыми вам приходится пользоваться во время налетов английской авиации, конечно, относительно удобны. Но не так уж удобны, чтобы иной раз не подумать с тоской о тех мирных временах, когда вы еще работали с еврейскими режиссерами и директорами и когда еврей-критики обсуждали ваши успехи и неудачи не по законам политической тактики, а по законам искусства.

«Живешь, смотришь на людей, и сердце должно либо разорваться, либо превратиться в лед», – сказал однажды великий француз^[11], живший во времена, подобные нашим. Ваши сердца, очевидно, не разорвались. Но если вы сравните свой шедевр «Еврей Зюсс» с той хорошей инсценировкой, которая была поставлена нами в Берлине до Гитлера, то наверное почувствуете странное потрескивание в ваших заледенелых сердцах.

Придет время, и мы встретимся с вами в Берлине, господа, и вероятно, очень скоро. Я представляю себе нашу встречу, улыбку на ваших губах, радостную улыбку освобождения, она получится очень натуральной – ведь вы же хорошие актеры. Но в ваших оттаявших сердцах будет неуверенность. Эту мучительную неопределенность вы попытаетесь прогнать наигранной уверенностью. Вы вспомните, что мы всегда были великодушными, либеральными. Но не рассчитывайте, господа, что и на этот раз мы проявим глупую терпимость. Не рассчитывайте, что вам будет все прощено.

И не потому, что мы мстительны. Возможно, мы и не откажем себе в удовольствии, заставим вас посмотреть с нами фильмы, подобные вашему шедевр «Еврей Зюсс». К этому и сведется возмездие. Не наша мстительность, вероятно, мешает вам работать в хорошем театре, который мы очень скоро восстановим в Берлине. Мы не будем нуждаться в вас по другим причинам.

Вот они, эти причины: боюсь, нельзя на протяжении семи лет работать в плохом, беспринципном театре без ущерба для таланта. Удивительно, но вместе с душой нищает и искусство. Удивительно, но хороший артист не может играть вопреки своим убеждениям, без того, чтобы не потерять что-то от своего таланта.

Вы можете получать большие гонорары. Ваша сегодняшняя публика, возможно, и не заметит в вас никаких изменений. Но когда мы вернемся, когда вы снова станете играть в наших пьесах, под нашей режиссурой, вот тогда, странным образом, станет ясно, что вы не остались прежними. Нет, именно так, как сам Дориан Грей не менялся, портрет же его страшно изменился, так и вы внешне остались неизменными, на вашем же даровании, боюсь, останутся тяжелые следы сотрудничества в фильмах, подобных вашему фильму «Еврей Зюсс».

Вы прочтете мое письмо, пожмите плечами, постараетесь забыть его через час. Если же встретимся, то скажете мне: «А вы помните, дорогой Фейхтвангер, то забавное письмо, которое вы написали мне как-то?» И тогда вы с удивлением поймете, что письмо-то не такое уж забавное.

Пока же, господа, пользуйтесь своим временем. Боюсь и надеюсь, что не так-то уж много осталось его у вас. И если изменились вы, господа, то я-то не изменился и вас встретит все тот же старый Лион Фейхтвангер.

Ἰ ἀδελφῆ, ἰθάτερά σοῦ, ἀπὸ οἱ εἰσὶ ἐὰ ἐ ἰ δεῖ ἀ-αί εὔ ἔτι ἰ ἰ δεῖ ἰ ἰ

Публикации «Письма...»: на английском языке – апрель 1941 года, на немецком – июнь 1941 года, на русском – апрель 1984 года («Новый мир»).

^[1] «Фолькишер беобахтер» – центральный орган национал-социалистов.

^[2] «Тоска» – опера Джакомо Пуччини.

^[3] Штрейхер Юлиус (1885–1946) – один из лидеров национал-социалистов. Повешен по приговору Нюрнбергского Международного военного трибунала. Созданный им еженедельник «Штюрмер» издавался в 1923–1945 годах.

^[4] Юхан Август Стриндберг (1849–1912) – шведский писатель и драматург.

^[5] Заглавную роль в фильме играл Фердинанд Мариан. Американские оккупационные власти занесли его в черные списки, он был оправдан. Вскоре погиб в автомобильной катастрофе. Многие подозревали, что это было самоубийство.

^[6] Краус Вернер (1884–1959). Обладал редкой способностью перевоплощаться, блестяще играл роли Мефистофеля, Фауста, Телля, Гесслера. После войны ему было запрещено выступать на сцене в течение трех лет за участие в фильме «Еврей Зюсс».

^[7] Клопфер Эжен (1886–1950) – в его репертуаре Отелло, Шейлок, Фальстаф, Лир, Валленштейн. В 1934–1945 годах занимал высокие административные посты в театрах Германии.

^[8] Георге Генрих (Генрих-Георг Шмидт, 1893–1946) – выступал в ролях Валленштейна, Франца Моора, Фауста, Геца фон Берлихингена. В 1945 году был интернирован.

^[9] Харлан Фейт (1899–1964) – актер, режиссер. Жена его Кристина Зедебаум исполняла одну из ведущих ролей в фильме «Еврей Зюсс». В 1949 году в Гамбурге состоялся процесс над Харланом, обвиненным в преступлениях против человечества. Суд признал фильм антисемитским, но Харлана оправдал, так как по законам ФРГ антисемитизм – не преступление

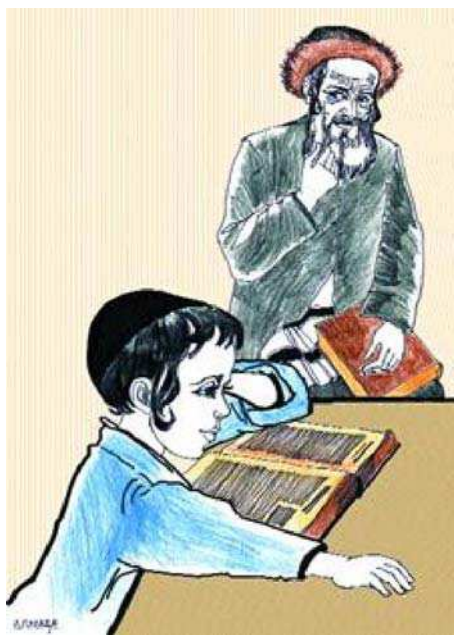
^[10] Кстати (фр.).

^[11] Шамфор Никола Себастьян Рон (1741–1794) – французский писатель.

СЫН РАВВИНА

באאאע ןאאױ אױ עף אאאעאאא

Рабби Нахман из Брацлава (1770—1811) был внуком Баал-Шем-Това. Весьма известен рабби Нахман своими рассказами, в которых он обращался к различным темам, но, главное, он был цадиком, праведником.

Не так давно жил один раввин, который за всю свою жизнь ни разу не оторвал взгляд от священных книг. Он настолько тщательно соблюдал все предписания, что не мог поднять глаз к небу, предварительно не ознакомившись с законом, из которого можно было бы узнать, разрешается ли это делать в данный момент. В целом мире не было ничего такого, что раздражало бы его сильнее, чем обычаи людей, называвших себя хасидами. Ему не нравились их неистовые молитвы, их чудесные исцеления и их безудержная критика сложившихся общинных порядков. Во всем этом раввин видел руку искусителя. И если в местечке, где он жил, появлялся человек, следовавший обычаям хасидов, раввин ополчался против него и изо всех сил сражался за то, чтобы эта душа окончательно не потерялась среди заблудших.

Его постоянно мучила мысль:

— Если я умру, то после моей смерти некому будет удерживать их, и они все последуют за сумасшедшим воющим цадиком, который обесчестил Святую Субботу громкими песнопениями и похотливыми танцами и который вряд ли когда-нибудь читал священные книги.

Поэтому раввину очень хотелось иметь сына, который смог бы после его смерти следить за тем, чтобы люди строго соблюдали священные законы.

И вот на старости лет у раввина родился сын. Весть эту он воспринял с радостью и считал ее знамением небес, которое подтверждало, что выбранный им путь не останется без продолжателя. Раввин мечтал: «Мой сын будет светильником, который

рассеет тьму хасидизма. Он уничтожит хасидов полностью вместе с их невежественным цади́ком, их безумными песнопениями, молитвами и хитрыми трюками исцеления».

Днем и ночью раввин следил за тем, чтобы даже тень несчастья не коснулась его сына.

Подрастающий мальчик проявлял большие способности в учении. Он сидел на высоком стуле за столом и учил книги, которые лежали перед ним. Время от времени он отрывал глаза от священных книг, и через окно его взгляд отправлялся в путешествия по полям, по желто-зеленой листве. В такие минуты его душа устремлялась за взглядом и, как птица, парила в свободном пространстве.

В эти мгновения мальчик чувствовал, что его влечет какой-то поющий голос и был очень счастлив. Но потом он снова вспоминал о книгах и заставлял глаза опускаться на страницу и, поддерживая голову двумя руками, старался не допускать ошибок. Однако все чаще и чаще страстное желание охватывало его, и его душа, увлекаемая песней, улетала все дальше и дальше. Она, как птица, откликалась на песнь своей подруги. В такие минуты от мальчика исходило сияние. Оно озаряло комнату и наполняло радостью все, что было вокруг него. А когда он снова обращался к книгам, то чувствовал себя так, как будто его заставили слушать покойника.

В нем пробуждались какие-то смутные томления, страстные желания, но к чему, он и сам пока не понимал.

Огонь этих неясных желаний пожирал его, и мальчик становился все слабее и слабее. Он весь дрожал, как пламя свечи, которая от малейшего дуновения ветерка вот-вот погаснет. Мальчик все еще не понимал своих желаний, а его томление было схоже с томлением еще не родившихся душ, ждущих своего появления на земле.

Раввин видел, как его сын слабеет с каждым днем, но не переставал беседовать с ним о бесчисленных предписаниях закона и о том, что его жизнь нужна для того, чтобы бороться с хасидами. Но, что бы ни говорил отец, ничего не помогало мальчику. А когда раввин заводил речь о зле, которое причиняют хасиды, мальчик начинал дрожать и его бросало в жар.

Среди детей, с которыми ребенку иногда приходилось встречаться, были два мальчика, которые тайно посещали хасидов. Когда они увидели, что сын раввина стал очень бледным и потерял интерес к учебе, они спросили его:

– Что с тобой?

Он им ответил:

– Меня мучает какое-то страстное желание, но какое, я и сам не знаю.

Тогда они и говорят ему:

– Только один человек может помочь тебе, это великий цадик, который живет на расстоянии одного дня пути от нас. Ты должен съездить к нему. Он обладает силой, способной освободить твою душу.

– А он правдивый и честный человек? – спросил сын раввина.

– Мы не знаем, правдивый ли он человек, – ответили дети, – но он не общается с грешниками. И нам точно известно, что он никогда никого не оставляет, не облегчив ему душу.

– Он грамотный? – спросил мальчик.

– Мы не знаем, грамотный ли он, – ответили ученики, – но нам точно известно, что он живет в лесной избушке, работает лесорубом и знает песни, которые поют птицы в небе.

После этого мальчик пришел к отцу и говорит:

– Отец, позволь мне поехать повидать цадика. Он живет на расстоянии одного дня пути от нас.

Слова сына больно ранили раввина, потому что он знал, что цадик был не простым человеком, а предводителем хасидов.

– Чем он может помочь тебе, сын мой, ведь ты намного грамотнее его?

Мальчик снова взялся за учебу, но его душу продолжали волновать какие-то смутные желания, и он, подняв глаза, всматривался в даль. А затем опять подошел к отцу и попросил его:

– Отец, разреши мне поехать.

Раввин видел, что его сын тает с каждым днем. И когда мальчик обратился к нему в третий раз, он сказал:

– Понимаешь, ты не можешь ехать к нему один. Возможно, это искуститель подталкивает тебя на этот путь. Я поеду с тобой к этому неграмотному человеку, чтобы ты только увидел его и забыл о нем.

Когда они впрягли лошадей в повозку, раввин сказал сыну:

– Посмотрим, даст ли нам небо разрешение на эту поездку. Если не будет никакого сигнала, чтобы отложить ее, то это будет означать, что поездка правильная. Но если что-нибудь остановит нас в пути, то это будет сигналом к тому, что мы должны вернуться домой. И мы, конечно, вернемся.

На этом они и отправились. Все шло хорошо, пока им на пути не встретился мелководный ручей. Когда они переправлялись через него, одна из лошадей поскользнулась, упала в воду и опрокинула телегу. Отец и сын оказались в воде.

Они сами выбрались на берег, вытащили телегу, и раввин сказал сыну:

– Видишь, сын мой, небеса подали нам знак, чтобы мы повернули обратно. Путешествие это нечистое.

Так они возвратились домой, и мальчик снова засел за книги. Но на сердце у него была тяжесть. Что-то опять манило его в даль. Он боялся сказать об этом отцу, потому что помнил плохое предзнаменование во время первой поездки.

Дни шли своим чередом. И с каждым новым днем ребенок становился все слабее и слабее, пока не стал похожим на покойника, которому уже безразлично, что скажут о нем на земле.

– Отец, – вскричал он. – Я должен поехать и поговорить с цади́ком!

Раввин уступил ему и на этот раз. Они отправились в путь. Но после того как они проехали две трети дня, телега наскочила на большой камень, и у нее сломались обе оси.

– Этот цади́к, несомненно, мошенник, – заявил раввин. – Мы получили второе предупреждение небес и дальше нам ехать нельзя.

Они отремонтировали телегу и вернулись домой.

Душа мальчика стала еще более беспокойной, пока он вновь не обратился к отцу с просьбой поехать к цади́ку в третий раз.

– Отец, – умолял он, – давай один раз не послушаемся предостережения небес. Ведь упавшая лошадь и сломанная телега еще не говорят о том, что в этом повинен цади́к.

На это раввин ответил ему:

– Ну а если нам будет послано предупреждение, что во всем виноват только он один? Мы должны подчиниться такому знаку.

– Я подчинюсь, мы вернемся домой, и я больше никогда не поеду к нему.

Так они отправились в путь в третий раз. Все шло хорошо. На ночь они остановились в гостинице, расположенной неподалеку от деревни, в которой жил цади́к. Во время ужина мальчик мечтал о предстоящем счастье. Раввин же разговорился с купцом, который сидел за соседним столиком.

– Куда едет раввин? – поинтересовался купец.

– По делам, – уклончиво ответил раввин, стыдясь, что едет за советом к неграмотному человеку.

– А вы? – в свою очередь поинтересовался он.

– Я купец и только что приехал из деревни, – и он назвал деревню, в которой жил цади́к.

Тогда раввин, сделав вид, что вспомнил название деревни, сказал:

– Я слышал, что к чудотворцу, который там живет, за советами ходит много людей?

В ответ купец громко рассмеялся.

– Не вспоминайте о нем! – вскричал он. – Я еду прямо из дома этого человека!

Услышав такие слова, мальчик поднял голову и широко раскрытыми глазами уставился на купца.

– Это правда, что он святой? – спросил раввин.

– Святой! – незнакомец громко рассмеялся. – Он мошенник. Посланник дьявола! Я лично видел, как он осквернял святую Субботу.

Тогда раввин повернулся к сыну и сказал:

– Ты слышал, что говорит этот незнакомец по своей простоте. Ведь он не знает, куда мы едем!

– Я все слышал, – ответил мальчик таким тихим голосом, как будто был при смерти.

И они вернулись домой.

Вскоре после этого мальчик умер.

Однажды ночью, когда убитый горем раввин спал, во сне к нему явился сын. Он был сильно раздражен. Раввин спросил его:

– Сын мой, почему ты так рассержен?

А мальчик прокричал ему в ответ:

– Ты должен съездить к цадику, которого я так хотел увидеть!

Раввин встал и, размышляя о сне, сказал себе:

– Может быть, это шанс, который мне посылается свыше.

Но так никуда и не поехал.

Вскоре сын снова явился к нему во сне. Мальчик был одет в одежды Ангела Гнева.

Он прокричал отцу:

– Иди к цадику! Иди!

На этот раз раввин подумал: «Сон – это происки искуителя».

Но когда сын явился к нему в третий раз, раввин решил, что надо все-таки ехать.

Когда он добрался до гостиницы, в которой останавливался с сыном в последний раз, он решил заночевать в ней.

Одиноко он сидел в своей комнате и даже не притронулся к еде, которая стояла перед ним. На душе у него было тяжело.

Вдруг откуда-то неожиданно раздался насмешливый голос:

– Ага, раввин приехал сюда снова!

Раввин поднял голову и увидел перед собой купца, которого встречал здесь в прошлый свой приезд.

– Раввин снова здесь, – повторил купец, – но на этот раз один!

– А вы тот купец, которого я встречал здесь раньше? – спросил раввин.

– Конечно, это я! – воскликнул незнакомец и, широко открыв рот, громко рассмеялся. – Если вы только пожелаете, я смогу проглотить вас живьем!

От страха раввин затрясся.

– Кто вы? – спросил он дрожа.

– Помните, как вместе с сыном вы ехали к цадику и по дороге ваша лошадь поскользнулась и упала в ручей? Однако ваш сын вновь упросил вас поехать к этому святому человеку, но на этот раз у телеги сломались обе оси? А в третий раз вы встретили меня здесь, и я сказал, что этот святой – обманщик, который бесчестит святую Субботу? Тогда вы возвратились назад, а ваш сын умер от одиночества и печали! И вот сейчас, когда я избавил вас от сына, вы можете продолжать свой путь. А я могу вам сказать, что в душе вашего сына пылало небольшое пламя. Большое же пламя было в душе у цадика, и если бы они встретились, то на землю бы явился Мессия! Поэтому я и создавал вам препятствия и делал это до тех пор пока ваш сын не умер. Сейчас вы можете идти и увидеть цадика!

С этими словами незнакомец исчез.

А раввин продолжил свой путь и добрался до избышки праведника, где горько заплакал:

– Потеряв кого-то, мы больше никогда не сможем его вернуть.

Ī āāāā Ī ēēēēy Nēi āēīāā

Вспоминая Льва Квитко

В 9 номере журнала за 1999 год я прочитал статью Матвея Гейзера «Влюбленный в жизнь», которая очень обрадовала меня. Она написана с любовью к читателям, еще раз напомнила, что без обнародования таких трагических событий, которые пережил еврейский народ, невозможно сделать выводы, столь необходимые нам, нашим детям, внукам...

Статья напомнила мне об очень дорогом мне человеке, который благословил меня как начинающего поэта.

Знаменитый поэт Лев Моисеевич Квитко приехал в Тбилиси в 1947 году, чтобы ознакомиться с жизнью грузинских евреев. Он посетил Исторический музей евреев Грузии. Арон Крихели, директор музея, поэт и историк, познакомил Квитко с еврейскими интеллектуалами, среди которых оказался и я. При первой же встрече Квитко очаровал нас. Он был образцом еврейской мудрости, приветливости и доброты. Банкет в честь поэта прошел как праздник. Квитко рассказал нам о деятельности Антифашистского комитета, возглавляемого С. Михоэлсом, ознакомил с произведениями Маркиша, Бергельсона, Горштейна, писавших на идише. Через несколько дней в клубе, где собиралась в основном еврейская интеллигенция, был устроен концерт, на который был приглашен Квитко с женой. На этом концерте я прочел свои стихи, посвященные памяти Шолом-Алейхема и знаменитого революционера Ицке Рижинашвили. После концерта по желанию Квитко А. Крихели представил меня ему.

Эта вторая встреча стала для меня большой радостью, ведь меня слушал знаменитый еврейский поэт, в зале ему переводили мои стихи. Я был взволнован. Улыбаясь, Квитко предложил сделать подстрочный перевод моих стихов, обещая перевести их на идиш и опубликовать в еврейской газете.

Пребывание Квитко в Тбилиси длилось неделю. Дорогим гостям показали достопримечательности Грузии, в том числе и Мцкету. Это место, где были приняты еврейские беженцы после разрушения храма в Иерусалиме. В музее они увидели редкие экспонаты – книги, труды сотрудников музея, старинный свиток Торы, надгробные камни с еврейскими надписями, хранимые только у нас, в единственном музее в Советском Союзе. Квитко, как любознательный ребенок, всему радовался, удивлялся, что грузинские евреи на протяжении веков свято хранят законы Торы и традиции. Была еще жива легенда, что грузинские евреи – потомки одного из пропавших десяти колен Израиля. Поэту было рассказано, что в эпоху мессианского движения Бар-Кохбы рабби Акива, предприняв агитационную поездку, посетил Кавказ. Особенно заинтересовал Льва Моисеевича рассказ о еврейском происхождении царских фамилий Грузии, в частности Багратионов.

Квитко посетил нас дома. Беседовали в основном о поэзии.

Через два месяца в музей прибыла бандероль: письмо Квитко с благодарностью за наше гостеприимство и газета, в которой были напечатаны два моих стихотворения. Моей радости не было предела. В то время меня в Грузии не публиковали из-за так называемых «национальных взглядов».

И вдруг из Москвы я получил благословение от знаменитого еврейского поэта и общественного деятеля. Л.М. Квитко сдержал слово, перевел и напечатал мои стихи.

Я продолжил писать стихи. Их темой было и остается народное горе и печаль, мольбы к Б-гу помочь нам.

Не прошло и года после встречи с Квитко, как начались страшный разгул антисемитизма и борьба с сионизмом. Арестовали всех, кого мы любили, почитали. Одна новость была печальнее другой. В Минске убили С. Михоэлса, в Москве арестовали многих выдающихся людей науки, литературы и т.д. Юдофобия хлынула наружу, как гной из созревшего фурункула. А в Тбилиси арестовали Арона Крихели и всех, кто «сочувствовал» еврейским проблемам. Исторический музей, синагоги — гордость еврейского народа — закрыли. Из музея украли уникальные экспонаты: книги, национальные костюмы, украшения. Арестовали раввинов, в том числе знаменитого раввина-трибуна, публициста Давида Баазова. Всех их приговорили к расстрелу.

Из-за страшного режима я потерял родного брата, любимых и уважаемых людей, в том числе моего наставника поэта Льва Квитко. Моему горю не было утешения.

Я продолжал писать стихи, в которых просил Всевышнего прислать к нам снова Моше для нового Исхода. На меня был написан донос. В доме произвели обыск, изъяли книги Бялика, Черняховского, Греца, учебники по изучению иврита и тетради моих стихов. Меня три раза вызывали на допросы в КГБ. Спасся я чудом: «отец народов» умер.

В 1971 году я покинул Грузию и уехал в Израиль. В 1984 году в Тель-Авиве напечатали мою книгу «Избранные стихи», в предисловии к этой книге я рассказываю о любимом мною человеке Л.М. Квитко, который протянул мне руку помощи и память о котором я храню свято.

В эмиграции потерялись, к сожалению, подарки Квитко: его портрет и газета, где были напечатаны мои стихи в его переводе на идиш.

Все годы я ждал, что кто-нибудь наконец вспомнит о нем. Ведь забыть его — значит, надругаться над памятью безвинно погибшего. Большое спасибо вам и Матвею Гейзеру за материал о Льве Квитко.

В память о поэте Квитко в нашем доме регулярно зажигается свеча.

Èmè I àààèè è àèèè,

Ààèèí

1 ОКТЯБРЯ

85 лет со дня рождения психолога, профессора экспериментальной психологии Оксфордского университета, директора Центра изучения познавательных способностей, исследовавшего потребности и ценности как организующие факторы восприятия, автора трудов по проблемам обучения **Джерома Сеймура Брунера** (р. 1915, Нью-Йорк).

135 лет со дня рождения композитора и критика, профессора консерватории и Нормальной музыкальной школы в Париже **Поля Дюка** (1865–1935, Париж).

120 лет со дня рождения поэта, создателя иронической маски аполитичного интеллигентного обывателя, автора сборника стихов «Разные мотивы», «Сатира и лирика», прозы «Солдатские сказки» и др. **Саши Черного** (наст. фамилия Гликберг; 1880, Одесса – 1932, Ла Фавьер, Франция).

2 ОКТЯБРЯ

110 лет со дня рождения актера, участника труппы братьев-комиков, выступавшей в музыкальных спектаклях, водевилях, кинокомедиях, обладателя специальной премии «Оскар» 1973 года **Джулиуса (Граучо) Маркса** (1890, Нью-Йорк – 1977, Лос-Анджелес).

5 ОКТЯБРЯ

120 лет со дня рождения одного из лидеров сионистского движения, идеолога и основателя ревизионистского течения в сионизме, поэта, писателя и публициста, инициатора формирования отрядов еврейской самообороны для борьбы с погромами, организатора еврейского легиона Британской армии во время Первой мировой войны, основателя молодежного движения «Бейтар», члена исполкома Всемирной сионистской организации, командира еврейской национальной военной организации «Эцел», автора романов «Самсон Назорей», «Слово о полку», «Пятеро», переводов на иврит произведений мировой классики **Зеева (Владимира) Жаботинского** (1880, Одесса – 1940, Нью-Йорк; в 1964 году перезахоронен в Иерусалиме).

7 ОКТЯБРЯ

115 лет со дня рождения одного из создателей современной физики, основателя и руководителя института теоретической физики в Копенгагене, иностранного члена АН СССР, создавшего теорию атома, в основу которой легли планетарная модель атома, квантовые представления и предложенные им постулаты, автора работ по теории металлов, теории атомного ядра и ядерных реакций, трудов по философии естествознания, активно выступавшего против атомной угрозы, лауреата Нобелевской премии по физике за 1922 год Нильса Хенрика **Давида Бора** (1885–1962, Копенгаген).

9 ОКТЯБРЯ

45 лет со дня смерти литературоведа и публициста, организатора журнала «Новая Россия», автора мемуаров «Истоки», монографии «Михаил Шолохов» и др. **Исаия Григорьевича Лежнева** (наст. фамилия Альтшулер; 1891, Николаев Херсонской губ. – 1955, Москва).

10 ОКТЯБРЯ

140 лет со дня рождения первого еврея на посту лорда-верховного судьи Англии **Руфуса Даниила Исаакса** (1860–1935, Лондон).

11 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня смерти химика, одного из создателей химических красителей, впервые синтезировавшего индулин, хризоидин, эозин и др., получившего мононадсерную кислоту, названную его именем, **Генриха Каро** (1834, Позен, Германия – 1910, Дрезден).

13 ОКТЯБРЯ

75 лет со дня рождения комика, мастера «черного юмора», лауреата премии «Гремми» 1959 года **Ленни Брюса** (наст. имя и фамилия Леонард Шнайдер; 1925, Нью-Йорк – 1966, Лос-Анджелес).

14 ОКТЯБРЯ

15 лет со дня смерти пианиста, народного артиста СССР, профессора Московской консерватории, лауреата двух Государственных премий СССР **Эмиля Григорьевича Гилельса** (1916, Одесса – 1985, Москва).

15 ОКТЯБРЯ

100 лет со дня рождения режиссера, постановщика фильмов «Маленький Цезарь», «Я – беглый каторжник», «Они не забудут», «Элмир Великий», «Дом, в котором я живу» (премия «Оскар» за лучшую картину 1945 года) и др. **Мервина Ле Роя** (р. 1900).

16 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения архитектора, дизайнера, педагога, профессора индустриального дизайна Королевского колледжа искусств Великобритании, автора оформления павильонов выставки в Глазго в 1938 году, павильонов Британии на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году и др., кавалера Ордена Британской империи **сэра Миши Блэка** (1910, Баку – 1977, Лондон).

17 ОКТЯБРЯ

120 лет со дня рождения физика, академика РАН и АН СССР, вице-президента АН СССР, одного из создателей отечественной школы физиков, пионера исследований полупроводников, организатора и первого директора физико-технического института, института полупроводников АН СССР и физико-агрономического института, инициатора создания физико-технических институтов в Харькове, Днепропетровске, Свердловске, Томске, автора трудов по прочности, пластичности, электропроводности твердого тела, лауреата двух Государственных премий СССР **Абрама Федоровича Иоффе** (1880, Ромны – 1960, Ленинград).

85 лет со дня рождения драматурга, президента Пен-клуба, автора драм «Смерть коммивояжера», «Это случилось в Виши», комедии «Сотворение мира и другие дела», пьес «Потолок архиепископа», «Американский хронограф» и др. **Артура Миллера** (р. 1915, Нью-Йорк).

25 лет со дня смерти артиста балета, балетмейстера, заслуженного деятеля искусств РСФСР, артиста и балетмейстера Большого театра, балетмейстера Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, организатора и художественного руководителя ансамбля «Хореографические миниатюры», постановщика балетов «Спартак», «Клоп», «Двенадцать» и др., лауреата Государственной премии СССР **Леонида Вениаминовича Якобсона** (1904, Петербург – 1975, Москва).

20 ОКТЯБРЯ

75 лет со дня рождения журналиста, публициста, автора книг «Сын великого общества», «Я никогда не танцевал в Белом доме», «Пока Рейган спал», «Всех можно всегда обдурить» и др., лауреата Пулицеровской премии **Арта Бухвальда** (р. 1925, Нью-Йорк).

75 лет со дня рождения режиссера, президента Академии искусств ГДР, постановщика фильмов «Лисси» (премия Мкф в Карлови-Вари), «Искатель солнца», «Звезды» (специальная премия Мкф в Канне), «Профессор Мамлок» (премия Мкф в Москве), «Гойя, или Тяжкий путь познания» (специальная премия Мкф в Москве) и др., лауреата четырех Национальных премий ГДР Конрада Вольфа (1925–1982).

80 лет со дня рождения киноактера, сыгравшего в фильмах «Печенье удачи» (премия «Оскар» за лучшую мужскую роль 1966 года), «Инструкция для женатых мужчин», «Судья» и др. **Уолтера Маттау** (р. 1920, Нью-Йорк).

22 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, командира батальона стрелкового полка, капитана **Ефима Григорьевича Цитовского** (р. 1920, Конотоп Черниговской губ.).

85 лет со дня рождения общественного и государственного деятеля, спикера кнессета, министра иностранных дел и премьер-министра Израиля **Ицхака Шамира** (наст. фамилия Езерницки; р. 1915, Рузаной, Польша).

23 ОКТЯБРЯ

50 лет со дня смерти певца и киноактера, рекордсмена по продаже грампластинок в 1920-е годы, произнесшего первую фразу в первом звуковом кино «Певец джаза» **Ола Джолсона** (наст. имя и фамилия Аса Йоэльсон; 1886, Сведнике, Литва – 1950, Сан-Франциско).

24 ОКТЯБРЯ

100 лет со дня рождения физико-химика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по поверхностным явлениям и коллоидной химии, создавшего (совм. с С.Е. Бресслером) теорию глобулярного строения белков, лауреата Государственной премии СССР **Давида Львовича Талмуда** (1900, Елизаветград Херсонской губ. – 1973, Москва).

105 лет со дня рождения химика, академика АН СССР, создателя научной школы по электрохимии, профессора МГУ, директора института физической химии АН СССР и института электрохимии АН СССР (с 1983 года носит его имя), автора трудов по кинетике и механизмам электрохимических процессов, развившего представления о строении двойного электрического слоя, заложившего основы электрохимической кинетики, лауреата премии имени Ленина и трех Государственных премий СССР **Александра Наумовича Фрумкина** (1895, Кишинев – 1976, Тула).

25 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения артиста, балетмейстера и педагога, солиста балетных трупп Иды Рубинштейн, Анны Павловой, ведущих театров Западной Европы, организатора собственной труппы и балетной школы в Лос-Анджелесе **Дэвида Лишина** (наст. фамилия Лихтенштейн; 1910, Ростов-на-Дону – 1972, Лос-Анджелес).

30 лет со дня смерти историка, автора исторических бестселлеров «Американская политическая традиция», «Век реформ» (Пулицеровская премия), «Смысл партийной системы», «Антиинтеллектуализм американской жизни» (Пулицеровская премия) и др. **Ричарда Хофстедтера** (1916, Буффало, США – 1970, Нью-Йорк).

26 ОКТЯБРЯ

100 лет со дня рождения биохимика, профессора одесской Государственной академии пищевых технологий, создателя научного направления «Биохимические основы консервирования», основателя и руководителя одесской школы пищевой биохимии **Александра Тевьевича Марха** (1900 – 1988, Одесса).

10 лет со дня смерти медиа-магната, владельца медиа-империи CBS, президента музея современного искусства в Нью-Йорке **Уильяма Палея** (1901, Чикаго – 1990, Нью-Йорк).

27 ОКТЯБРЯ

60 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по физике полупроводников и полупроводниковым приборам, лауреата двух Государственных премий СССР **Дмитрия Залмановича Гарбузова** (р. 1940, Свердловск).

125 лет со дня рождения историка, академика АН СССР, профессора Петроградского университета, автора трудов «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», «Континентальная блокада», «Наполеон», «Жерменаль и прериаль», «Талейран», «Нашествие Наполеона на Россию», «Крымская война» и др., лауреата трех Государственных премий СССР **Евгения Викторовича Тарле** (1875, Киев – 1955, Москва).

29 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения микробиолога, иммунолога, члена Национальной АН США, Американской академии искусств и наук, профессора патологии медицинской школы Нью-Йоркского университета, профессора сравнительной физиологии и заведующего кафедрой патологии Гарвардской медицинской школы, автора работ по генетическому контролю иммунологической реакции организма, лауреата Нобелевской премии по медицине 1980 года (совм. с Ж. Доссе и Дж. Д. Снеллом) **Баруха Бенасеррафа** (р. 1920, Каракас, Венесуэла).

75 лет со дня рождения математика, члена Лондонского королевского общества, иностранного члена Американской академии искусств и наук, профессора Лондонского университета, автора трудов по теории чисел, обладателя золотой медали и премии Дж. Филдса **Клауса Фридриха Рота** (р. 1925, Бреслау).

30 ОКТЯБРЯ

95 лет со дня рождения композитора, народного артиста Казахской ССР, профессора Алма-Атинской консерватории, одного из основоположников казахской композиторской музыки, автора первых казахских опер, оркестровых произведений, лауреата Государственной премии СССР, Государственной премии Казахской ССР

Евгения Григорьевича Брусиловского (1905 , Ростов-на-Дону – 1981, Москва).

25 лет со дня смерти физика, члена Немецкой АН в Берлине и Геттингенской академии, иностранного члена АН СССР, Венгрии и Чехословакии, профессора физики и директора физического института университета в Галле, директора физического института Шарлоттенбургского технического университета, профессора университета им. Карла Маркса, директора физического института при Лейпцигском университете, исследовавшего столкновение электронов с атомами, разработавшего диффузионный метод разделения изотопов, лауреата Нобелевской премии по физике 1925 года и Государственной премии СССР **Густава Герца** (1887, Гамбург – 1975, Берлин, ГДР).

30 лет со дня смерти спортсмена, чемпиона мира по боксу в легком весе 1925 – 1927 годов **Луиса Каплана** (1901, Киев – 1970, Нью-Йорк).

31 ОКТЯБРЯ

165 лет со дня рождения химика-органика, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, основателя крупной научной школы, автора основополагающих трудов по синтезу красителей и алициклических соединений, стереохимии, синтезировавшего и установившего строение индиго, автора теории напряжения циклических молекул, объяснившей зависимость устойчивости циклов от их размера, введшего понятие о цис-транс-изомерии, лауреата Нобелевской премии по химии 1905 года **Адольфа Байера** (1835 – 1917, Берлин).

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, генерал-майора авиации, заслуженного летчика-испытателя СССР **Якова Ильича Верникова** (р. 1920, Спас-Деменск Калужской губ.).